

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

Институт истории, археологии и этнографии
им. Ч. Ч. Валиханова

Б 69-51
735

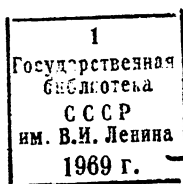
Г. Ф. ДАХШЛЕЙГЕР

ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКОГО КАЗАХСТАНА

(ОЧЕРК)

Издательство „НАУКА“ Казахской ССР

69-10

62522

Ответственный редактор
академик АН КазССР
А. Н. НУСУПБЕКОВ

ВВЕДЕНИЕ

Опыт истории — понятие на редкость емкое, многозначное, семантика его очень и очень широка. Историческая наука имеет дело с весьма подвижным и быстроменяющимся организмом, каким является человеческое общество, с присущими ему социальными, политическими и культурными ценностями, находящимися в постоянном взаимодействии и развитии. Историю человеческого общества не поместишь в лабораторные условия и не смоделируешь во всех многообразных связях и отношениях. Историк, восстанавливающему прошлое, совсем не проще, чем физик, улавливающему нейтрино или любую другую элементарную частицу, химик, конструирующему сложные полимеры, или биологу, ищущему тайны происхождения жизни.

Наука, основоположниками которой были Маркс, Энгельс, Ленин, создала единственно верную концепцию всемирно-исторического процесса, решила многие коренные проблемы истории народов земного шара и внесла огромный вклад в прогресс человечества. Ее связь с жизнью, ее действенность и социальная функция как средства познания законов и перспектив общественного развития, как средства воспитания с каждым днем все возрастают.

Естественно, что историческая наука, как и всякая другая, требует познания своей собственной истории, проверки результатов своих исследований, характеристики движения и борьбы различных, нередко прямо

противоположных взглядов, т. е. динамики исторической мысли. Это и есть предмет особой области знания — историографии. Ее исходные принципы — подлинный историзм и партийность, признание коренной противоположности марксистско-ленинской методологии и методологии буржуазной, признание закономерностей общественно-экономического и культурного развития человечества.

История исторических знаний в советскую эпоху сравнительно молода. Тем более молода (и относительно, и абсолютно) казахстанская историография. В 20—30-е гг. историографической работы в Казахстане почти не велось, дальше кратких введений к книгам дело не шло.

Первые попытки более широко показать развитие исторической мысли были предприняты в послевоенные годы¹. Эти изыскания обращены преимущественно к литературе дореволюционного прошлого. В большинстве же трудов, изданных в 40-е — начале 50-х гг., проблемы историографии даже непосредственно по конкретным темам исследований не рассматривались. Историки обходили острые углы, часто замалчивали труды своих предшественников, временно вычеркнутые из науки.

Решительная борьба Коммунистической партии с наслоениями прошлого сразу же положительно сказалась на науке. Вновь вошло в нее творческое наследие ученых первых лет Советской власти, восстановилась преемственная связь в исследовании основных проблем и стал гораздо более ясным в целом поступательный ход развития исторической мысли. Вошли в систему обстоятельные историографические введения к монографиям, было покончено с фактами охаивания научных трудов, стала невозможной постановка той или иной проблемы без основательного рассмотрения работ предшественников.

К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, 40-летию образования Казахской ССР и Коммунистической партии Казахстана опубликованы статьи А. Н. Нусупбекова, С. Н. Покровского, В. Ф. Шахматова, А. Х. Маргулана, К. Акишева, Э. Масанова, Б. С. Сулейменова, А. Б. Турсунбаева и других по истории исторической науки в Советском Казахстане².

В них была дана в общем правильная характеристика степени изученности многих важных проблем истории Советского и дореволюционного Казахстана, отмечены расхождения во взглядах по отдельным вопросам (например, о сути и специфике патриархально-феодальных отношений в казахском кочевом ауле), имелись сведения о публикации источников.

В это же время появились первые работы, в которых с партийных позиций оценивалась иностранная литература по истории казахского народа и дан отпор буржуазным фальсификаторам³. Полезными оказались попытки обобщить историографию Казахстана в дореволюционную эпоху⁴.

Несомненный интерес представляют специальные статьи о таких областях исторической науки, как этнография и археология⁵, о Казахстане в период Великой Отечественной войны⁶, персоналии — о взглядах и итогах деятельности отдельных видных ученых — историков и этнографов прошлого⁷, а также археографические обзоры⁸ и материалы, содержащие сведения о преподавании историографии в высшей школе республики⁹. Сделаны серьезные попытки разобрать состояние изученности вопросов истории Коммунистической партии Казахстана¹⁰. В связи с подготовкой к 50-летию Октября опубликован ряд обобщающих работ об основных этапах становления и развития исторической науки в Казахской ССР¹¹.

Все это подняло казахстанскую историографию на новую, более высокую ступень.

* * *

Сложным и своеобразным был процесс становления и развития исторических знаний в Советском Казахстане. Но при всем том периодизация казахстанской историографии в главном совпадает с периодизацией истории науки в СССР в целом. Основные этапы определяются следующим образом: 1) от Октября 1917 г. до середины 30-х гг., 2) от середины 30-х до середины 50-х гг. и 3) от середины 50-х гг. до наших дней. Возможна и более дробная периодизация, например, заслуживают быть выделенными годы Великой Оте-

чественной войны. Но в очерке ограничимся намеченными тремя крупными этапами.

Заметим, что вопросы периодизации были и остаются предметом дискуссии. Так, на выездной сессии научного совета по истории исторической науки Отделения истории Академии наук СССР в Алма-Ате (май 1968 г.) высказывались соображения, что завершение этапа становления науки в Средней Азии и Казахстане следует отнести к началу 40-х гг., а не к середине 30-х гг. Обосновывалась эта мысль тем, что середина 30-х гг. в плане истории науки имела много негативных, отрицательных моментов, достижения же ее были очень невелики.

Однако, такая аргументация вряд ли убедительна.

Во-первых, при относительной самостоятельности процесса развития науки ее проблематика была теснейшим образом связана с практикой социалистического строительства, а ее уровень в конечном счете определялся уровнем социального и культурного прогресса в данном случае некогда отсталых народов Советского Востока. В этом смысле не вызывает сомнений, что середина 30-х гг. — рубеж, когда были в основном решены задачи ликвидации фактического неравенства и перехода казахского, как и народов Средней Азии, к социализму, минуя капитализм.

Во-вторых, не следует забывать, что научные представления об истории Казахстана, казахского народа складывались не только в самой республике, но и за ее пределами, что казахстанская историография (как, впрочем, и любой среднеазиатской республики) являлась неотъемлемой составной частью советской исторической науки в целом.

В-третьих (это будет раскрыто в тексте книги), к середине 30-х гг. в казахстанской историографии были достигнуты существенные научные результаты, и не негативные, а позитивные сдвиги определяли лицо науки. К тому же конец 30-х гг. не внес принципиально чего-либо нового в изучении истории Казахской ССР.

Разумеется, сказанное не исключает возможности продолжения дискуссии по столь актуальному вопросу¹².

Бесспорно, что наши знания об истории казахского народа и других народов, живущих на территории рес-

публики, за годы Советской власти неизмеримо расширились, многое осмыслено и оценено. Назрела необходимость обобщить накопленный опыт. Ибо без такого обобщения существенно затруднено развитие творческой мысли, выделение актуальных и малоисследованных проблем, решение спорных вопросов.

Предлагаемый вниманию читателя обзорный очерк не ставит своей целью всесторонне охарактеризовать весь процесс становления и развития казахстанской историографии за 50 лет Советской власти. Его задача гораздо скромнее: попытаться наметить главные вехи науки, раскрыть внутреннюю логику ее роста, ее основные достижения, а вместе с тем выявить пробелы, отметить дискуссионные вопросы, показать ее теснейшую взаимосвязь с общественно-политической жизнью страны, классовой борьбой.

Очерк, таким образом, не исчерпывает темы. В нем мало охарактеризована, например, историография Коммунистической партии Казахстана, так как она изучена далеко не достаточно. Он не касается успехов археологии и этнографии, которым посвящены вышедшие в последние годы книги и статьи ¹³ (повторять их содержание нецелесообразно).

Библиография представлена главным образом книгами и частично статьями. Научный аппарат ограничен, ибо даже неаннотированный указатель статей и публикаций потребовал бы десятков печатных листов. Наименования трудов, вышедших на казахском языке, даны в русском переводе с указанием на язык оригинала.

Раздел по историографии культурного строительства (гл. 4) написан Р. Б. Сулейменовым и Х. И. Бисеновым.

Проблемы, поставленные в книге, рассматривались на сессиях научного совета по истории исторической науки при Отделении истории АН СССР (Киев, 1965; М., 1966), на заседаниях редколлегии «Очерков истории исторической науки в СССР» (М., 1967), конференции историков партии при Казахском филиале ИМЛ — Ин-те истории партии при ЦК КП Казахстана (Алма-Ата, 1967), во время обсуждения макета седьмого тома «Очерков истории исторической науки в СССР» (Алма-Ата, 1968), на всесоюзной сессии по истории националь-

но-государственного строительства в СССР (Душанбе, 1968). Критические замечания, многие советы и пожелания были учтены при подготовке работы к печати.

Возможно, отдельные положения, формулировки очерка окажутся недостаточно убедительными, а, может быть, и спорными. Обмен мнениями, критические замечания, продолжение исследований несомненно будут содействовать созданию обобщающего труда по истории исторических знаний в Советском Казахстане.

Интерес к изучению истории казахского народа, стремление осмыслить историю громадного края и его древних насельников, выяснить их взаимоотношения с соседними народами и государствами возникли очень давно. Извечные вопросы науки истории, откуда «есть» пошла казахская земля и казахский народ, постоянно волновали пытливых и любознательных.

Однако только победа Великой Октябрьской социалистической революции положила начало глубокому, систематическому и всестороннему изучению истории Казахстана на основе действительно научной, марксистско-ленинской методологии.

История исторических знаний о Казахстане, о казахском народе в послеоктябрьскую эпоху — неотъемлемая составная часть советской исторической науки в целом. Становление и крутой подъем историографии Казахстана, как и вообще исторической науки в СССР, происходили в теснейшей связи с социалистическим строительством, с коренными преобразованиями в общественно-экономической и политической жизни народов Советской страны, в упорной и нередко ожесточенной борьбе с отжившими свой век классами, социальными группами и их идеологией. Жизнь, дух эпохи имели свое прямое или опосредованное, но постоянное воздействие на советскую историографию в целом, историографию Казахстана в частности.

✓ Решающую роль в становлении и развитии подлинно научной историографии казахского народа сыграли труды В. И. Ленина, ленинское теоретическое наследие.

Тема «Ленин и проблемы истории казахского народа» в сущности неисчерпаема. Труды Ленина имели и имеют не только основополагающее, методологическое значение для понимания и правильной оценки всех основных проблем истории как советского, так и дореволюционного Казахстана, но и дали прямые ответы на многие конкретно-исторические вопросы казахстанской истории. Ленинская концепция российского исторического процесса включает в себя и взгляды Ленина на историю народов России, в частности казахского народа.

Ленинская постановка вопроса о народности и нации, о важнейших факторах, определяющих сущность

этнических процессов, является ключом к чрезвычайно сложному и еще малоизученному вопросу о происхождении казахской народности, основных этапах, пройденных ею, и путях формирования в нацию. Только исходя из взглядов Ленина, можно правильно представить процесс консолидации казахской народности в нацию до Октября 1917 г., констатировать его незавершенность вследствие отсутствия сложившейся экономической общности, а также восстановить пути консолидации казахов в советскую эпоху, но уже в социалистическую нацию, выявить особенности этого процесса при переходе к новому общественному строю, минуя капитализм.

Ленинское определение России как многонационального государства, в котором «иностранцы», составляющие большинство населения, живут на окраинах, подвергаясь гнету гораздо более сильному, чем в соседних государствах, его формула колонии и применение ее к Казахскому краю (по отношению к Туркестану он употребляет выражение — «колония чистейшего типа»), ленинские оценки колониальной политики самодержавия в целом, его переселенческой политики в том числе, являются основанием для понимания всей социально-экономической, политической и культурной истории казахского народа в канун социалистической революции, объясняют причины нарастания борьбы народных масс Казахстана (и казахов, и переселенцев) против военно-феодального империализма и русской буржуазии.

Лениным установлены две основные тенденции в национальном вопросе в эпоху капитализма, две стороны процесса развития русского капитализма — вглубь и вширь, их диалектическая взаимосвязь и специфика в сравнении с развитием, например, капитализма в Англии или Франции («обилие свободных и доступных колонизации земель на окраинах»), отмечено нивелирование российским капитализмом местных особенностей, втягивание колоний в мировое товарное обращение, превращение их в рынок сбыта и источник сырья для метрополии. Им определены полная совместимость признания тяжких следствий национально-колониального гнета с признанием прогрессивных сдвигов в хозяйстве и социальных отношениях в колониях Россий-

ской империи, зависимость между темпами, масштабами проникновения капиталистических отношений на окраины и влиянием крепостнических остатков в собственно России. Эти ленинские положения являются исходными при оценке значения вхождения казахских земель в состав России, выяснения своеобразия распространения российского капитализма в Казахском крае.

✂ Общеизвестно внимание Владимира Ильича к аграрному вопросу, к его роли и месту в буржуазно-демократической и социалистической революциях в России. При этом Ленин никогда не отрывал аграрный вопрос в центре России от аграрного вопроса на окраинах. Сошлемся лишь на одну иллюстрацию: «... многие миллионы десятин и в Туркестане и во многих других местах России «ожидают» не только орошения и всякого рода мелиораций, они «ожидают» также освобождения русского земледельческого населения от пережитков крепостного права, от гнета дворянских латифундий, от черносотенной диктатуры в государстве»¹.

Ленин постоянно следил за выступлениями думских депутатов от национальных окраин (в этом отношении характерны ленинская запись и оценка выступления депутата II Думы Б. Каратаева, представлявшего казахское население Уральской области), за развитием аграрного движения в российских колониях.

Ленин дал четкую классовую оценку позиции, как он говорил, «националов» в Думе, объяснил их желание держаться в стороне от русского аграрного вопроса, вполне естественное для формировавшейся национальной буржуазии, но недопустимое для пролетариата. Он доказал, что революционное аграрное и национально-освободительное движение возникло и развивалось в тесной связи с социалистическим движением русского пролетариата. И вряд ли нужно пояснять, что без ленинской оценки сути аграрного вопроса в России невозможно правильно понять особенности аграрного вопроса в Казахстане, значение фактора массового переселения русских и украинских крестьян в Казахстан, социальные корни сближения переселенцев-тружеников с местным, коренным трудящимся крестьянством, основы союза русского пролетариата и переселенческой бедноты с казахским шаруа.

Ленину принадлежит всесторонняя характеристика значения и остроты национального вопроса в царской России, которую он по праву назвал «тюрьмой народов», социальной основы и движущих сил национальных движений в Российской империи в эпоху империализма, их особенных черт в сравнении с национальными движениями в странах Европы в предшествующую эпоху, эпоху монополистического капитализма. Он ясно раскрыл позицию пролетариата и его авангарда — партии большевиков — по отношению к национальным движениям — обязательность поддержки подлинно национально-освободительных выступлений угнетенных масс, но с существенным исключением: «не всякую борьбу против империализма мы вправе поддерживать. Борьбу реакционных классов против империализма мы *не* поддержим, восстание реакционных классов против империализма и капитализма мы *не* поддержим»².

Отмечая наличие общедемократического содержания в буржуазном национализме угнетенных наций и необходимость его поддержки (прежде всего демократического содержания), Ленин требовал последовательного разоблачения ограниченности и вредности буржуазно-националистической идеологии, отвлекающей национальной грызней рабочий класс и революционное крестьянство от решения классовых задач, подменяющей лозунг действительного освобождения трудящихся от социального и национального гнета националистическими лозунгами «своей» буржуазии о защите интересов «своего» народа. Он подчеркивал, что националистическая идеология наносит величайший ущерб делу рабочего класса, ибо прикрывает всякого рода торгашеские сделки национальной буржуазии с русскими крепостниками и черносотенцами, ее предательство из страха перед революцией, подлинной свободы своего народа. Буржуазия угнетенных наций в Австрии и России, говорил Ленин в 1916 г., в том самом году, когда весь Казахстан и Среднюю Азию охватило народное восстание, «*только болтает о национальном восстании, а на деле вступает в реакционные сделки с буржуазией угнетающей нации за спиной и против своего народа...*»³. Он не абсолютизировал значения буржуазных национальных движений, указывал, что национа-

листические требования буржуазии в определенных исторических условиях уже были и могут быть снова орудием обмана рабочих. В то же время он острейшим образом разоблачал болтовню Керенского и других слуг русской империалистической буржуазии по национальному вопросу.

Только на такой, созданной Лениным, методологической основе стали возможны объективные исследования весьма сложных вопросов истории национальных движений в Казахстане в предреволюционную пору, особенно восстания 1916 г., анализ классовой позиции и идеологии эсеров, меньшевиков и других предателей дела рабочего класса, анализ позиции и идеологии зарождавшейся казахской буржуазии, еще не оторвавшейся от патриархально-феодальной пуповины, оценка ее идейной платформы, нашедшей отражение в программе националистического движения Алаш и деятельности его лидеров, по многим вопросам примыкавших к русским либеральным буржуа-кадетам, по всякому поводу шедших на компромисс, сделку и прямой союз с царизмом, а также мелкобуржуазной партии Уш-жуз и ее эклектических взглядов на прошлое и будущее казахского народа.

Отнюдь не меньшее значение для понимания истории Казахстана предоктябрьского времени и первых лет Советской власти имеет ленинская постановка вопроса о праве наций на самоопределение для всех стран и народов, включая и самые отсталые, несших ярмо национально-колониального гнета; о внутренней диалектике проблемы самоопределения, требующей различения защиты права на самоспределение от вопроса о целесообразности отделения той или иной нации в тот или иной исторический момент и даже агитации марксистов против отделения при постоянном отстаивании партией рабочего класса теснейшего классового союза пролетариев всех наций. Только с учетом всех ленинских взглядов на самоопределение наций можно понять конкретную историю борьбы большевистской партии, трудящихся масс Казахстана против буржуазной автономии, за Советскую власть, выправление ошибок местных Советов в отношении к казахской Советской автономии, правильную партийную оценку идеологов пантюркизма и панисламизма, по сути пытав-

шихся соединить освободительное движение против империализма с укреплением позиций ханов и мулл.

Классический ленинский анализ эпохи империализма, ленинская теория социалистической революции, ее вывод о возможности прорыва империалистической цепи в наиболее слабом звене, о роли крестьянства вообще, национального крестьянства в особенности, как резерва пролетариата, о слиянии крестьянского и национально-освободительного движения с борьбой рабочих против капиталистического строя позволяют объективно и глубоко раскрыть историческую необходимость, закономерность победы Великого Октября и установления Советской власти в отсталом аграрном, колониальном крае, показать все особенности и трудности процесса перерастания в Казахском крае антифеодального, антиколониального, антиимпериалистического движения в антикапиталистическое.

Историки Казахстана постоянно помнят ленинские требования о борьбе с упрощенцами, представлявшими социальную революцию «чистой», без восстаний колониальных народов, без выступлений мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками, без движения несознательных пролетарских, полупролетарских масс, вносящих в нее свои реакционные фантазии, слабости и ошибки. «Диалектика истории такова,— учил Ленин (и это обязательное условие объективного исследования.— Г. Д.),— что мелкие нации, бессильные, как *самостоятельный* фактор в борьбе с империализмом, играют роль как один из ферментов, одна из бацилл, помогающих выступлению на сцену *настоящей* силы против империализма, именно: социалистического пролетариата»⁴. Венцом этого глубокого исторического смысла ленинских высказываний явился следующий общеисторический вывод: «Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, ссоединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в переходных странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»⁵.

Прямое отношение к исследованию проблем казахстанской историографии — проблемы участия казахских трудящихся масс в социалистической революции,

опыта истории разрешения национального вопроса в переходный к социализму период — имеют высказывания В. И. Ленина о соотношении социального и национального моментов в классовой борьбе, его мысль о том, что защита классовых интересов пролетариата есть в то же время защита коренных национальных интересов всех трудящихся той или иной нации, что национальный вопрос при всем его значении все же играет подчиненную роль по отношению к вопросу социальному, классовому.

Признавая равноправие и равное право народов на национальное государство,— подчеркивал Ленин,— пролетариат «выше всего ценит и ставит союз пролетариев всех наций, оценивая *под углом* классовой борьбы рабочих всякое национальное требование, всякое национальное отделение». И еще — в России «борется и должен бороться рядом пролетариат угнетенных наций и пролетариат угнетающей нации»⁶. Столь же существенно его положение о том, что «массы населения превосходно знают, по повседневному опыту, значение географических и экономических связей, преимущества крупного рынка и крупного государства, и на отделение они пойдут лишь тогда, когда национальный гнет и национальные трения делают совместную жизнь совершенно невыносимой...»⁷

Ленинский критерий — все взаимные отношения народов, государств после победы социалистической революции должны определяться (в конечном счете) их отношением к первому в мире государству рабочих и крестьян, уничтожившему национальный гнет, а формы союза всех национально-освободительных движений с Советской Россией вытекать из уровня развития коммунистического и буржуазно-демократического движения в отсталых странах — имеет громадное значение для освещения конкретной истории установления и упрочения Советской власти в Казахстане, объясняет важнейшие моменты истории строительства и развития казахской советской государственности, строительства нового общественного строя, свободного от эксплуатации человека человеком. Нельзя при этом не сослаться на проникнутые духом подлинного пролетарского интернационализма слова В. И. Ленина: «Мы всегда стояли, стоим и будет стоять за самое тесное сближе-

ние и слияние сознательных рабочих передовых стран с рабочими, крестьянами, рабами *всех* угнетенных стран. Мы всегда советовали и всегда будем советовать всем угнетенным классам всех угнетенных стран, колоний в том числе, *не* отделяться от нас, а как можно теснее сближаться и сливаться с нами»⁸.

Разве можно правильно осветить деятельность социал-демократических организаций и групп, историю рабочего и коммунистического движения в дореволюционном Казахстане, а после победы социалистической революции практику национальной политики Коммунистической партии и Советского государства, историю создания социалистической промышленности, преобразования сельского хозяйства, культурной революции без учета ленинских указаний об отличии позиций рабочих угнетающих и угнетенных наций? Вся история революционной борьбы, строительства социализма в Казахстане полна доказательств жизненности ленинских требований: русский рабочий должен не только последовательно отстаивать право всех угнетенных царизмом народов на самоопределение, вплоть до отделения, но и осуществить на деле такое «неравенство» по отношению к себе, которое бы возмещало неравенство, сложившееся фактически в силу колониальной политики царизма; рабочий же казах, как и рабочий любой другой угнетенной нации, должен бороться за добровольный союз наций, за единство с русским пролетариатом, за уничтожение всех и всяких элементов национальной ограниченности, за социальный, политический и культурный прогресс всех народов.

Ленин писал так: «Никуда не годится абстрактная постановка вопроса о национализме вообще. Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой.

...Интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически. Кто не понял этого, тот не

понял действительного пролетарского отношения к национальному вопросу, тот остался, в сущности, на точке зрения мелкобуржуазной и поэтому не может не скатываться ежеминутно к буржуазной точке зрения»⁹. Далее Ленин дает практические советы решения национального вопроса, советы, имевшие не только общероссийское, но и огромное международное значение.

Если сопоставить приведенные высказывания Ленина с другими, в частности, по туркестанским (а тем самым и казахстанским) вопросам¹⁰, то бросается в глаза тождество идей. Главная из них — борьба не на жизнь, а на смерть с великодержавным шовинизмом, представлявшим в то время главную опасность.

Особо стоит сказать об исключительной заботе, терпении, чуткости Ленина, ленинского ЦК к национальным кадрам партийных и государственных работников, национальной интеллигенции, в том числе Казахстана. Последовательно критикуя национал-уклонизм, ошибки и срывы местных работников, без всякого либерализма обнажая суть их ошибок, Ленин, партия в то же время сознательно шли им на уступки, поправляли и направляли их теоретическую и практическую работу, воспитывали их в духе пролетарского интернационализма, по-настоящему заботливо растили их. Сошлемся на типичный в этом отношении путь Турара Рыскулова¹¹.

Сын казаха-бедняка, он уже в 1916 г. вступил на путь революционной борьбы с самодержавием, а в сентябре 1917 г. стал членом партии. После установления Советской власти Рыскулов занимал ряд руководящих постов в Турккесреспублике. М. В. Фрунзе, в то время член Турккомиссии ВЦИК, отмечал его большую энергию и неугомонный характер. Однако Рыскулов тогда допускал ошибки, настаивая, например, на создании Тюркской компартии и Тюркской республики. В июле 1920 г. вместе с З. Валидовым и А. Байтурсуновым он направил письмо к Ленину о своем несогласии с ленинскими тезисами по национально-колониальному вопросу для II Конгресса Коминтерна.

Ленину были известны взгляды Рыскулова, он внимательно и систематически знакомился с положением дел в Туркестане, принимал Рыскулова, беседовал

с ним. Ленин критиковал позиции Рыскулова, отверг его проект решения ЦК об основных задачах партии в Туркестане, убеждал его в ошибочности пантюркистских взглядов. В этом плане интересно заявление в 1920 г. Я. Э. Рудзутака, одного из руководителей Турккомиссии: «С первых дней своего существования РСДРП(б) борется за объединение трудящихся не по национальному, а по классовому признаку. Малейшее отклонение от этого ленинского принципа ослабляет наши силы, ведет к расколу партии. Не могу согласиться с решением о создании Тюркской республики. Оно принято под влиянием националистов. Ведь никакого единого тюркского народа не существует. Есть туркмены, казахи, киргизы, узбеки»¹².

В то же время Ленин и ЦК проявили максимально бережное отношение к Рыскулову. Он временно был отозван в Москву, работал членом коллегии и зам. наркома по делам национальностей. В 1923 г. Рыскулов вернулся в Среднюю Азию, стал председателем СНК ТуркАССР, членом Средазбюро ЦК.

Встречи и беседы с Лениным, ленинская забота, спыт показали Рыскулову ошибочность его взглядов. Позднее он писал, что в 1920—1921 гг. увлекся национальными лозунгами и недооценил интернациональных задач, но затем осознал вредность своей позиции и стремился стать настоящим большевиком. Его деятельность в Коминтерне, Монголии, на посту редактора «Энбекши казак» и зам. пред. СНК РСФСР, его участие в постройке Турксиба и Балхашского медеплавильного комбината, несмотря на отдельные рецидивы ошибок, подтвердили, что он правильно понял ленинскую критику и ленинские советы.

Ленинское учение о двух культурах в культуре каждой нации, его мысли о том, что в каждой национальной культуре есть хотя бы неразвитые элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают демократическую и социалистическую идеологию, его призыв к очень бережному и в то же время критическому отношению к творческому наследию национальной культуры каждого, и большого, и малого народа были и остаются основополагающими при изучении истории

казахской национальной культуры, острой борьбы в ней разных идейных направлений, истории становления демократической и социалистической культуры казахского народа.

Ленинская характеристика общественного строя России в его эволюции, динамике, в его многоукладности, места и значения различных укладов в экономике страны (вспомним, например, его определение патриархального уклада в связи с кочевым и полукочевым хозяйством и даже с привязкой к местности — к югу от Оренбурга и Омска) является по сути дела единственно научной, методологической посылкой для анализа общественного строя казахского аула в переходный к социализму период. «... Большинство народов Востока,— говорил В. И. Ленин,— являются типичными представителями трудовой массы,— не рабочими, прошедшими школу капиталистических фабрик и заводов, а типичными представителями трудящейся, эксплуатируемой массы крестьян, которые страдают от средневекового гнета»¹³. Сказано так, будто речь идет о казахском ауле.

Мы не хотим, чтобы хивинский мужик жил под хивинским ханом,— отмечал Ленин. Эта мысль, конечно, тоже может и должна быть отнесена не только к хивинскому, но и к казахскому крестьянству.

Опыт казахстанской историографии за годы Советской власти свидетельствует о поистине великом значении для науки ленинского учения о переходе ранее отсталых народов к социализму, минуя капитализм — составной части его программы строительства социализма. Оно явилось теоретической основой по сути дела всех научных исследований по истории Казахстана советской эпохи. И не могло ей не стать, ибо определило всю политику партии по социалистическому переустройству общественных отношений в Казахстане, переход казахского народа к социализму, минуя капитализм.

Национальный вопрос и методы его разрешения, пути строительства социализма в разных странах в трудах Ленина всегда рассматривались всесторонне, с учетом реальных социальных и политических условий, специфики жизни и быта народов. Ленин всегда следовал положению, высказанному им еще до победы со-

циалистической революции в России: «Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определенные* исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи»¹⁴. Позднее, уже после революции, возвращаясь к этой мысли и имея в виду первый опыт социалистического строительства в СССР, Ленин подчеркивал: «... Единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий (это — вздорная мечта для настоящего момента), а такого применения *основных* принципов коммунизма (Советская власть и диктатура пролетариата), которое бы *правильно видоизменяло* эти принципы *в частностях*, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям»¹⁵.

Обобщая опыт социалистического строительства, Ленин предостерегал от шаблона, слепого копирования, механического переноса мер Советской власти в центральных районах страны на национальные окраины, требовал не забегать вперед, идти вместе с массами трудящихся этих окраин, постепенно подводить их к осознанию своих коренных классовых интересов, всегда считаться со своеобразием местных условий, с национальными и религиозными чувствами масс, учитывать все особенности хозяйства, быта, исторического прошлого народа, приспособлять коммунистическую тактику и политику к докапиталистическим условиям. «Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму — вот что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР»¹⁶, — писал Ленин коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской республики. И это положение, несомненно, имело отношение не только к кавказским, но и к казахским коммунистам.

Ленину принадлежит заслуга в определении основной политической формы организации трудящихся восточных окраин России и вовлечения их в социалисти-

ческое строительство — крестьянских Советов, вполне применимых, по его выражению, к докапиталистической обстановке. Глубоко веря в революционные возможности угнетенных царизмом народов, он дал ясный утвердительный ответ на вопрос о том, могут ли крестьяне, находящиеся в феодальной или полуфеодальной зависимости, усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле.

Ленин постоянно искал наиболее гибкие и эффективные средства, методы приобщения народов бывших колоний Российской империи к строительству социализма. Он понимал, что чем больше отстал тот или иной народ в своем общественно-экономическом и культурном развитии, тем больше потребуются дополнительных усилий, переходных мер, чтобы обеспечить его переход к социализму, чтобы ликвидировать унаследованное этим народом от колониального прошлого фактическое неравенство, помочь ему догнать народы, ушедшие вперед. «Мы», авангард, передовой отряд пролетариата,— писал В. И. Ленин,— переходим непосредственно к социализму, но передовой отряд есть лишь небольшая часть всего пролетариата, который, в свою очередь, есть лишь небольшая часть всей массы населения. И чтобы «мы» могли успешно решить задачу нашего непосредственного перехода к социализму, для этого надо понять, какие *посредствующие* пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода *докапиталистических* отношений к социализму. В этом весь гвоздь»¹⁷. Особое значение в этом плане имеет положение Ленина о необходимости «свержения феодализма», т. е. ликвидации всех феодальных и патриархально-феодальных институтов в общественных отношениях у народов, не прошедших капиталистической стадии развития, высказанное им при подготовке постановления ЦК РКП (б) «Об основных задачах партии в Туркестане».

Ленин решительно боролся со всеми попытками противопоставить нэп национальной политике партии. Когда в Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана и Туркбюро ЦК РКП (б) летом 1921 г. возникли разногласия по этому вопросу, Ленин в письме к М. П. Томскому (бывшему тогда председателем Турккомиссии) писал: «...Безусловно новая экономическая политика... непременно мусульманские комбеды... вни-

мательное, осторожное, с рядом уступок отношение к *мусульманской бедноте*»¹⁸.

Ленин явил замечательный пример защиты идей интернационализма, непримиримой борьбы со всеми отступлениями от этого великого принципа международного коммунистического и рабочего движения, с уклонами в сторону великодержавного шовинизма и местного национализма. Ленинская идея образования СССР и его практическая деятельность в этом направлении служили целям «сокращения» пути к социализму народов, не прошедших капиталистической стадии развития. Ленин неоднократно подчеркивал великое международное значение опыта разрешения национального вопроса, опыта строительства социализма на Советском Востоке, его практическую значимость как образцового примера для сотен миллионов людей.

Вряд ли требуются комментарии к названным ленинским положениям (их можно привести еще и еще), чтобы представить значение ленинской теории некапиталистического пути развития для познания истории Казахской ССР в советское время, для понимания истории партийной организации республики, истории ее борьбы с уклонами в национальном вопросе, для рассмотрения в целом путей разрешения национального вопроса в Казахстане.

Опыт истории целиком подтвердил ленинские идеи. Установление и укрепление советского строя, развитие национальной государственности, индустриальный рост республики и сложение национальных кадров рабочего класса, уничтожение колониального наследия в земле- и водопользовании, уравнительный передел сенокосных и пахотных угодий в ауле, экспроприация социальной группы баев-полуфеодалов, коллективизация сельского хозяйства и массовое плановое оседание казахского кочевого и полукочевого крестьянства, культурные преобразования — все эти и другие основные вопросы истории победы социализма в аграрном, колониальном крае могут быть правильно поняты и объяснены только на основе ленинской теории некапиталистического пути развития.

Этот далеко не полный перечень ленинских теоретических положений может быть продолжен и дополнен массой конкретных ленинских записей, писем, по-

меток и, наконец, партийных директив и законодательных актов, подписанных Лениным, составленных при его прямом участии. Сошлемся лишь на некоторые из них.

В трудные годы гражданской войны Ленин постоянно интересовался ходом военных действий на казахстанских фронтах, по его поручению была оказана помощь железнодорожникам Оренбурга в борьбе с Дутовым, он приветствовал соединение с Советским Туркестаном, заботился о помощи восставшим в тылу у Колчака кустанайцам, осажденным белоказаками рабочим Уральска.

Ленин послал приветствие V съезду Советов Туркестана, положившему начало его автономии на советской основе, он подписал декрет об образовании Казахского ревкома, подготавливавшего казахскую советскую автономию, декрет об образовании Казахской республики. Он дал конкретные рекомендации по национально-государственному размежеванию Средней Азии и воссоединению казахских земель в едином национальном Советском государстве, при его участии были определены задачи массовых организаций казахской бедноты — союза Кошчи.

Ленин всячески помогал первым ячейкам социалистического уклада в сельском хозяйстве Казахского края — коммуна петроградских рабочих, изучал состояние орошения и хлопководства в крае, наметил меры для восстановления посевов хлопка и развития ирригационного строительства. Он систематически занимался организацией продовольственного дела в Казахстане, в особенности введения и сбора продналога, помощи пострадавшим от неурожая и джута 1921 г. С целью наиболее точного определения конкретных мер по преобразованию экономики Казахской республики, как и других областей и республик РСФСР, Владимир Ильич предложил разработку данных переписи 1920 г. с выделением классового состава населения, групп по производственно-профессиональному принципу, типов и форм сельского хозяйства и т. д.

Ленин подписал декрет о национализации всех крупнейших (в то время) промышленных предприятий края — Экибастуза, Риддера, Спасского завода и других; он непосредственно занимался вопросами кон-

цессии на Риддере (отклоненной Советским правительством), строительства ж. д. Александров-Гай — Эмба и Петропавловск — Кокчетав, вывоза нефти из Гурьева. В ленинский план ГОЭЛРО вошло строительство гидроэлектростанций в Казахстане.

По инициативе Ленина Казахстану было передано оборудование типографии (как тогда называли, словолитни), намечены меры борьбы (продуманной и осторожной, но твердой и последовательной) с панисламизмом и другими религиозными течениями, соединявшими антиимпериалистические идеи с идеями защиты патриархально-феодальных порядков.

Ленин был идейным руководителем Турккомиссии ВЦИК (обладавшей и полномочиями партийного органа), постоянно направлял ее работу, исправлял ее ошибки. Его советы и директивы Туркестанской комиссии укрепляли союз казахских, узбекских, киргизских, туркменских и таджикских трудящихся с русским рабочим классом — залогом независимости, свободы и светлого будущего всех народов Средней Азии и Казахстана. Как и предвидел Ленин, национальная политика Коммунистической партии в Казахстане, а также в других национальных республиках стала действительно образцом для всего Востока.

Все эти перечисленные, но не раскрытые по существу ленинские записки, письма, директивы, декреты, пометки имели и имеют громадное значение для изучения истории Казахской ССР, широко используются в казахстанской историографии.

Ленинское теоретическое наследие было и остается для всей советской исторической науки, в частности, для казахстанской историографии, образцом исторических исследований, являет собой выдающийся пример сочетания воинствующей партийности, непримиримости к врагам марксизма со строго научным подходом к освещению всех вопросов истории, с соблюдением коренных принципов историзма.

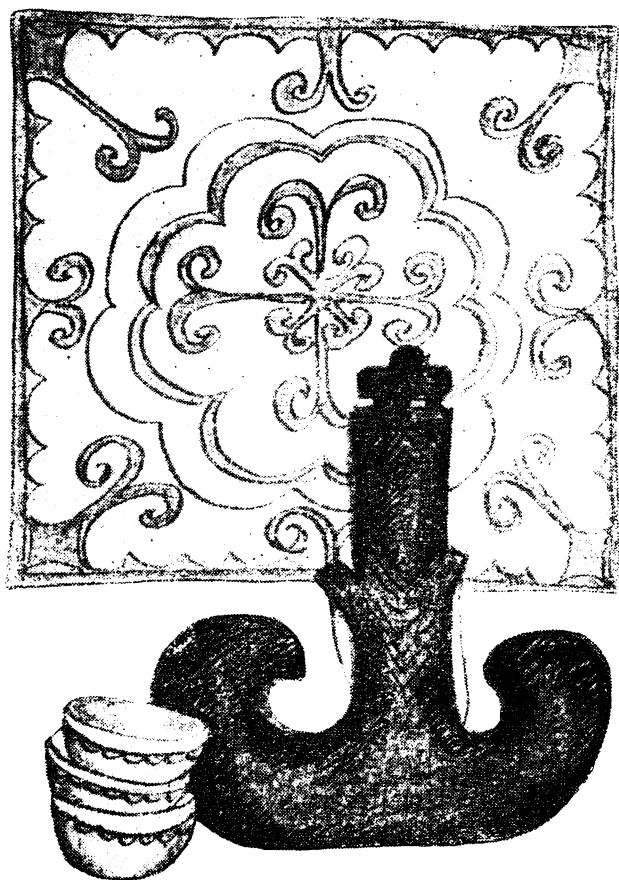
Огромное значение для историографии Казахстана послеоктябрьской эпохи имеют документы съездов, конференций КПСС, пленумов ЦК КПСС, отражающие коллективный разум партии, содержащие научные оценки и характеристики многих важнейших сторон экономической, политической и культурной жизни Ка-

захстана, раскрывающие борьбу партии против всех оппортунистических групп и течений, против буржуазной идеологии во всех ее проявлениях, за чистоту марксистско-ленинской теории.

Нельзя понять и исследовать историю Советского Казахстана без изучения произведений выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства — Я. М. Свердлова, М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышева, Ф. Э. Дзержинского, М. И. Калинина, Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталина, С. М. Кирова и других.

Исключительно важны для понимания истории исторической науки материалы областных и краевых партийных конференций и съездов КП Казахстана, пленумов областного, краевого партийных комитетов, ЦК КП Казахстана, съездов Советов¹⁹.

Ленинское теоретическое наследие, продолженное и развитое коллективным разумом Коммунистической партии, ленинизм был, есть и всегда будет решающей методологической основой исследований по истории Казахстана, казахского народа.

СТАНОВЛЕНИЕ НАУКИ

Советская историография Казахстана создавалась не на пустом месте¹. Она критически, хотя и не сразу, восприняла все полезное, что было достигнуто дореволюционной историографией. Но наследство было весьма невелико, многие же, в большинстве своем наиболее важные проблемы истории человеческого общества на территории Казахстана пришлось исследовать заново или впервые. Дореволюционная историография в весьма значительной мере выполняла социальный заказ господствующих классов царской России и прямо или косвенно служила колониализму. Советская историография Казахстана принципиально отличалась от нее методологией, основной проблематикой, отношением к источникам, приемами и логикой исторического исследования. Только в советской историографии казахский народ стал субъектом истории в самом глубоком и полном смысле этих слов.

Важнейшая и наиболее характерная черта начального этапа, совпадающего с переходным к социализму периодом — это борьба Коммунистической партии с антимарксистскими, антиленинскими концепциями и взглядами на историю казахского народа, на историю Казахстана, с дворянско-буржуазной историографией, идейный разгром троцкистских и правооппортунистических, великодержавно-шовинистических и националистических воззрений на исторический процесс, борьба за утверждение марксистско-ленинской методологии в науке, за преодоление упрощенных социологизаторских схем в освещении закономерностей общественного развития.

Становление марксистско-ленинской историографии Казахстана происходило отнюдь не гладко, эволюционно, а в острых схватках, спорах с враждебными ленинизму течениями и группами, выражавшими интересы отживших свой век классов и социальных групп. Историография Казахстана, пожалуй, в еще большей степени, чем, например, историография собственно России, отразила классовую борьбу переходного периода, ибо шовинистические и националистические взгляды и предрассудки оказались особенно живучими и стойкими. Шла острая идейная борьба не только с буржуазными, но и феодально-клерикальными воззрениями и

концепциями, тесно смыкавшимися и переплетавшимися с первыми. Seriously сказывалась также общая экономическая и культурная отсталость края.

Трудности становления и роста исторических знаний в Казахстане обуславливались прежде всего почти полным отсутствием здесь в первые годы Советской власти профессиональных кадров, марксистски образованных ученых-историков. Даже школьный учитель со средним образованием, как образно было замечено в печати того времени, представлял чуть ли не археологическую редкость. До революции в крае не было ни одного высшего учебного заведения, объективные условия и на начальном этапе социалистического строительства не позволили создать здесь вузы, в частности с гуманитарным профилем.

Очень и очень немногочисленные кадры старой интеллигенции далеко не сразу приняли платформу Советской власти, и известная ее часть оставалась на прежних позициях. Заявляя на словах о своем признании советского строя, ее представители на деле проводили антисоветскую линию. Работая в органах просвещения, культуры и науки, они всеми правдами и неправдами протаскивали свои идейки в печати, «научных» трудах, всячески мешали подлинным представителям трудового народа овладеть знаниями, культурой. Великодержавническая идеология по-прежнему отрицала право казахского народа на познание своей истории, своего вклада в сокровищницу мировой культуры, нацисталистическая же идеология засоряла умы молодежи фальшивыми представлениями о якобы «золотом веке» казахов в прошлом. Носители таких взглядов пытались на подтасованных, искусственно подобранных фактах противопоставить казахский народ русскому и другим братским народам Советской страны. И по сути, несмотря на внешнюю противоположность, это были две стороны одной медали. Враждебные ленинизму положения попадали на страницы школьных учебников, периодических журналов и газет, например «Ак жол»².

Конечно, большинство старой интеллигенции, искренне принявшее советский строй, стремилось помочь партии и государству преодолеть унаследованную от царизма культурную отсталость края, решить насущ-

ные проблемы, вставшие перед советской наукой, в частности исторической наукой. Но идеологический груз прошлого еще сильно давал себя знать, овладение же марксистско-ленинским методом исследования оказалось совсем не простой задачей. Не так-то легко было отказаться от уже укоренившихся воззрений, традиционного подхода к источникам, например, эпосу, шежере, и их толкования.

Естественно, что в таких условиях проблема подготовки квалифицированных кадров историков, владеющих марксистской методологией, особенно кадров национальных, стала главной и решить ее можно было лишь с помощью основных научных и педагогических центров советской страны. Многие представители казахской молодежи, проявившие склонность к исследовательской работе в области истории и вообще гуманитарных наук, направлялись на учебу в Московский и Ленинградский университеты, в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), Туркестанский, позднее Среднеазиатский университет, Среднеазиатский Коммунистический университет и другие. Там они овладевали марксизмом-ленинизмом, получали знания по конкретной истории, приобретали навыки научной работы.

На казахский язык переводились и издавались массовыми тиражами произведения Маркса, Энгельса, Ленина, становившиеся достоянием растущей национальной интеллигенции, всех казахских трудящихся, тянувшихся к знаниям.

Одновременно предпринимались меры для создания в республике высших учебных заведений с гуманитарными факультетами. Открытый в 1928 г. Казахский педагогический институт, в 1934 г. — Казахский государственный университет начали подготовку кадров специалистов-историков, из среды которых вскоре выросли и исследователи. Профессорско-преподавательский состав гуманитарных факультетов этих высших учебных заведений занялся изучением проблем истории Казахстана.

Так, хотя и намного медленней, чем в центре страны, но все же решалась проблема подготовки марксистских кадров историков и складывались возможности

для расширения масштабов исследований по истории казахского народа.

Наркомпрос республики и организованный при нем Академический центр, Общество изучения Киргизского края³, преобразованное в 1925 г. в Общество изучения Казахстана и имевшее филиалы в Уральске, Кустанае, Петропавловске, Кокчетаве и других городах, Отделение Русского географического общества в Семипалатинске, Оренбурге, Омске и Ташкенте, Общество изучения Семиречья, архивные учреждения, губернские, областные и республиканские библиотеки, музеи вели довольно большую для того времени собирательскую работу, публиковали ученые записки, сборники статей и документов, заботились об охране исторических памятников, накапливали ценные этнографические коллекции по прикладному искусству казахов⁴.

Важными центрами сосредоточения и воспитания кадров историков-марксистов явились истпарты при областном, краевом и ряде губернских комитетов партии. Находясь на правах отделов партийных комитетов, они плодотворно трудились над сбором материалов по истории местных большевистских организаций, революционного и национально-освободительного движения, записывали воспоминания активных борцов за Советскую власть в Казахстане. При помощи и нередко по инициативе истпартов создавались первые исследования по истории Октября и гражданской войны в крае. Д. А. Фурманов, например, при воссоздании истории контрреволюционного мятежа в Верном (июнь 1920 г.) опирался прежде всего на документальную базу истпартов⁵.

Организовывались республиканские и областные выставки, на которых экспонировались образцы казахской материальной культуры, казахского искусства. Казахстан принимал участие и во всесоюзных этнографических выставках.

Много сделали для изучения истории края учителя (мугалимы)-энтузиасты, по собственной инициативе записывавшие народные предания и легенды. Очень велико значение собирательской и творческой деятельности музыковеда-исследователя А. В. Затаевича, ученого-этнографа и фольклориста А. А. Диваева, а также Ж. Шанина, братьев П. Н. и А. Н. Белослюдовых, Н. Г.

Хлудова и других, в большинстве безымянных краеведов, для истории культуры и быта казахского народа. Среди оставленных ими трудов и записей выделяются труды А. А. Диваева по вопросам родоплеменной структуры и этнического состава населения юга Казахстана, имевшие не только научное, но и практическое значение. Люди разных профессий (музыковеды и композиторы, артисты и художники, учителя, партийные и советские работники), все проникнутые неподдельным живым интересом и любовью к родному краю, они сохранили для потомков богатое культурное наследие угнетенного в прошлом народа.

Особо следует сказать о А. П. Чулошникове — первом председателе Общества изучения Казахстана. Разносторонне образованный человек, знакомый со спецификой таких областей науки, как археология и этнография, он много работал над вопросами происхождения казахской народности, истории хозяйства и общественных отношений казахов и их предков, привлекая и пытаясь оценить исторические предания, шежере и другие тогда малоизученные источники⁶. Конечно, высказанные им в 20-е гг. положения о характере общественного строя казахов, как строе чуть ли не патриархально-родовом, роли географического фактора («степь целиком определила национальный характер казахов» и др.) далеки от истины. Но его научный поиск, привлечение новых источников, попытки связать историю казахов с судьбами других тюркских народов были для своего времени несомненным шагом вперед. Продолжая исследования, он впоследствии отказался от своих ошибочных взглядов и признал классовый, феодальный характер производственных отношений в казахском обществе⁷. Не случайно, труды А. П. Чулошникова оставили заметный след в казахстанской историографии.

Интереснейшие материалы по истории Казахстана, в частности о хозяйстве и быте населения, социально-экономической структуре аула, ее эволюции дали экспедиции Академии наук СССР (1921, 1925—1926 гг. и последующих лет в Западном и Северо-Восточном Казахстане), ТуркЦИКа (1921—1922 гг. в Сыр-Дарьинскую и Семиреченскую области), обследования Особой комиссии по землеустройству ВЦИК (1923—1926 гг.),

областного и краевого комитетов партийной организации Казахстана (1923—1929 гг.), демографические, сельскохозяйственные, промышленные и выборочные переписи (1920, 1923, 1926, 1928, 1929 гг.), проводившиеся ЦСУ Казахской республики, экспедиция ЦИК СССР в 1928 г., поездка красного каравана КазЦИКа (1922 г.) и другие⁸.

Сохранили свое значение и поныне труды экспедиции Академии наук СССР под руководством С. И. Руденко. Всестороннее обследование ею материальной и духовной культуры населения Западного и Северо-Восточного Казахстана, собранные уникальные этнографические коллекции и данные по антропологии явились серьезным вкладом в науку. Важно, что большинство названных экспедиций, как правило, изучали историю, экономику, быт и культуру не только казахов, но и других народов, населявших многонациональную республику,— русских, украинцев, уйгур, дунган и других.

В исключительно тяжелых условиях становилось на ноги архивное дело. Во время гражданской войны белогвардейцы, интервенты, алашордынцы уничтожили массу ценнейших документов; сохранившиеся же фонды оказались в старых административных центрах, находившихся вне казахской территории, без присмотра, в хаотическом состоянии. Уже в сентябре 1919 г. в Оренбург прибыл уполномоченный Главархива РСФСР, позднее на него было временно возложено руководство архивным делом почти на всей территории Казахской республики. Создание в 1921 г. Главархива КазАССР, преобразованного в 1922 г. в Центрархив КазАССР, положило начало систематической работе по сбору, обработке и систематизации громадного архивного материала, организации правильного его хранения и использования. Сознвая государственное значение сохранения документов, особенно первых лет Советской власти, Центрархив КазАССР обратился через печать с таким призывом к общественности: «Огромная важность не только для современников, но и для будущих поколений, для грядущей истории всего совершающегося в наши дни не может [быть] оспорена никем, а потому крайне необходимо скорейшее создание в Киргизской республике центрального хранилища, в котором бы соби-

рались материалы по истории переживаемых вами событий революции 1917 года и последующих годов.

Управление архивных дел берет на себя почин в создании такого хранилища с целью собирания материалов, имеющих интерес для истории революции и революционного строительства»⁹.

Эту работу осложняли переезды Центрархива со всеми фондами из первой столицы республики — Оренбурга в Кзыл-Орду (1925 г.), а затем в Алма-Ату (1929 г.). Однако архивисты справились с трудностями и одновременно со сбором и обработкой материалов сумели перебазировать в Центрархив КазАССР из других республик полностью или частично многие фонды, имевшие непосредственное отношение к истории республики. Только в Центральном архиве Октябрьской революции КазАССР было сосредоточено 872 фонда с более чем 220 тыс. единиц хранения.

В связи с 10-летием Октября архивные органы обратились к трудящимся с просьбой сохранять и сдавать в архивохранилища документы по истории революционного движения. «Революционная полоса «бури и натиска» периода 1917—1918 гг.,— говорилось в призыве,— войдет в историю, как одна из самых славных страниц чрезвычайно острой классовой борьбы, будет примером для многих поколений, как образец героической борьбы пролетариата; памятники об этом времени мы сохраняем все с большей бережливостью путем концентрации их в архивных органах»¹⁰. Основные документальные фонды государственных учреждений приводились в порядок и становились доступными для исследователей.

Началась публикация исторических источников. Она много дала для познания как истории далекого прошлого (впервые вводились в обиход извлечения из восточных хроник и русских летописей о казахах и их предках), так и первых лет советского периода (материалы Учредительного съезда Советов КАССР, Тургайского областного съезда Советов, первых партийных конференций и пленумов обкома и крайкома РКП(б))¹¹.

Исследованием ряда вопросов истории Казахстана занимались научные учреждения Омска, Ташкента, Оренбурга — бывших административных центров дореволюционного Казахстана, Москвы и Ленинграда (Го-

сударственная Академия истории материальной культуры — ГАИМК, Музей антропологии и этнографии, Музей восточных культур, Комиссия по изучению племенного состава — КИПС, Научная ассоциация востоковедения, Комиссия по улучшению труда и быта женщин Востока при ВЦИК и многие другие). Немало ценных научных статей по вопросам истории Казахстана публиковалось во всесоюзных и региональных периодических журналах («Советская этнография», «Революция и национальности», «Пролетарская революция», «Революционный Восток», «Красный архив», «Вестник статистики», «Коммунистическая мысль» и т. д.)¹².

В ряде обобщающих монографических трудов по истории СССР, востоковедению, этнографии и археологии содержались важные и интересные сведения и выводы по истории Казахстана. Назовем, например, работы В. В. Бартольда, Б. Я. Владимирцева, Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского¹³. Успешно разрабатывали вопросы этногенеза и быта казахов такие исследователи, как А. Н. Самойлович, С. И. Руденко и другие¹⁴. Много дали для развития в Казахстане исторических знаний первая всесоюзная конференция историков-марксистов, дискуссии о социально-экономической природе восточных обществ и «азиатском» способе производства.

Особо следует выделить Ташкент и его научные учреждения. До осени 1924 г. Ташкент — это столица Туркестанской Автономной Советской социалистической республики, в которую входили южные районы современной Казахской ССР, населенные почти семьями тысячами казахов, в то время сравнительно более развитый экономически и культурно, с количественно большей прослойкой интеллигенции, чем города Казахстана, с 1920 г. имевший университет (ТАГУ) и довольно немалый отряд краеведов. Поэтому в те годы он играл важную роль как в подготовке казахских кадров историков, так и в изучении отдельных проблем истории Казахстана. Ученые Ташкента занимались вопросами истории не только узбекского народа, но и братского казахского народа. Их многочисленные труды, статьи и публикации материалов прямо касались сюжетов казахстанской историографии, даже в самом

узком смысле этих слов. Отметим в данной связи работы С. Д. Муравейского, П. Г. Галузо, Д. И. Манжары, Ф. М. Бойко и других¹⁵.

Систематически вопросы истории Казахстана освещались в местных журналах — «Советская Киргизия», «Кзыл Казакстан», «Большевик Казахстана», «Народное хозяйство Казахстана», «Темир казык», «Аул Коммунист» и газетах — «Энбекши казак» (впоследствии «Социалистик Казакстан») и «Советская степь» (впоследствии «Казахстанская правда»). Очень характерны сами наименования публиковавшихся на страницах казахской печати статей — «История нужна народу», «Казахи и классовая борьба», «Восстание 1916 г. в Казахстане», «Октябрь и национальный вопрос в Казахстане» и т. д.

Началась и развернулась деятельность и местных историков, в большинстве, однако, не профессионалов. Кроме уже названных А. П. Чулошникова и некоторых других, отметим С. Д. Асфендиарова, Т. Рыскулова, У. К. Джандосова, Г. Тогжанова, И. Кабулова, А. Ф. Рязанова, Е. И. Федорова, Н. Т. Тимофеева¹⁶.

Во многих отношениях для названных имен характерна творческая биография крупного ученого-историка С. Д. Асфендиарова. Выходец из интеллигентной семьи переводчика, он с большими трудностями до революции получил высшее медицинское образование, участвовал в качестве врача в первой мировой войне, на собственном опыте осознал антинародный смысл политики царизма и буржуазии.

С. Д. Асфендиаров — активный участник борьбы за Советскую власть (в мае 1919 г. вступил в партию), затем находился на видной партийной и государственной работе в Туркестанской и Казахской республиках, в Российской федерации. С середины 20-х гг. он вплотную занялся исследованием истории казахского народа и вскоре стал первым казахом профессором истории.

В Асфендиарове счастливо сочетались качества исследователя, педагога и организатора науки. Не случайно он руководил созданием первых казахских вузов, в частности старейшего вуза республики — педагогического института им. Абая, медицинского института и Казахской базы Академии наук СССР.

С. Д. Асфендиаров исследовал многие коренные проблемы истории и истории культуры — этногенез казахов, казахский эпос, историю общественного строя казахов, национально-освободительное и революционное движение в крае, занимался публикацией источников.

Энциклопедически подготовленный ученый сделал серьезную попытку с марксистско-ленинских позиций осмыслить и обобщить сложный и в то время еще очень малоизученный процесс становления феодальной формации на территории Казахстана. Многие положения, выдвинутые им, не потеряли своего значения и сегодня, хотя некоторые не выдержали испытания временем, оказались ошибочными. Это вполне объяснимо, поскольку ему пришлось идти непроторенным путем.

Заслуживает внимания и творческая деятельность Г. Тогжанова. Он непосредственно участвовал в решении многих вопросов партийного и советского строительства в Казахстане в 20-е — начале 30-х гг. и своими книгами и многочисленными статьями (в которых были, правда, и существенные ошибки) немало сделал для изучения общественных отношений казахского аула в предреволюционную пору и первые годы Советской власти.

Представляют также интерес труды А. Ф. Рязанова по истории национального движения в Казахстане в XIX в. Не сумев, однако, разобраться в источниках, он любое национальное выступление относил к разряду прогрессивных и революционных, считал главным стержнем всей истории казахского народа борьбу за независимость, не учитывая значения классового, социального фактора. При всем этом бесспорны заслуги А. Ф. Рязанова, много потрудившегося над развитием историко-архивного дела в республике, введением в оборот новых источников и популяризацией истории подлинно народных движений против колониального гнета.

В трудах С. Асфендиарова, Т. Рыскулова, Г. Тогжанова и других предпринимались серьезные попытки критически, с позиций марксизма-ленинизма пересмотреть «наследство» дворянско-буржуазной и националистической историографии в освещении истории ка-

захского народа. Полемиическая направленность их работ вполне оправдана, ибо назрела необходимость опровергнуть великодержавнические домыслы о неисторичности народа, о его якобы извечной отсталости (и экономической, и культурной), покончить с взглядами на исключительность исторических путей казахского общества, на отсутствие в нем классового антагонизма.

Как уже говорилось, постановка в те годы в науке той или иной, на первый взгляд, отвлеченной исторической проблемы определялась прежде всего актуальными задачами дня — подготовкой и осуществлением на практике коренных преобразований в жизни народа. Огромное значение при этом имело отношение к событиям недавнего исторического прошлого и, особенно, к Великой Октябрьской социалистической революции и ее роли в исторических судьбах казахского народа.

Наука уже тогда пыталась осмыслить и объяснить, как же получилось, что социалистическая революция победила не только в пролетарских центрах страны, но и в отсталом, аграрном крае. Закономерна или случайна социалистическая революция здесь, что она дала казахским трудящимся, не противоречит ли марксистской теории, что Советская власть, т. е. диктатура пролетариата, установилась там, где еще большинство коренного населения жило в кочевом и полукочевом ауле и где господствовали докапиталистические отношения, насколько идея Советов воспринята казахскими трудящимися и как она осуществляется на деле? Вот вопросы, которые волновали общественность, трудящихся и на них историки должны были ответить.

Поскольку же тогда еще не была преодолена великодержавническая и националистическая идеология и не выкорчеваны ее социальные корни, поскольку существовали уклоны в национальном вопросе, нередко смыкавшиеся с «правыми» и «левыми» разновидностями оппозиции, антиленинскими течениями и группами в партии, а проблемы оставались мало или совсем не исследованными, постольку в печати, в дискуссиях высказывались и различные взгляды, в том числе и глубоко ошибочные, более того, вредные.

Так, выдвигались явно националистические домыслы о том, что Октябрьская революция была для Ка-

захстана, для казахского народа чужеродным, не порожденным его историей явлением, наносным и привнесенным извне для «мусульман» (так нередко называли в литературе коренное население, конечно, без учета его классовой дифференциации).

Серьезно помешала научной разработке вопросов истории Великой Октябрьской социалистической революции и первых лет советского социалистического строительства в Казахстане «концепция» Г. Сафарова¹⁷. В его книге по истории революции в Казахстане и Средней Азии были извращены основные вопросы истории национальной политики партии на Советском Востоке. В ней открыто отрицалась историческая закономерность социалистической революции в Казахстане (как и Средней Азии), клеветнически заявлялось, что Советская власть приняла здесь «колонизаторскую внешность», все русское население и даже рабочие огульно зачислялись в разряд «колонизаторов», совершавших чуть ли не насилия над тружениками-казахами. Политический смысл таких утверждений сводился к необходимости новой, «второй» революции и отделения Средней Азии и Казахстана от Советской России.

Существенные ошибки в оценке значения Октябрьской революции в 20-е гг. допускали и отдельные руководящие работники Казахского краевого комитета партии, в частности Ф. И. Голощекин.

Видный партийный работник, первый секретарь Казахского Краевого Комитета партии в 1926—1932 гг., коммунист с дореволюционным стажем Ф. И. Голощекин много труда вложил в укрепление аульных Советов, проведение передела земельных угодий и конфискации имущества крупных баев-полуфеодалов. В то же время он совершил серьезные ошибки при проведении коллективизации и массового планового оседания казахского кочевого и полукочевого населения.

Книги и статьи Ф. И. Голощекина содержат богатый фактический материал по социально-экономической истории аула в советское время, отдельные ценные обобщения. Они пронизаны духом непримиримой борьбы с уклонистами в сторону великодержавного шовинизма и местного национализма, идеей необходимости революционного преобразования аула, полного освобож-

дения трудящихся аула от байской кабалы, окончательного преодоления влияния баев и их агентуры в аульных Советах.

В то же время во многих его работах имелись неверные, ошибочные утверждения. Приведем одно из них, наиболее типичное: «Аул Октябрем был не тронут... до 1925 г. непосредственно аул, аульная масса не получили того, что ставилось задачами Октябрьской революции. Аульная масса освободилась от колониального гнета и попала в безответное подчинение своих эксплуататоров, — экономические и политические выгоды Октября использовались исключительно имущими верхушками аула (бай и аткаминер). Землю получил он — бай»¹⁸. Этот тезис, в разных вариантах выдвигавшийся Ф. И. Голощекиным, достаточно ясен. В сущности он означал, что Октябрь в первые восемь лет Советской власти ничего не дал казахскому трудовому народу. Близки по сути и высказывания Ф. И. Голощекина по вопросам советского строительства в ауле.

Еще элементарнее суждение И. Курамысова: «Октябрьский ураган пронесся мимо аула, мало задев его»¹⁹. Трудно представить более ясное выражение неверия в революционные возможности казахского трудового народа, в его союз с российским рабочим классом.

Предлагались и другие абстрактные, лишенные всякого конкретно-исторического содержания формулы, близкие к печально известной теории «культурно-национальной автономии», например, что в Казахстане совершилась пока только колониальная революция, революция только за национальное равноправие, национальную культуру. При этом игнорировалось ленинское учение о слиянии национально-освободительного движения угнетенных народов с движением пролетарским в социалистической революции, о том, что она в ходе своего развития в условиях диктатуры пролетариата может и будет по мере созревания необходимых предпосылок решать задачи буржуазно-демократического или революционно-демократического характера.

Ошибочные взгляды на Октябрь и его историческое значение для народных масс Казахской республики не могли не встретить решительного отпора. Во многих выступлениях в печати тех лет они подверглись обосно-

ванной критике²⁰. Много интересного материала содержали документы и воспоминания, публиковавшиеся в периодике. Из них следовало, что Октябрь отнюдь не привнесен в Казахский край извне, что в нем в канун революции сложились реальные классовые силы, влившиеся в политическую армию революции, что в рядах борцов за Советскую власть находились лучшие сыны казахского трудового народа и идея Советской власти была ему близка и понятна. Национальная политика партии и Советского государства сразу же сказалась на положении казахских шаруа, объединившихся с переселенцами-тружениками, с российским рабочим классом.

Довольно четко для своего времени обобщены названные взгляды Т. Рыскуловым, в прошлом самим допускаям ошибки в вопросе об оценке Октября для Казахского края. Его положения таковы: казахские трудящиеся приняли активное участие в Октябрьской революции и решительно поддерживали Советскую власть, они боролись рука об руку с русскими рабочими и крестьянами и строили Советы, как единственно приемлемую и вполне приспособленную к социальным устоям аула власть²¹.

Не меньшую остроту приобрел на этапе становления науки вопрос о социальной структуре аула, характере общественных отношений в нем в дореволюционное время, и особенно в первое десятилетие Советской власти. Страстные споры и поиски в этом плане вызывались прежде всего требованиями жизни, задачами социалистического преобразования аула. Они имели своей целью не только и иногда не столько объяснение сути тех или иных вопросов истории с чисто познавательной целью, сколько выяснение истины для социалистического изменения действительности, корни которой, как правило, уходили в прошлое.

Споры шли, в сущности, о том, по какому пути развиваться Казахстану — социалистическому или капиталистическому, возможен ли на деле переход казахского народа от докапиталистических отношений к социализму, минуя капитализм, и как, какими путями, средствами этот переход будет осуществлен.

Еще в 1919 г. в газете «Жизнь национальностей» (орган Наркомнаца РСФСР) А. Байтурсунов выступил

со статьей «Киргизы и революция», в которой утверждал, что у казахов «нет ни капитализма, ни классовой дифференциации». Позднее он пошел дальше, заявив: «В Казахстане есть два класса — «класс казахов» и «класс русских», внутри казахского общества социальных проблем не существует²².

Эту открыто выраженную националистическую концепцию бесклассовости казахского общества, отсутствия в нем эксплуатации человека человеком и господства «коммунистических начал» (отождествляемых с давно умершим патриархально-родовым строем), в которой сознательно классовые противоречия подменялись национальными, по сути дела разделяли и отдельные национал-уклонисты. Так, например, С. Садвокасов настаивал на так называемом «гражданском мире» кедя и бая в ауле, как генеральном лозунге партии при разрешении аграрного вопроса²³.

С иных позиций, но в конечном счете то же проповедывали носители великодержавнической идеологии, принимавшие внешнюю сторону социальных явлений и институтов за их внутреннее содержание. Е. А. Полочанский, например, утверждал, что у казахов «хозяйственно-родовой строй, как исторически данная система организации труда и быта, пока еще не изжит» и «полностью отсутствует классовое сознание»²⁴.

С явно антимарксистских позиций написан изданный Наркомземом республики сборник статей «Казакское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях»²⁵. Редактор и один из его основных авторов С. П. Швецов пытался доказать извечность и необходимость сохранения во что бы то ни стало кочевого образа жизни казахского народа и экстенсивного кочевого хозяйства. Подводя базу под свои рассуждения, он утверждал, что изменения в формах ведения хозяйства, все развитие человеческого общества происходят «под влиянием двух основных факторов внешнего характера: характера окружающей природы и постоянных изменений плотности населения». Таким образом, марксистско-ленинское учение об общественных формациях, о действительных факторах, играющих решающую роль в развитии общества, полностью игнорировалось.

Выводы же автора таковы: «Казак-скотовод и ко-

чевник потому, что иным он не может быть при данных, окружающих его условиях: от него требует этого окружающая его природа. Он всецело в ее власти и пока не изменятся почему-либо окружающие его условия (природные.— Г. Д.), он не выйдет из-под ее влияния, оставаясь и скотоводом и кочевником». И дальше: «Устраните это периодическое передвижение скота по степи — и казаку нечего в ней будет делать, так как никакое иное хозяйство здесь невозможно, и степь, кормящая теперь миллионы казахского населения, превратится в пустыню». Или еще яснее: «Уничтожение кочевого быта в Казахстане знаменовало бы собою не только гибель степного скотоводства и казахского хозяйства, но и превращение сухих степей в безлюдные пустыни».

«Теоретические» выкладки Швецова, в конечном счете, служили интересам байства и националистов, препятствовавших переходу казахских трудящихся к оседлости и земледелию, социалистическому преобразованию аула.

Прямо противоположные взгляды на общественные отношения в ауле содержат статьи и книги Г. Тогжанова²⁶. Их объединяла ясно выраженная критическая направленность. Автор резко выступал против националистических теориек «родового мира» в ауле, показывал классовое содержание различных внешне родовых институтов. Справедливо указывая на все возрастающую связь казахского хозяйства с рынком, на проникновение товарно-денежных отношений в аул, Г. Тогжанов, однако, преувеличивал степень развития в нем мелкотоварного уклада и капиталистических отношений. Он считал, что «казахское хозяйство, как и русское крестьянское хозяйство — в целом товарное хозяйство», а бай оседлых и полукочевых районов «это тот самый деревенский буржуа или «кулак», о котором говорил Ленин, причем таких буржуа можно встретить в каждом ауле. Вся разница между хозяйствами казахского и русского «буржуа» в том, что хозяйство казахского буржуа организовано хуже, чем у деревенского, и что у деревенского кулака на самом деле больше «хозяйственной» способности, больше порядка и более культурно поставлено хозяйство. Другого различия между ними нет, хозяйство и сельского и ауль-

ного «буржуа» — кулака — хозяйство одного типа, одного порядка, то и другое товарное хозяйство с капиталистическим способом производства»²⁷.

Полное отождествление аульного бая с сельским кулаком однако не соответствовало действительности. Г. Тогжанов не учитывал, что в байском хозяйстве, как правило, капиталистические формы эксплуатации существовали и переплетались с докапиталистическими. Формула «или докапиталистические, или капиталистические отношения» схематизировала, упрощала обстановку в ауле и не давала правильного представления о сложном переплетении различных укладов в его экономике.

Споры имели немало оттенков взглядов, отличий в подходе к вопросу, но характерно, что все они апеллировали к истории, к прошлому казахского народа. Произвольно жонглируя случайными фактами, к тому же нередко неправильно толкуемыми, участники дискуссии переносили на советскую действительность сведения, относящиеся даже к XVIII веку. А тогда у казахов якобы господствовали патриархально-родовой строй, родовая демократия и идеология и наличествовали только зачатки феодальных отношений; после же вхождения Казахстана в состав России произошла «фесдализация родовых отношений». В 1934—1935 гг. в Коммунистическом университете трудящихся Востока состоялась дискуссия о казахском феодализме. Итоги ее нашли отражение в казахстанской печати²⁸.

В ходе коллективизации сельского хозяйства и массового оседания казахских шаруа, когда особенно четко обозначилась классовая структура аула, резко обострилась классовая борьба, усилилось сопротивление байства мерам социалистической переделки аула, теорией «родового мира» пытался использовать классовый враг, но из научной литературы они исчезли. Реальная жизнь доказала их абсолютную несостоятельность. Искренне заблуждавшиеся ранее исследователи пересмотрели свои позиции и признали классовую в своей основе природу общественных отношений казахского аула, и не только переходного к социализму периода, но и прошлого. Наука вскрыла социально-политический смысл тезиса о «золотом веке» казахов в прошлом, о гармонии классовых интересов бая и кедея,

абсолютном господстве родового строя у казахов в XVI—XIX вв. Ввопившийся в оборот конкретный материал о степени имущественного неравенства в ауле, формах и нормах эксплуатации бедноты в нем наглядно показал, что казахское общество было классовым; по ясной формуле, принятой X съездом РКП(б) применительно к общественному строю многих народов, не прошедших капиталистической стадии развития, их общество было обществом патриархально-феодалыным.

Вместе с тем стали предприниматься попытки конкретизировать на опыте истории казахского народа в советскую эпоху ленинское положение о некапиталистическом развитии, рассмотреть вопрос о национальной консолидации казахов в условиях перехода к социализму, минуя капитализм²⁹.

Успешно пресдолевались ошибочные представления об определяющей роли географической среды в истории хозяйства, экономической структуры казахского общества и даже формировании национального характера народа, сравнительно широко бытовавшие в литературе первых лет Советской власти.

Предметом острого спора на протяжении ряда лет был вопрос об оценке партии «Алаш» и правительства Алаш-орды, особенно их роли в период социалистической революции. С введением нэпа оживились байские элементы и их идеологи, быстро приспособившиеся к новой обстановке, использовав при этом приемы удивительной социальной мимикрии. Как метко сказано в корреспонденции «Нэп и националистическая интеллигенция», помещенной в «Кедей Айнасы», бывшие деятели «Алаш» стали исходить из чисто двурушнического принципа — «жизнь, как лиса, действуй, как борзая». А. Букейханов, М. Дулатов, X. Досмухамедов и другие в выступлениях и статьях хотели во что бы то ни стало обелить свое прошлое, представить «Алаш» и себя выразителями общенациональных интересов, истинными патриотами и т. д. «Патриотические казахские деятели, — заявляли они, — не могут быть интернационалистами..., не желая приносить в жертву казахский народ». Байтурсунова сравнивали с Н. Г. Чернышевским, говорили, что именно он, Байтурсунов, указал казахам дорогу к свободе, а националистический орган — газета «Казак» — пробудил народ ото

сна. Даже некоторые марксистски подготовленные историки, например, Г. Тогжанов, считали, что «до революции политическое воспитание мы получили только от националистов»³⁰.

Лишь настойчивая, кропотливая и активная разъяснительная работа партии, острая и целеустремленная критика националистической идеологии — одна из форм классовой борьбы — позволили окончательно разоблачить миф об объективно революционной роли «Алаш» и правительства Алаш-орды в социалистической революции, дать им принципиальную партийную оценку, разобраться в социальной природе националистической контрреволюции.

На основе марксистского учения об общественно-экономических формациях и известных науке фактах политической истории ставились вопросы периодизации истории Казахстана. И хотя в их постановке сразу же проявились существенные изъяны (умалчивалось о первобытнообщинном строе, история дореволюционного прошлого делилась на два этапа — докапиталистический и колониальный — без достаточного учета научных критериев периодизации), факт выдвижения таких проблем свидетельствовал о многом.

Рос интерес к теме происхождения казахского народа. Статьи по этому вопросу, еще не всегда обоснованные источниками, в основном все же верно отмечали момент автохтонности и преемственности процесса этногенеза казахов. Была отброшена упрощенная, спекулятивная схема, согласно которой казахи происходили от единого мифического предка и образование их как народности относится чуть ли не к библейским временам (М. Тынышпаев, М. Дулатов).

Особо значимой в историографии стала проблема колониальной политики царизма и истории национально-освободительного движения. И по вполне понятным причинам. Слишком свежи в памяти народной были тяготы национально-колониального гнета и национальной дискриминации, жестокие расправы царских карателей, слишком долго замалчивалась или грубо фальсифицировалась история народных движений против колонизаторов. Рост национального самосознания, ликвидация последствий национально-колониального гнета в экономике и социально-культурной

жизни естественно обусловили громадный интерес к истории национально-освободительного движения. Появились труды по истории народных движений казахов в XVIII—XIX вв., по истории восстания 1916 г., статьи об Амангельды Иманове, Исатае Тайманове, Махамбете Утемисове, Срыме Датове и других руководителях выступлений масс. Немало было сделано для уяснения форм и методов политики самодержавия, превратившего Казахский край в колонию и в громадных масштабах изымавшего земли у коренного населения. Правда, иногда идеализировались отдельные национальные движения, затушевывалась их ограниченность, умалчивались факты использования выступлений трудящихся феодальной верхушкой — ханами и султанами — в своих классовых интересах.

Большое внимание уделялось истории восстания 1916 г. К десятилетней и двадцатилетней его годовщинам в периодике появилось множество воспоминаний и статей. В них нередко были субъективные оценки, недостоверные сведения. В печати (и не только в казахстанской, но прежде всего среднеазиатской) даже развернулась дискуссия, в ходе которой высказывались явно неверные взгляды — руководителями восстания якобы были баи, отрицался факт размежевания классовых сил. Делались попытки противопоставить национально-освободительную борьбу казахского народа революционному движению русского рабочего класса, восстание не связывали с нараставшим в стране революционным кризисом, его изображали чуть ли не как результат сознательной провокации царской администрации. Эти антиисторические взгляды подверглись решительной, но справедливой критике, верно были определены главные причины восстания — национально-колониальный гнет, в частности земельная политика самодержавия, охарактеризован социальный состав повстанцев, показана действительная позиция байства и националистов, предавших интересы народа и вступивших в сделку с царской администрацией³¹.

На исторической науке в 20—30-е гг. отразились также дискуссии по вопросам культурного, в частности языкового строительства, влияние ошибочных точек зрения — так называемая теория «единого потока»

и нигилистическое отношение к культурному наследию, абсолютный языковой пуризм и нежелание использовать реальные богатые возможности национального языка: предметом острых споров не только филологов, но и историков явились проблемы, связанные с переходом к латинице, а позднее к русскому алфавиту.

Решительно были отброшены антиисторические взгляды о «единой тюркской нации», игнорировавшие факт существования не только казахского, но и узбекского, туркменского, киргизского народов, их право на самоопределение и образование советских национальных республик.

Много дали первые попытки создания обобщающих трудов по истории Казахстана (А. П. Чулошников. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен, ч. I, Оренбург, 1924; С. Д. Асфендиаров. История Казахстана с древнейших времен, т. I, Алма-Ата, 1935). К 5-летию и 10-летию Великой Октябрьской социалистической революции, к 10-й и 15-й годовщинам образования Казахской АССР в периодической печати было опубликовано много интереснейших мемуарных материалов, издано несколько ценных статистико-экономических справочников, создана первая летопись событий Октября и гражданской войны в Казахстане, ясно обозначился глубокий интерес к истории партийного строительства в республике. Стали систематически печататься первые сводки данных о становлении Коммунистической партии Казахстана.

Заслуживают самой высокой оценки мемуары известного казахского писателя, общественного и государственного деятеля С. Сейфуллина³², представляющие волнующий и правдивый рассказ активного борца за власть Советов о событиях Октября и гражданской войны в Казахстане, сочетающие личные воспоминания автора с историческими документами.

Широким фронтом в историческую науку входила молодежь, национальные кадры историков, овладевшие марксистским методом, закалившиеся в борьбе с враждебными ленинизму идеями и течениями. Историки активно включились в пропаганду исторических

знаний среди трудящихся. Идя по свежим следам событий, они вводили в науку новый материал и пытались осмыслить его.

Конечно, обширный круг почти совершенно неизученных вопросов истории Казахстана исследовался в 20-е — первой половине 30-х гг. весьма неравномерно. Объем источников, привлекавшихся к исследованию, был относительно невелик. Работа в области археологии и этнографии Казахстана ограничивалась в основном вещеведением. Радикальный пересмотр, отрицание дворянско-буржуазного историографического наследства иногда велись не на основе марксистско-ленинского учения о критическом освоении наследства, что приводило к отбрасыванию всего полезного, в том числе достоверного фактического материала, содержащегося в трудах дореволюционных историков, схематизации, излишней социологизации своеобразного и противоречивого процесса.

Выдающиеся представители казахского народа Ч. Валиханов и И. Алтынсарин, несшие в степь идеи демократической русской культуры, объявлялись проводниками колонизаторской политики царизма, царскими агентами, миссионерами. Вхождение казахских земель в состав России изображалось в 20-х гг. только как абсолютное, а позднее, к середине 30-х гг., как наименьшее зло. Крупнейшие же сдвиги в экономике и культуре казахского общества, исторически неизбежные в результате присоединения — обострение классовых противоречий, формирование национальных кадров пролетариата, рост национально-освободительного движения, сближение казахского, русского и других народов в совместной революционной борьбе против царизма, русских помещиков и капиталистов отмечались вскользь или замалчивались.

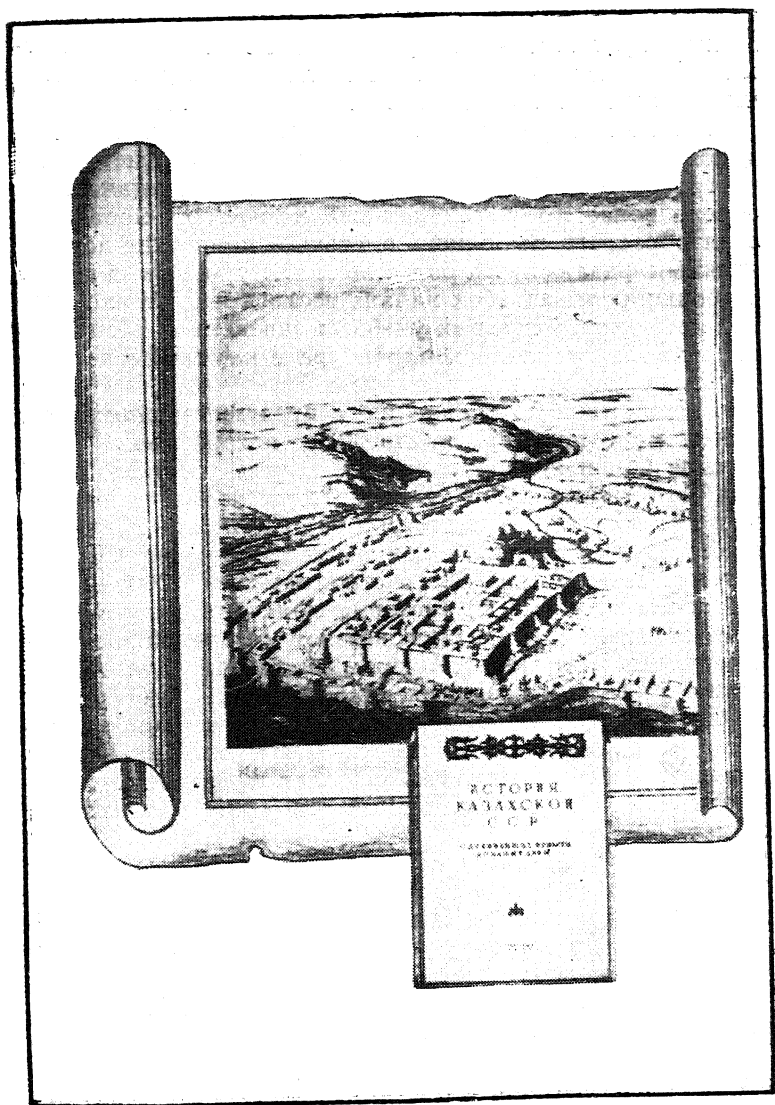
Однако при всех недостатках, обусловленных большей частью ограниченностью квалифицированных кадров, источников, неизученностью проблем, историография 20-х — первой половины 30-х гг. заслуживает высокой оценки, и ни одно серьезное исследование наших дней невозможно без ее освоения и критического использования.

После постановлений партии и правительства о преподавании гражданской истории, постановлений ЦК

ВКП(б) о создании многотомной истории гражданской войны в СССР и истории заводов и фабрик в соответствии с все возрастающими требованиями к науке укреплялись научные учреждения, занимавшиеся вопросами истории республики.

В 1932 г. был организован Казахский научно-исследовательский институт марксизма-ленинизма (КНИИМЛ), впоследствии преобразованный в Казахский филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — Институт истории партии при ЦК КП Казахстана. В 1934 г. возник Казахский научно-исследовательский институт национальной культуры. Историко-археологический сектор этого института стал базой для открытия в 1936 г. сектора истории Казахстанской базы, а затем (с 1938 г.) Казахского филиала АН СССР.

Историография Казахстана вступала в новый этап своего развития.

**НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ
ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ**

Новый крупный этап в развитии исторической науки в Казахстане охватывает почти целое двадцатилетие, с середины 30-х до середины 50-х гг.

В науке закрепились марксистско-ленинская методология, марксистско-ленинское понимание исторического процесса. Исследование истории Казахстана приобрело более профессиональный характер, костяк ее стал обрастать реальной плотью — конкретно-историческими фактами. На более высоком уровне и в гораздо больших масштабах начала вестись подготовка кадров историков в высших учебных заведениях республики, постоянной стала аспирантура в научно-исследовательских учреждениях и вузах.

Расширился по сравнению с предшествующим временем круг проблем, изучаемых историками. Если раньше большей частью исследовались вопросы истории Казахстана XIX — начала XX века и отчасти первых лет Советской власти (история Октября и гражданской войны), то теперь в равной мере и многие вопросы истории социалистического строительства 20-х — первой половины 30-х гг. (история колхозного строительства, создание и развитие советской казахской государственности, строительство промышленных очагов), а также древней и средневековой истории Казахстана (специфика феодальных отношений у казахов, казахско-русские отношения и история вхождения казахских земель в состав России, национальные движения, периодизация дореволюционной истории Казахстана и другие).

Намного расширился также фронт исследований по истории Коммунистической партии Казахстана. Постепенно преодолевались ошибочные социологизаторские построения, не подтвержденные конкретно-историческим материалом.

В 1945 г. в Академии наук Казахской ССР был образован Институт истории, археологии и этнографии. Возросла роль Казахского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — Института истории партии при ЦК КП Казахстана — республиканского центра изучения истории партийной организации и систематического перевода и издания массовым тиражом сочинений классиков марксизма-ленинизма на казах-

ском языке. В 1943 г. был открыт исторический факультет Казахского государственного университета им. С. М. Кирова, а затем исторические факультеты в педагогических институтах.

Происходило размежевание областей исторического знания, археология и этнография выделились в самостоятельные отрасли науки, повысилась методика археологических раскопок и полевых этнографических работ. Развернулось сплошное, правда, в основном реконструктивное обследование территории Казахстана в археологическом и этнографическом планах.

Наука развивалась в нелегких условиях. Нарушения ленинских норм партийной и государственной жизни, субъективизм самым отрицательным образом сказались на историографии Казахстана, как и вообще советской исторической науке. Довольно широкое распространение получил иллюстративный метод доказательств. Дискуссии и обсуждения далеко не всегда носили творческий характер, а критика сопровождалась нередко приклеиванием необоснованных ярлыков. Тезис об обострении классовой борьбы и после победы социализма, распространенный на идеологический фронт, в том числе на историческую науку, привел к тяжким издержкам. Недостаточное внимание уделялось изучению коренных проблем истории Коммунистической партии Советского Союза и ее местных организаций. Мало привлекался новый документальный материал. История предреволюционных лет и советская эпоха были в значительной мере обезличены. Догматизм наложил свою печать на историческую литературу, в особенности по истории советской эпохи.

В этом отношении очень характерна книга Е. Семенихиной, посвященная истории коллективизации сельского хозяйства Казахстана¹.

Сразу же оговорим, что критический разбор труда Е. Семенихиной не ретроспективная рецензия, которую несложно написать, исходя из современных достижений исторической науки. Отразив положительные итоги исследования истории социалистического преобразования сельского хозяйства, книга вместе с тем сконцентрировала и все его коренные недочеты. В ней целиком преобладает иллюстративный, описательный метод, когда на примере одного колхоза или района де-

лаются обобщения. Не рассказано, что и как делала партия, партийная организация и Советы Казахстана для решения сложнейшей задачи утверждения социалистических производственных отношений в сельском хозяйстве.

Книга содержит массу противоречивых данных и утверждений. Например, масштабы кооперирования в начале 1930 или 1931—1932 гг. оцениваются то положительно, то отрицательно. Точно так же преподнесены и сведения о темпах оседания. Перегибы, допускавшиеся при осуществлении ленинского кооперативного плана, в основном замалчивались. Поэтому постановление ЦК ВКП(б) о сельском хозяйстве Казахстана, и в частности о животноводстве, от 17 сентября 1932 г., как известно, резко критически охарактеризовавшее положение дел, остается немотивированным.

В книге отсутствует какая бы то ни было критика источников. Это привело не только к противоречиям в цифрах, но и введению в оборот явно недостоверных сведений. Так, говорится, что в феврале 1930 г. было экспроприровано 14 730 кулацких и байских хозяйств, что составляло якобы 80—85 проц. их общего числа. Между тем, как уже тогда было известно, крестьянских хозяйств накануне коллективизации в Казахстане имелось около 1 млн. 200 тыс., а 5—6 проц. из них составляли кулацко-байские хозяйства. Элементарный пересчет показывает, что, таким образом, кулацко-байских хозяйств насчитывалось не менее 50—60 тыс.

Автор даже не попытался проследить, как партия направляла эволюцию форм колхозного строительства в ауле от ТОЗа, малсерктика к артели, хотя документы по этому вопросу тогда уже были известны и ничто не мешало их анализу. Не учтена исследователем и историческая перспектива развития колхозного строя, также нашедшая отражение в публиковавшихся в то время статистических сборниках.

Однако не названные негативные моменты, в конечном счете, определяли состояние науки. Историческая мысль не стояла на месте, шла вперед и добилась серьезных результатов.

В трудные для советского народа годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) казахстанские исто-

рики целиком подчинили всю свою работу делу победы над врагом. Новую силу обрели в науке идеи советского патриотизма, дружбы народов, героические традиции народов нашей Родины, в частности казахского народа.

Сборники статей о Героях Советского Союза казахстанцах, боевом пути сформированных в республике отдельных воинских соединений, статьи², листовки и памфлеты, выступления перед фронтовиками, рабочими, колхозниками, ковавшими победу в тылу, — все достижения исторической науки, все формы пропаганды исторических знаний служили благородной цели защиты многонационального социалистического стечества — первого в мире государства рабочих и крестьян, цели полного разгрома немецко-фашистских захватчиков.

Весьма серьезно сказалось на развитии казахстанской историографии, на подготовке высококвалифицированных кадров местных историков то обстоятельство, что в годы Отечественной войны, в эвакуации в Казахстане находилась большая группа видных русских ученых-историков — А. М. Панкратова, С. В. Бахрушин, Н. М. Дружинин, М. П. Вяткин, Д. А. Баевский, М. П. Ким, А. П. Кучкин, С. В. Юшков и многие другие. При их непосредственной помощи воспитывалось, повышало свою научную квалификацию целое поколение казахстанских историков. При их прямом участии было предпринято создание обобщающего труда по истории Казахской ССР — с древнейших времен до Великой Отечественной войны Советского Союза.

«История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней)», вышедшая в 1943 г., принципиально отличалась от всех предшествующих работ по истории Казахстана.

Ближе всех к ней по уровню и масштабам охвата исторического процесса на территории края — «Очерки по истории Казахской ССР» М. П. Вяткина (Алма-Ата, 1941). Но в «Очерках» исторические события рассматривались только до 70-х гг. XIX в. Таким образом, вопросы истории Казахстана периода кануна социалистической революции и послереволюционной, советской эпохи вообще не освещались. Многие проблемы представлены в «Очерках» бегло, без привлечения источни-

ков, в основе периодизации лежал, главным образом, политический фактор, история культуры казахского народа почти целиком выпала. В свое время книга, несомненно, сыграла положительную роль, будучи обобщающей сводкой накопленного конкретно-исторического материала. Но наука уже ушла намного дальше. Назревшие общественные потребности сделали необходимым создание нового обобщающего труда. Объективно сложилось такое положение, при котором казахстанской историографии сознательно пришлось идти на создание такого труда до появления монографий по узловым историческим проблемам.

В отличие от всех прежних работ (авторы — А. П. Чулошников, С. Д. Асфендиаров, М. П. Вяткин) за подготовку «Истории Казахской ССР» взялся не один ученый, а коллектив исследователей. И это дало возможность в очень короткий срок обобщить опыт истории союзной республики впервые в СССР.

Выход в свет первого издания «Истории Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней)» явился важной вехой в историографии, вызвал большой интерес общественности. В книге были обобщены многие достижения в изучении истории Казахстана, поставлены и по-новому решены некоторые вопросы дореволюционной истории края, впервые дано систематическое изложение истории советской эпохи — с победы Великой Октябрьской социалистической революции по первые годы Отечественной войны включительно. Вместе с тем в ней отразились все слабые стороны и крупные пробелы казахстанской историографии, сказалась неизученность многих важных проблем истории Казахстана. В книге имелись также серьезные ошибки — идеализация феодального прошлого, односторонняя оценка феодально-монархических движений и вхождения казахских земель в состав России. Весьма поверхностно рассматривалась история производительных сил. Важнейшие периоды дореволюционной истории Казахстана выделялись не в соответствии с марксистско-ленинским учением об общественно-экономических формациях, а по-прежнему исходя из ложного критерия о «независимости» или «зависимости» Казахстана от России.

В августе 1945 г. ЦК КП(б) Казахстана принял спе-

циальное постановление о переиздании «Истории Казахской ССР». Но ошибки были исправлены не сразу. Вышедшая в 1948 г. монография Е. Б. Бекмаханова «Казахстан в 20—40-е годы XIX века» также содержала методологические ошибки, типичные для первого издания «Истории Казахской ССР». В ней не была раскрыта противоположность классовых интересов ханско-султанской верхушки и трудового народа в движении Кенесары Касымова, недостаточно ясно охарактеризован ход и историческое значение вхождения казахских земель в состав России³. Прошедшая по книге дискуссия, хотя и подвергла критике эти и другие положения, но не дала реального научного итога⁴.

В 1949 г. вышла «История Казахской ССР» в двух томах (первый — по истории дореволюционного, второй — по истории Советского Казахстана). Это издание сравнительно с первым выше по своему уровню. В нем глубже, конкретнее и в основном верно для своего времени освещены основные проблемы истории послеоктябрьской эпохи, истории края в конце XIX — начале XX века. Но и оно еще далеко не преодолело, а в отдельных вопросах повторило ошибки прежнего издания.

Руководствуясь указаниями Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, ЦК КП(б) Казахстана в своих решениях по вопросам идеологической работы, в частности истории республики (апрель 1951 г.), направил усилия историков против идеализации феодального прошлого казахского народа, не критического отношения к его культурному наследию. ЦК требовал решительной борьбы с проявлениями национальной ограниченности, воспеванием ханов и султанов — душителей и эксплуататоров трудящихся масс, с отступлениями от марксистско-ленинского подхода к оценке событий. ЦК КП(б) Казахстана нацелил ученых на изучение и правильное отображение исторических связей казахского народа с русским и другими народами СССР, корней их дружбы, складывавшихся в совместной борьбе против царизма, русских помещиков и капиталистов, феодально-байской верхушки, в борьбе за победу социалистической революции, за социализм.

Упорные искания, приток новых творческих сил

обусловили преодоление односторонности в освещении исторических событий, повышение качества исследований. Немалую роль в этом сыграл подъем археографической работы, привлечение новых источников и их критическая оценка.

В результате многолетней работы архивистов в двух республиканских архивах (ЦГАОР КазССР и ЦГИА КазССР) еще в канун войны было сосредоточено и в основном обработано 1266 архивных фондов с 429 тысячами единиц хранения, к началу 50-х гг. — более 1500 фондов с полумиллионом единиц хранения.

В послевоенные годы практика использования архивных документов все расширялась. Составлялись обзоры отдельных архивных фондов, тематические обзоры документов, например, по такому актуальному вопросу, как пережитки родового строя в общественных отношениях казахов-кочевников; были подготовлены брошюры: «Барометр показывает бурю» (о событиях 1905 г. в Казахстане), «Свидетели прошлого» (об истории революционного движения в 1917—1920 гг.), публикации: «Казахские феодалы — баи на службе у царизма», «Новые материалы к биографии М. В. Фрунзе», «Куйбышев в борьбе за Советский Казахстан» и многие, многие другие. Образовывались личные фонды крупных ученых-исследователей прошлого, был создан архив кинофотодокументов, издавались путеводители по архивохранилищам Казахской ССР⁵.

От обзоров отдельных фондов, брошюр и документальных публикаций, путеводителей по архивохранилищам археографы-историки и архивисты переходили к подготовке тематических документальных сборников как по истории советского, так и дореволюционного Казахстана. Предпринимались новые попытки составления летописи Великого Октября в рамках юга Казахстана⁶.

Возрос интерес к исследованию вопросов истории Советского Казахстана. Научное обоснование получило положение об исторической закономерности победы социалистической революции в Казахстане, как неотъемлемой составной процесса Великой Октябрьской революции во всей стране. Историки на конкретном материале изучали социально-экономические и политические предпосылки революции, историю соединения под

руководством Коммунистической партии пролетарского движения за свержение власти буржуазии и единовластие Советов, установление диктатуры рабочего класса с крестьянским движением за землю, общедемократическим движением за мир, освободительным движением угнетенных народов против национально-колониального гнета.

В науку входил ценный документальный материал об активном участии казахских, русских, уйгурских, украинских, дунганских трудящихся многонационального края, ведомых русским рабочим классом и Коммунистической партией, в борьбе за установление и упрочение Советской власти в Казахстане. Стали выясняться и особенности процесса социалистической революции в отсталом колониальном крае ⁷.

Значительные успехи были достигнуты в изучении истории гражданской войны — истории казахстанских фронтов (Актюбинского, Семиреченского и Уральско-го), ярких страниц героической борьбы Красной Армии, трудящихся края против белогвардейцев, интервентов, алашордынцев (например, оборона Уральска, Оренбурга), истории формирования и боевого пути ряда национальных частей Красной Армии, некоторых вопросов истории советского строительства в ауле и деревне в Семиречье, Восточном Казахстане и других районах. Вводился в науку материал, доказательно раскрывающий роль иностранных интервентов в гражданской войне ⁸.

Основные работы по истории Октября и гражданской войны, как, впрочем, и истории социалистического строительства, избавлялись от провинциализма, преодолевали известную оторванность, обособленность в изложении казахстанских событий от событий в России, правильно указывали на решающее значение победы социалистической революции в пролетарских центрах страны для установления Советской власти в Казахстане, на зависимость судеб революции в крае, прежде всего от хода и исхода военных действий на главных фронтах гражданской войны, на теснейшую взаимосвязь и взаимообусловленность сложнейшего процесса социалистической революции и гражданской войны во всей советской стране.

Существенные результаты были получены в изуче-

нии истории советского национально-государственного строительства. Новые документы, их критический анализ позволили довольно четко восстановить историю образования казахской советской государственности (1918—1920 гг.), подробно рассмотреть деятельность Киргизского (Казахского) военно-революционного комитета (июль 1919 — сентябрь 1920 гг.)⁹. Столь же подробно в исторической литературе было показано, как Коммунистическая партия подготовила и осуществила национально-государственное размежевание Средней Азии, воплотила в жизнь чаяния казахского народа о воссоединении своих земель в Казахской АССР, какую острую борьбу она вела с великодержавно-шовинистическими и националистическими уклонами в ходе проведения национально-государственного размежевания¹⁰.

Появились труды по истории подготовки и преобразования Казахской АССР в союзную республику (1936) и первых выборов в Советы на основе новой Конституции¹¹.

Весомые итоги дало исследование истории восстановления народного хозяйства и создания социалистической индустрии в республике, в частности таких ее очагов, как Караганда, Рудный Алтай, Турксиб, возникновения социалистического соревнования и движения новаторов производства, называвшегося тогда стахановским движением¹².

Еще большее внимание историков приковала тема исторической подготовки и проведения массовой коллективизации. Изучались подготовка и проведение коллективизации в отдельных областях обширной территории республики, исследовались специфические формы кооперирования казахских трудящихся, история первых колхозов в Казахстане. Велось, хотя еще весьма ограниченно и без взаимной связи, изучение аграрных мероприятий Советской власти в ауле и деревне в октябре 1917—1929 гг. (земельно-водная реформа 1921—1922 гг. в Семиречье и Южном Казахстане, передел сенокосных и пахотных угодий, конфискация скота и имущества крупных баев-полуфеодалов в 1926—1928 гг.). Были выявлены новые материалы о формах и накале классовой борьбы в период объединения сотен тысяч аульно-деревенских хозяйств в колхозы¹³.

В науку входила тема братской помощи русского народа, русского рабочего класса в социалистическом преобразовании Казахской республики, в частности в социалистической переделке отсталых форм хозяйства и быта аульно-сельского населения и обеспечении сельского хозяйства техникой и кадрами. Этой теме посвящались брошюры и статьи, в большей или меньшей степени ее касались все исследования по истории социалистического строительства.

В послевоенные годы историки занялись изучением роли Казахстана, как одного из арсеналов страны в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., накапливали сведения о фронтовых подвигах казахстанцев ¹⁴.

Известный вклад был внесен в историю Коммунистической партии Казахстана. Ученые приступили к созданию обобщающего труда по истории партийной организации республики. Собирались и осмысливались документы, факты о том, как оформлялись местные большевистские организации и как они действовали в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, в годы гражданской войны. Обобщался опыт Коммунистической партии Казахстана по пропаганде идей советского патриотизма среди воинов-казахов в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., изучалась деятельность политических отделов МТС ¹⁵. На страницах местных журналов и газет публиковались статьи по отдельным вопросам истории партийной организации республики.

На более серьезной научной основе, чем раньше, ставилась и решалась проблема периодизации истории Казахстана ¹⁶. Историки отказались от старой схемы, согласно которой дореволюционная история края членилась только на периоды «независимости» и колониализма. Синтез большого исторического материала, его осмысление на основе марксистско-ленинского учения о социально-экономических формациях позволили пересмотреть эту схему. Утвердилась новая точка зрения: до Великой Октябрьской социалистической революции человеческое общество на территории Казахстана знало две основные социально-экономические формации — первобытнообщинный строй и феодальный строй со специфичными чертами, обусловленными кочевым хо-

зяйством, неразвитостью форм феодальной собственности на землю и отсутствием крепостничества. Сделана была попытка хронологически очертить рамки этих главных этапов.

Дальнейшее развитие получило положение о производственных отношениях в казахском ауле как отношениях патриархально-феодальных, причем примат в этом сложном переплете общественных отношений, отмечали ученые, конечно, принадлежал феодальному началу.

Закрепилось мнение о казахском обществе, как обществе классовом, сдвинуто время перехода к нему более чем на тысячелетие. Было доказано, что VI—VII вв. (время Тюркского каганата) — это уже период становления феодальной формации на территории Казахстана.

Вместе с тем в науку вошло положение о миновании древнейшим населением края рабовладельческого строя как способа производства, хотя рабство в различных формах, прежде всего в виде патриархального рабства, безусловно, здесь существовало¹⁷. Оно было подтверждено комплексом археологических данных и выявленными, хотя пока еще ограниченными, письменными источниками. Но выяснение причин, вызвавших переход от первобытнообщинного строя к феодальному, минуя рабовладельческий, еще далеко не было завершено. Ссылка на решающее значение хозяйственного фактора, т. е. кочевого скотоводства, якобы полностью исключающего возможность и целесообразность массового применения рабского труда, оказалась явно недостаточной. Ибо известно, что многие народы, не знавшие кочевого скотоводства, как основной формы хозяйства, примерно в ту же пору (во времени) также миновали в своем развитии рабовладельческий строй.

Обоснован был тезис об относительно широком проникновении в экономику Казахстана, в том числе и в казахский аул, во второй половине XIX — начале XX века капиталистических отношений и происходившем в результате этого разложении патриархально-феодальных отношений¹⁸. Однако до Октябрьской революции в Казахстане, особенно в казахском ауле (это признавалось всеми исследователями), господствовали еще докапиталистические производственные отношения

и край не прошел еще стадии промышленного капитализма.

Известные сдвиги произошли в исследовании чрезвычайно сложной проблемы происхождения казахской народности¹⁹. Были отброшены ошибочные, ненаучные построения о том, что казахи как народность существовали уже к середине первого тысячелетия до нашей эры, а также необоснованные представления о преобладающем влиянии в процессе их этногенеза внешнего или, точнее, внешнеполитического фактора — образования государства Шейбани в Средней Азии и присоединения Западной Сибири к России. Продолжались изыскания по объяснению происхождения термина «казах»; верно отмечалось, что следует различать конкретную историю и время образования народности от толкований и времени появления в источниках этнонима «казах».

Выяснялась этническая и языковая принадлежность племенных компонентов, вошедших в состав казахской народности, например, кипчаков. В обиход входила, правда, еще очень схематичная точка зрения: процесс этногенеза казахов в основе своей автохтонен, он еще начался в седой древности, продолжался до середины XV — начала XVI века и органически связан со становлением и укреплением феодального общества на территории Казахстана. Весьма существенное значение для образования народности имела общность типа хозяйства, материальной культуры и быта, а также языковая родственность (абсолютное преобладание тюркоязычных племенных объединений и племен). Отрицательно сказалось на этногенезе казахов монгольское нашествие, но оно только задержало, а не остановило его.

При всей противоречивости процесса, когда племена и племенные объединения соединялись и распадались, входили в разные государственные образования или даже поглощались другими этническими группами, ассимилировали пришлые этнические элементы, поступательная, восходящая тенденция к сближению и образованию одной — казахской — народности несомненна. Очевидна также связь этногенетических явлений на территории Казахстана в древности и средневековье с аналогичными явлениями в Средней Азии и бесспор-

но, что многие тюркоязычные племена и племенные группы вошли не только в состав казахов, но и узбеков, и туркмен.

Изучалась проблема истории возникновения и развития государственности на территории Казахстана. Был пересмотрен ранее общепринятый взгляд об относительно позднем возникновении государственности на территории Казахстана. Новые данные археологов, сведения историков дали возможность поставить вопрос о характере политического строя и возникновении элементов государственности еще у древних насельников юга Казахстана — усуней и канглы (на рубеже нашей эры).

Пересматривалось также положение о причинах возникновения казахской государственности — казахских ханств в XV—XVI вв. Историки отошли от традиционного объяснения — казахское ханство возникло в результате откочевки из ханства Абулхаира нескольких родоплеменных групп казахов во главе с султанами Джаныбеком и Гиреем в район Семиречья. Стали выясняться внутренние социально-экономические и политические факторы, обусловившие образование казахских ханств, их специфика в сравнении с феодальной государственностью других народов, стоявших на более высоких ступенях общественно-экономического развития, в частности народов сопредельных стран.

Большой размах получило исследование конкретной истории присоединения казахских земель к России²⁰. Прежде всего были выяснены политическая обстановка в Младшем и Среднем жузах в конце XVII — начале XVIII в., экономические и политические причины, побудившие казахов искать российского подданства, влияние джунгарского нашествия. Установлены в ряде случаев на основе количественных показателей конкретные изменения в экономике, общественных отношениях, быте казахского народа под воздействием экономики России, зафиксировано с помощью достоверных источников сокращение, а затем прекращение феодальных усаобиц.

Все большее внимание стала привлекать история складывания дружественных отношений казахского народа с русским и другими народами России, общность их исторических судеб, совместная революцион-

ная борьба против царизма, помещиков и капиталистов.

Появились первые работы о формировании национальных кадров российского рабочего класса, о революционном рабочем и крестьянском движении в крае, истории переселения русско-украинского крестьянства в Казахстан²¹.

Предметом специального исследования стала история революционного движения в крае в период первой русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг.²², были выявлены и опубликованы новые документальные материалы об участии трудящихся Казахстана в борьбе против царизма в 1905—1907 гг. Общее признание получил принципиальной важности тезис — революционное движение в Казахстане в период первой русской буржуазно-демократической революции сливалось с революционным процессом во всей России.

Революционное движение русского рабочего класса поднимало и звало к борьбе миллионные массы крестьян-тружеников всех национальностей, включая и крестьян восточных окраин Российской империи. От жалоб и петиций до вооруженных столкновений с урядниками, исправниками, волостными управителями, казачьими командами — вот школа, которую прошло трудовое крестьянство Казахского края.

Во весь рост в науке стал вопрос об исторических судьбах многонационального крестьянства края в канун социалистической революции. Новый документальный материал показал, как по мере распространения российского капитализма вширь и «раскрестьянивания» аула и деревни четче проявлялись революционные возможности крестьян-переселенцев и казахских шаруа, необходимость их союза с русским рабочим классом. Ибо, как учил Ленин и подтверждал опыт истории, только рабочий класс, сплачивая трудящихся города и деревни (в том числе и национальной), способен спасти крестьянство от кабалы, нищеты, разорения, поднять его благосостояние и культуру, приобщить к строительству социализма.

Одной из форм классовой борьбы в казахском ауле в конце XIX — начале XX в. была борьба за развитие оседлости и земледелия. Большею части байства было выгоднее кочевать, поэтому оно выступало за сохране-

ние прежнего образа жизни, напротив, беднота тянулась к оседлости. Проиллюстрируем это на документе: обманутые судом биев, ставшим на защиту кочевых порядков, бедняки Супатаевской волости Капальского уезда писали губернатору Семиреченской области, что они «были избраны доверенными от 50 кибитководельцев волости, желающих переселиться в оседлость крестьян. Но сторона, не желающая оставить кочевой образ жизни (т. е. баи. — Г. Д.), не желает отпустить нас, за что именно во всем нас до невыносимости притесняет, налагает на нас излишние денежные сборы, учиняет нам подложные долговые и другие документы».

Историческая литература зафиксировала эту форму классовой борьбы, указала на ее социальные корни, связь с главными тенденциями экономического развития аула.

Критически переосмысливалась история культурного наследия казахского народа. Отвергнув ошибочную теорию «единого потока» и ее проявления в казахстанской историографии и литературоведении, исследователи стали четче различать в истории культуры передовые для своего времени направления и течения, феодально-клерикальные и реакционные, немало сделали они для восстановления действительного места в истории выдающихся представителей казахской демократической культуры, науки, общественно-политической мысли — Абая Кунанбаева, Чокана Валиханова, Ибрагима Алтынсарина. Известные положительные результаты были достигнуты в изучении истории народного образования в Казахстане в XIX — начале XX века, в сборе и публикации устно-поэтического наследия казахского народа²³. Правда, отдельные историки и литературоведы впадали в крайности и упрощенно, нигилистически относились к некоторым сложным и противоречивым явлениям казахской культуры прошлого, например, к оценке казахского эпоса.

Существенный вклад был внесен в изучение истории национально-освободительного движения в Казахстане во второй половине XVIII в., в XIX и начале XX в. Мы имеем в виду прежде всего монографическое исследование М. П. Вяткина о восстании трудящихся Младшего жуза в 1783—1797 гг. под предводительством батыра Срыма Датова, удостоенное Государствен-

ной премии. Укажем также на монографии В. Ф. Шахматова и других о восстании трудящихся Букеевской орды в 1836—1837 гг. во главе с Исатаем Таймановым и Махамбетом Утемисовым, о выступлении сырдарьинских егиншей в 1856—1857 гг., на статьи о массовом движении казахов южных районов Казахстана против гнета кокандских феодалов в 1858 г., о восстании 1916 г. в Казахстане²⁴. Глубина анализа исторического материала и широта обобщений в этих книгах различны, накапливался и новый материал, отдельные положения и выводы сравнительно быстро устаревали. Но главное, принципиальное в оценке характера, движущих сил и результатов этих освободительных выступлений казахского трудового народа выдержало испытание временем.

В борьбе с неправильными, односторонними оценками прошлого в вопросе о присоединении Казахстана к России и национальных движениях были и известные издержки. В литературе конца 40-х — начала 50-х гг., главным образом пропагандистского характера, авторы иногда недостаточно раскрывали тяготы национально-колониального гнета, чем объективно снимали историческую обусловленность, необходимость борьбы казахских трудящихся совместно с русскими рабочими и крестьянами против общего врага — царизма, против помещиков и капиталистов. Эти крайности, в частности, сказались на оценке восстания 1869—1870 гг. в Западном Казахстане и на Мангышлаке.

Тогда же родились тенденции превратить в «реакционные» и многие другие в основе своей народно-освободительные выступления казахских трудящихся. Так, в дискуссии по вопросу о национальных движениях в Казахстане в прошлом, состоявшейся в Алма-Ате в 1952 г. (материалы ее не опубликованы), предпринимались попытки на основе случайных, нехарактерных документов или даже отрывков из них, к тому же произвольно толкуемых, представить движение казахских шаруа Младшего жуза в 1783—1797 гг. под предводительством Срыма Датова, второй этап (1838 г.) восстания казахов Букеевской орды и даже крупнейшее народно-освободительное движение казахского народа, как и народов Средней Азии, эпохи империализма — восстание 1916 г. — как движения в за-

щиту феодального прошлого, как чисто антирусские выступления казахской феодальной верхушки и т. д.²⁵

Казахстанская историография не приняла таких взглядов. Появившись случайно, не имея под собой научной основы, они быстро сошли на нет и более не возрождались.

Разумеется, это не исключает того, что при оценке названных и некоторых других народных выступлений как освободительных историки анализировали каждое из них во всей его противоречивости, не замалчивали реакционности позиций того или иного феодала, оказавшегося на гребне в основе народного движения, провокаций баев, мулл, националистов, вызвавших, например, в 1916 г. резню в отдельных районах Семиречья.

Наука стала заниматься изучением истории уйгур и дунган, в частности вопросами переселения уйгур и дунган из Синьцзяна в Семиречье в XIX веке, семейного быта уйгур, публиковались образцы уйгурского народного творчества²⁶.

Успехи в исследовании проблем истории Казахстана были бы невозможны без дружеской помощи видных русских ученых, а также ведущих научно-исследовательских институтов Москвы и Ленинграда (Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Института истории, Института этнографии и Института истории материальной культуры АН СССР). Уже говорилось о значении этой помощи на этапе становления науки и в годы Отечественной войны. В послевоенный период масштабы содействия головных научных учреждений и их ученых казахстанской отрасли советского исторического знания значительно возросли, а формы и методы стали многообразнее и конкретнее. Это — прямое участие в создании коллективных обобщающих трудов («История Казахской ССР», т. 1 и 2), подготовке и редактировании монографий местных историков, написание научных статей по отдельным важным вопросам истории Казахстана, участие в творческих дискуссиях и рецензировании трудов казахстанских ученых, в подготовке научных кадров, организации и проведении археологических и этнографических экспедиций.

По-прежнему вопросами истории Казахстана интересовались и занимались ученые, работавшие в брат-

ских республиках Средней Азии. В конце 40-х — первой половине 50-х гг. в среднеазиатских республиках вышли обобщающие труды по истории — «История Узбекской ССР» (т. 1, 2), «История Киргизии» (т. 1, 2), «История таджикского народа», «История Туркменской ССР» (т. 1, 2), а также документальные сборники и монографии. Все они в большей или меньшей степени, особенно работы, касающиеся проблем, общих для Средней Азии и Казахстана, представляли интерес для казахстанской историографии. Однако даже простой их перечень потребовал бы специальной библиографической публикации.

Поэтому ограничимся констатацией факта развития творческих связей историков Казахстана с учеными братских республик, что наиболее наглядно проявилось в научной сессии Академии наук СССР, Академий наук Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Казахстана (Ташкент, 1954), на которой были обсуждены основные проблемы дореволюционной истории Средней Азии и Казахстана: вопросы периодизации, истории национальных движений, присоединения Казахстана и Средней Азии к России, сути и специфики общественно-экономического строя и другие. Сессия свидетельствовала о повышении теоретического уровня исследований по истории Казахстана. Принятые ею рекомендации во многом определили перспективы развития казахстанской историографии.

Немалую роль в росте интереса общественности к истории сыграла художественная литература. Видные представители казахской науки и культуры: К. Сатпаев, М. Ауэзов, С. Муканов, С. Кенесбаев и другие участвовали в создании обобщающих трудов по истории Казахстана. Народ, быстрыми темпами преодолевавший былую отсталость, искал самого себя, утверждая свое национальное достоинство. И казахская литература в ее лучших образцах открывала казахов не только миру, народам-братьям, но и самим себе. В этом, очевидно, одна из характерных черт пути развития казахстанской историографии.

Книги казахских писателей: С. Муканова «Боталгоз» и «Школа жизни», Г. Мустафина «Шиганак», Г. Мусрепова «Пробужденный край», Н. Анова «Ак-Мечеть» и другие, большинство из которых сочетало до-

кументальные факты с воспоминаниями авторов, стояли в одном ряду с историческими исследованиями. Особо выделяется замечательное историческое полотно — эпопея известного советского писателя М. Ауэзова «Абай» и «Путь Абая», воссоздающая правдивую и яркую картину жизни и быта казахского народа второй половины XIX — начала XX в., творческий путь выдающегося деятеля казахской демократической культуры Абая Кунанбаева, по праву названная энциклопедией казахской жизни той эпохи.

С середины 50-х гг. в развитии исторической науки начался новый этап. Продолжается он и по сей день. Подвергнув справедливой критике догматические наслоения и искажения, тяжко сказавшиеся на научном творчестве, сохраняя вместе с тем преемственность в поступательном движении социалистической культуры и науки, рожденных Октябрем, партия создала благоприятные условия для быстрого прогресса исторических знаний, для исканий и свершений.

Новая Программа партии определила перспективы общественных наук. Отвергнув следствия субъективизма, XXIII съезд КПСС внес существенный вклад в марксистско-ленинскую теорию. Съезды КП Казахстана и пленумы ЦК КПК обобщили опыт практической работы партийной организации республики в разрешении насущных задач коммунистического строительства и конкретно сформулировали основные задачи казахстанской историографии.

Коренным образом изменилась обстановка в науке. Она стала освобождаться от догматизма, субъективизма и произвола в оценке исторических событий, иллюстративного метода, восстанавливалось значение ленинского творческого наследия. Значительно выросли масштабы работы по переводу и изданию произведений Маркса, Энгельса, Ленина на казахском языке, впервые вышел на казахском языке основополагающий труд К. Маркса «Капитал» (т. I).

Намного повысилась творческая активность ученых. Достижения исторической науки непосредственно отразились в преподавании истории КПСС и гражданской истории в высшей школе. Историческая наука приобретала все большее значение в идеологической и культурной жизни советских людей.

Практически фронт работ историков охватил всю историю края от палеолита до современности, причем ведущее место заняла проблематика истории Советского Казахстана. С партийных позиций критически осмысливались достижения науки предшествующего времени, учитывались объективные трудности исследований ученых 20—30-х гг., ранее нередко замалчивавшиеся. Углубилось понимание принципа историзма, укрепились источниковедческая база научных трудов,

невиданный ранее размах получила публикация исторических документов.

В вышедшей в 1957 и 1959 гг.¹ двухтомной «Истории Казахской ССР» были не просто учтены и исправлены ошибки, заполнены пробелы прежних изданий. В сущности увидели свет совершенно новые книги, обобщившие для своего времени основные результаты исследования истории Казахстана. В них по-новому разработаны многие вопросы периодизации, показано значение вхождения казахских земель в состав России, выправлены ошибки в освещении истории национальных движений, поставлены важные вопросы эволюции социально-экономического строя казахского общества, охарактеризована историческая обусловленность победы социалистической революции в колониальной окраине бывшей Российской империи.

Издание дало цельную, систематизированную историю Советского Казахстана от Октябрьской социалистической революции до полной и окончательной победы социализма в СССР. Главное внимание составители уделили проблеме перехода отставших в своем развитии народов от докапиталистических отношений к социализму, минуя капитализм (на примере казахского народа).

Богатый конкретно-исторический материал позволил показать историю борьбы за Советскую власть в Казахстане, за социализм и коммунизм в неразрывной связи с историей советской страны в целом, раскрыть закономерности глубоких социально-экономических, политических и культурных преобразований, осуществленных под руководством Коммунистической партии. Получили объяснение и многие особенности процесса строительства нового общественного строя, обусловленные спецификой жизни и быта казахского народа, его историческим прошлым.

Авторский коллектив подробно охарактеризовал конкретную историю претворения в жизнь ленинской национальной политики Коммунистической партии, братскую помощь русского и других народов нашей страны казахскому народу, историю развития дружбы народов. Авторы решительно отвергли некоторые неверные положения, бытствовавшие ранее в казахстанской историографии, в частности тезис о том, что Октябрь-

ская революция не затронула социально-экономических отношений в казахском ауле, что до середины 20-х гг. в низовых Советах безраздельно господствовали бай, а советизация аула в широком понимании этого слова началась лишь с конца 1925 г.

«История Казахской ССР» стала использоваться в качестве учебника в высших учебных заведениях, пособия для пропагандистов и агитаторов. На ее основе были составлены программы по истории Казахской ССР для высшей и средней школы. Она получила высокую оценку в печати и признание общественности². Одновременно на ее основе были составлены учебники по истории Казахстана для средней школы, а также хрестоматии, учебные пособия.

Но наука быстро шла вперед, накапливался и осмысливался свежий документальный материал. За короткое время коллектив ученых подготовил на русском и казахском языках переиздание «Истории Казахской ССР. Эпоха социализма»³.

В свете новой Программы партии историки вновь обратились к анализу многих важных вопросов истории социалистической революции и социалистического строительства в Казахстане, к проблеме перехода казахского народа к социализму, минуя капитализм. На основе документов глубже и точнее была освещена история национально-государственного строительства, пересмотрена оценка причин ошибок, перегибов в проведении коллективизации и оседания в казахском ауле. Введены главы об освоении целины, развития экономики республики в 1959—1963 гг., разделы по истории социалистической культуры. Устранены некоторые неточности и фактические ошибки, имевшиеся в прежнем издании.

Большой шаг вперед сделала историко-партийная наука. Крупным событием в идейной жизни республики, в историографии Казахстана явился выход «Очерков истории Коммунистической партии Казахстана»⁴. В этой книге впервые на проверенной документальной базе воссоздана история Коммунистической партии Казахстана — от первых марксистских кружков и групп до сплоченного боевого, почти пятисоттысячного отряда Коммунистической партии Советского Союза, история его становления, борьбы и побед под руководством

ленинского ЦК, возрастания его руководящей и направляющей роли на современном этапе коммунистического строительства.

Почетное место в казахстанской историографии заняла тема Ленина. Историки продолжили изучение ленинского теоретического наследия и немало сделали для восстановления действительной роли великого вождя революции, основателя партии и Советского государства в истории казахского народа, в социалистическом преобразовании Казахстана. Публикация новых ленинских документов, издание полного собрания сочинений В. И. Ленина, поиски в центральных и местных архивах дали ценнейший материал для изучения распространения ленинских идей в казахской степи, выявления фактов непосредственного участия Владимира Ильича в создании и укреплении казахской советской государственности, в истории возникновения социалистического уклада в промышленности и сельском хозяйстве края (например, национализация и восстановление Риддера и других промышленных очагов, организация коммун петроградских рабочих в Восточном Казахстане), в ликвидации последствий колониальной политики царизма и проведении земельных реформ, в строительстве социалистической культуры, буквально во всех областях хозяйственной, политической и культурной жизни молодой Советской республики.

Совместно Институт истории партии при ЦК КП Узбекистана и Институт истории партии при ЦК КП Казахстана (филиалы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) подготовили сборник высказываний и документов Ленина о Советском Востоке⁵. Много полезного в казахстанский раздел ленинианы, особенно в вопрос о роли В. И. Ленина в становлении Коммунистической партии Казахстана, внес труд С. Б. Бейсембаева⁶.

Сотни выявленных в архивах и опубликованных документов свидетельствуют о постоянной заботе Ильича об угнетенном в прошлом казахском народе, о его связях с трудящимися даже самых отдаленных уголков Казахстана. Публикация писем крестьян и рабочих к Ленину, записей воспоминаний о встречах с ним, отдельных, ранее неизвестных партийных и государственных документов, подписанных Лениным, воссоздает,

хотя, конечно, еще не во всей полноте (поиски продолжаются), образ любимого вождя и учителя. Этой же благородной цели служат многочисленные статьи и брошюры о торжестве ленинской национальной политики, ленинских идей дружбы и братства народов в Казахстане⁷.

Исследователи стали чаще обращаться к актуальным и малоизученным вопросам истории партийной организации Казахстана, стремясь обобщить опыт практической деятельности коммунистов республики. Более четко определились историко-партийный аспект, направленность научных трудов, хотя еще и донныне встречаются работы по истории КП Казахстана, мало или почти совсем не отличающиеся от трудов по гражданской истории.

Стало систематическим издание трудов Института истории партии при ЦК КП Казахстана⁸. После длительного перерыва была возобновлена публикация сборников документов историко-партийного профиля. Среди них выделяются сборник «Коммунистическая партия Казахстана в документах и цифрах», целиком посвященный вопросам партийного строительства, а также сборники о деятельности КП Казахстана по руководству освоением целины. Несомненно полезны информационные справочники об источниках по истории КП Казахстана и документах по истории социалистической революции и гражданской войны в Казахстане. Введены в научный оборот важные сведения о связях ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями Казахстана в период Октябрьской революции⁹.

Наметился сдвиг и в изучении истории возникновения и деятельности социал-демократических групп и организаций, а также профсоюзов в Казахстане в период первой русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг., истории распространения большевистских идей среди рабочих и крестьян края, истории местной социал-демократической печати. Новые работы появились по истории оформления большевистских организаций Казахстана в 1917—1918 гг., развития партийно-политической работы в массах в эту героическую эпоху¹⁰, хотя до конца еще не разработан, например, вопрос о размежевании большевиков и меньшевиков в местных организациях в 1917 г.

Шире исследовано партийное строительство в Казахстане в годы гражданской войны¹¹. Наука уже располагает достоверными сведениями о динамике численности партийных ячеек и коммунистов в крае, их организационном статусе. Показаны ведущая роль коммунистов на фронтах гражданской войны в Казахстане, в подготовке и образовании казахской Советской автономии, история большевистского подполья в тылу Колчака. Создан монографический труд (П. М. Пахмурный) на тему «Коммунистическая партия—организатор партизанского движения в Казахстане» (Алма-Ата, 1965).

Подробно изучены образование Казахстанской областной организации РКП(б) и работа 1-й областной партийной конференции в июне 1921 г., завершившей объединение всех партийных организаций республики¹². Конкретно рассмотрен ленинский призыв в парторганизации Казахстана¹³.

На основе ленинских принципов партийности и историзма, на документах стала исследоваться борьба областной и краевой парторганизации, руководимой ЦК, против национал-уклонистов и других оппозиционных, антиленинских течений и группировок. Не скрывая заблуждений, теоретических и практических ошибок отдельных руководящих партийных и советских работников Казахстана, оценивая их ошибки в национальном и других вопросах, исследователи попытались определить и их заслуги в социалистическом строительстве, показать, как многие из них преодолели свои заблуждения, шатания, стали на партийные позиции.

Интересна работа историков по изучению мобилизующего влияния центрального органа партии — газеты «Правда» на деятельность партийной организации Казахстана¹⁴. Изданный на эту тему сборник статей охватил весьма широкий круг вопросов — от распространения первых номеров газеты в колониальном крае до действенного вторжения партийной печати в современность во имя торжества великих идеалов коммунизма.

Существенный вклад внесли ученые в исследование практической работы парторганизации Казахстана по осуществлению аграрных реформ, организации кооперативного движения в ауле и деревне, подготовке и

проведению массовой коллективизации сельского хозяйства. Исследовалась также деятельность политотделов МТС по перестройке организационной и массово-политической работы колхозных партячеек, партийное руководство процессом роста зернового и хлопкового хозяйств ¹⁵.

Внимание историков привлек также опыт КП Казахстана по руководству индустриальным развитием республики, в частности созданием третьей угольной кочегарки — Карагандинского угольного бассейна (О. Малыбаев), крупных центров цветной металлургии в Восточном Казахстане, по руководству социалистическим соревнованием рабочих коллективов ¹⁶. Новые выводы получены при изучении работы парторганизации Казахстана по подготовке кадров промышленных рабочих и механизаторов сельского хозяйства в довоенные годы, а также кадров советской интеллигенции ¹⁷.

Особо важное место в трудах историков заняла деятельность партии по воспитанию трудящихся в духе дружбы народов и пролетарского интернационализма ¹⁸.

Бесспорны первые успехи в обобщении опыта партийной работы в труднейшей обстановке Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Создана монография (М. Козыбаев) о деятельности Компартии Казахстана в годы войны ¹⁹.

В последнее время все шире исследуется история перестройки основных форм и методов организаторской и политической работы партии среди тружеников сельского хозяйства, партийное руководство всенародным подвигом по освоению целинных и залежных земель, шефство рабочего класса над крестьянством ²⁰. Столь же широко изучается деятельность КП Казахстана по руководству промышленным развитием республики и организацией движения за коммунистический труд ²¹. Но все еще относительно мало обобщаются опыт идеологической работы КП Казахстана, вопросы партийного строительства, партийное руководство Советами, комсомольскими и профсоюзными организациями ²².

Народ, его созидательный труд, его героическая борьба против социального и национального гнета, его подвиг в установлении, полном и окончательном утверждении нового, справедливого общественного строя, в защите советской Отчизны, без преувеличения можно

сказать, превратился в главную тему исторических исследований. Исчезла безликость, в историю вошли имена сотен лучших представителей народа — рабочих, крестьян, активных борцов за власть Советов, построение социализма, деятелей науки и культуры.

Созданы новые работы о роли виднейших деятелей партии и Советского государства — М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева — в установлении и упрочении Советской власти в Казахстане и строительстве казахской советской государственности, о боевом пути легендарного В. И. Чапаева и известного писателя и партийного работника Д. А. Фурманова²³. Исследователи занялись сбором материалов, изучением жизненного пути и заслуг перед партией и народом таких видных партийных и государственных работников Казахской республики, героев Октября и гражданской войны, как народный батыр Амангельды Иманов и степной комиссар, первый казах-коммунист А. Т. Джангильдин, старейший большевик (член партии с 1898 г.), первый председатель СНК Казахской АССР В. А. Радус-Зенькович, писатель и государственный деятель С. Сейфуллин, строитель Советов в аулах Семиречья Т. Бокин и первый секретарь Казахского обкома РКП(б) Г. А. Коростелев, организатор союза Кошчи У. Джандосов и крупный ученый, общественный деятель, зачинатель высшей школы в республике С. Д. Асфендиаров, нарком внутренних дел А. Айтиев и первый летчик-коммунист Казахстана А. А. Шавров, один из создателей советской юстиции в республике С. Г. Арганчеев и первая коммунистка-казашка, руководитель движения за раскрепощение женщин в крае А. Уразбаева, активный борец за власть Советов в Семиречье П. М. Винсградов и первый председатель КазЦИКа С. Мендешев, первый коммунист-уйгур А. Розыбакиев и герой борьбы с белогвардейцами, басмачами дунганин М. Масанчи, видный партийный работник и деятель культуры Т. Жургенев и многих, многих других. Некоторым из них, например, Амангельды Иманову, Алиби Джангильдину, Токашу Бокину, Абдрахману Айтиеву, Темирбеку Жургеневу, Александру Шаврову посвящены брошюры и документальные публикации, другим лишь статьи в периодической печати. При этом не замалчиваются ошибки отдельных руководящих партийных и государственных работни-

ков, об их деятельности рассказано без хрестоматийного глянца.

Замечательные революционные традиции, образцы самоотверженности и героизма, упорного труда и творческого поиска, отличающие жизненный путь борцов за Советскую власть, за социализм, помогают партии сегодня воспитывать новое поколение советских людей в духе коммунизма, дружбы и братства народов.

Наука обогатилась монографическими исследованиями (С. Н. Покровский, Т. Елеуов и другие) по истории борьбы за власть Советов²⁴.

Намного расширилась документальная база исследования славной эпохи Октября и гражданской войны. Отличительная черта изданных сборников — публикация документов не только о военных действиях, но и советском социалистическом строительстве; в них содержатся сведения и по истории Средней Азии (в частности Туркесреспублики).

Документы как казахстанских, так и центральных архивохранилищ Москвы и Ленинграда, а также Оренбурга, Омска, Ташкента, Саратова, Астрахани и других городов во многом дополнены воспоминаниями старых большевиков, ветеранов революции и гражданской войны, записанными экспедициями Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР и Института истории партии при ЦК КП Казахстана. Новый материал позволил заполнить многие пробелы в истории героических событий 1917—1920 гг. История того боевого времени как бы ожила, обнаружилось немало ярких, волнующих страниц, не известных ранее даже специалистам. Достоверность публиковавшихся воспоминаний проверялась, они сопоставлялись с различными источниками, а поэтому ценность большинства из них не вызывает сомнений.

Выявленные за последние годы документы (в том числе на казахском языке) в сочетании с накопленными прежде позволили ученым углубить представления о процессе созревания предпосылок социалистической революции в отсталом, аграрном колониальном крае, каким был Казахстан в начале XX века. Сравнительно более емкую характеристику получили основные движущие силы революции, некоторые специфические черты расстановки классовых сил в крае. Ученые

сумели конкретно-исторически, нередко даже в деталях описать, как устанавливалась Советская власть в том или ином городе края — Петропавловске, Кустанае, Перовске, Верном, Семипалатинске, Акмолинске и др.

Плодотворными оказались поиски в вопросах истории строительства Советов в аулах и деревнях Казахстана (не забыт и отдаленный район, каким был тогда Мангышлак), частично выяснен социальный состав Советов, показано содержание работы первых губернских и уездных съездов Советов, острота идейных споров на них, борьба с эсерами и меньшевиками. Немало сделано для изучения первых шагов местных Советов в решении аграрного вопроса, уничтожении колониального наследия в земельных отношениях, организации социалистического уклада в промышленности и сельском хозяйстве ²⁵.

Историки сумели ответить на вопрос, почему казахский трудящийся народ, все трудящиеся многонационального края в канун революции (русско-украинское население составляло в Казахстане более одной трети) самой логикой борьбы, развития событий, в которых, как на оселке, ясно проявилось действительное классовое содержание программы и дел каждой политической партии и группы, подводились к прямой и активной поддержке партии большевиков, партии Ленина и отходили от всех и всяческих мелкобуржуазных, соглашательских партий и группировок, в том числе и националистической партии Алаш.

Появились специальные работы о помощи русского рабочего класса казахскому народу в установлении и упрочении Советской власти, в победе над контрреволюцией, о роли солдатских масс и железнодорожников — наиболее организованного и передового отряда рабочих Казахстана — в борьбе за Советскую власть ²⁶.

Сделана серьезная попытка рассмотреть вопрос о мирном и немирном путях развития социалистической революции, показать, когда, где и почему в зависимости от сложившихся условий и соотношения сил единовластие Советов на громадной территории края устанавливалось как в результате вооруженного восстания, так и без него.

Издана летопись событий Великого Октября, подробно, день за днем отразившая историю революционной

борьбы на территории Казахстана с февраля — марта 1917 г. по июль 1918 г.²⁷.

Обобщена история социалистической революции и гражданской войны на юго-востоке Казахстана, в бывшей Семиреченской области. Во всей своей конкретности и своеобразии рассмотрены вопросы становления и упрочения Советов в этой далекой, почти целиком крестьянской области, не связанной железными дорогами с пролетарскими центрами страны, история военных действий на протяжении 1918—1920 гг., первые шаги социалистического строительства.

Впервые в монографическом плане охвачены исследованием применительно к эпохе гражданской войны военные действия на всей территории Казахстана, в их взаимодействии и связи с фронтами гражданской войны в стране в целом²⁸.

Историческая литература наглядно показала, насколько близкой трудовому народу была ленинская идея крестьянских Советов, как она претворялась в жизнь, как, несмотря на трудности военно-политического характера, особенности социально-экономической обстановки, несмотря на отсталость, народные массы Казахстана сумели отстоять свою власть от белогвардейцев, интервентов и алашордынцев.

Сделан шаг вперед в изучении истории партизанского движения на территории Казахстана, временно оккупированной колчаковцами²⁹. Если ранее обращались главным образом к истории Кустанайского восстания 1919 г., то теперь оказалось возможным восстановить и историю Марииновского, Шемонаихинского и других массовых крестьянских волнений, подробно рассказать о боевом пути многих крупных партизанских соединений — Красные горные орлы Тарбагатай, Горные орлы Алтая, о героической Черкасской обороне, а также о казахстанском антиколчаковском подполье. Вошла в науку новая тема участия интернационалистов (венгров, немцев, чехов и других) в гражданской войне в крае³⁰.

Велось изучение вопросов хлебной монополии и продовольственной разверстки в Казахстане в годы гражданской войны, организации и работы чрезвычайных органов власти — революционных комитетов (ревкомов), создававшихся на территории, освобожденной

Красной Армией от врага, перехода от ревкомов к Советам. В ходе дискуссии были вскрыты ограниченность и специфика продрозверстки в казахском ауле в 1919—1920 гг., доказано, что кочевой аул фактически не знал периода комбедов³¹.

Впервые совместно историки братских республик создали сводный труд по истории победы Советской власти в Казахстане и Средней Азии³². В нем показаны общие и особенные черты социалистической революции в рамках всей Средней Азии, и не только южных районов Казахстана (входивших тогда в Туркестанскую республику), но и северных, имевших немало отличного в социально-экономической обстановке и расстановке классовых сил.

Несомненно положительные итоги достигнуты в исследовании коренной проблемы истории Советского Казахстана — проблемы перехода казахского народа к социализму, минуя капитализм. За относительно короткий срок ученые — С. Баишев, М. Джунусов, Д. Кшибеков, М. Сужиков, С. Зиманов, А. Турсунбаев и другие (историки, философы, экономисты, правоведы) создали несколько крупных работ. В содружестве с учеными Москвы и среднеазиатских республик была подготовлена и издана коллективная монография об опыте социалистического развития народов Советского Востока³³.

Общепринятое ранее теоретическое положение о переходе казахского народа от докапиталистических отношений к социалистическим стало постепенно наполняться конкретно-историческим содержанием. Главное в вышедших трудах — это характеристика основных закономерностей переходного к социализму периода, уяснение того, как они (социалистическая индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, культурная революция) проявлялись в своеобразных условиях Казахстана, каковы были посредствующие звенья, приемы, средства, методы деятельности партии и Советского государства, приобщившие казахский народ к советскому социалистическому строительству.

Наука отвергла мнение о том, что учение о возможности перехода к социализму, минуя капитализм, имеет своей исходной точкой середину 1920 г., т. е. время известного выступления Ленина на II конгрессе Ко-

минтерна, а также, что такого рода переход начался лишь после окончания гражданской войны.

Доказано, что еще до революции, обобщив практику аграрного и национально-освободительного движения на земном шаре, в особенности в многонациональной России, Ленин, продолжая идеи Маркса и Энгельса, создавал теорию «сокращенного» пути к социализму, минуя капитализм. Опыт Великого Октября подтвердил ее, а первые декреты молодого Советского государства означали и первые шаги отсталых народов, в том числе и казахского, к новому общественному строю. В этих достоверных выводах, сделанных советской наукой, есть и вклад казахстанской историографии.

Признав, что основной политической посылкой социалистического развития всех отсталых в прошлом народов колоний России явился Великий Октябрь, историческая наука на примере казахского народа показала, что отсталость — отнюдь не непреодолимое препятствие в строительстве нового справедливого общественного строя.

Было пересмотрено ранее укоренившееся в литературе представление о социально-экономической и культурной отсталости казахского народа. Отвергнуто мнение о казахах, как о «чистых» кочевниках (почти половина из них перед революцией занималась скотоводством в сочетании с земледелием или земледелием), произведены подсчеты (еще не окончательные) о численности пролетариата в дореволюционном Казахстане, более объективно раскрыты результаты (как положительные, так и отрицательные) колонизации края, процесс приобщения казахских шаруа к революционной борьбе русских рабочих и крестьян, тружеников всей многонациональной страны. И хотя перечисленные вопросы, на первый взгляд, относятся лишь к истории дореволюционного Казахстана, в действительности же они не менее важны и для понимания истории послеоктябрьской эпохи.

Постановка названных вопросов несколько не умаляет величайшего значения диктатуры пролетариата и национальной политики партии в исторических судьбах казахского народа, а позволяет научно объяснить, почему казахский народ при существовавшей тогда разнице в уровнях общественно-экономического развития

со многими другими народами России свободно решил альтернативу за или против социализма в пользу социализма и активно с оружием в руках отстаивал власть Советов.

Существенный вклад внесен в разработку вопроса о творческой роли казахской советской государственности в переходе казахского народа к социализму, минуя капитализм, ее месте в системе советской государственности Союза ССР в целом.

Безнадежно устаревшим выглядит ранее сравнительно распространенное понятие классовой борьбы, включавшее только прямые столкновения рабочих и крестьян-тружеников с капиталистами, кулаками, баями. Ныне не вызывает сомнений, что вся на редкость сложная социальная, политическая и культурная жизнь Казахстана, как и всей Советской страны, была пронизана различнейшими формами классовой борьбы, что целеустремленная и энергичная борьба Коммунистической партии и Советского государства за душу и разум казаха-труженика, за союз рабочих и крестьян, за победу социализма была в сущности тоже классовой борьбой.

Сделаны попытки оценить экономические уклады в ауле, охарактеризовать пути перерастания уклада патриархального или патриархально-феодального в мелкотоварный. И хотя в этом направлении предстоит еще большая исследовательская работа, однако уже можно утверждать, во-первых, что переход от докапиталистических форм к социалистическим в сельском хозяйстве был не единовременным актом, скачком, а естественным процессом, умело направлявшимся Коммунистической партией на рельсах нэпа с рядом посредствующих звеньев; во-вторых, что аул в переходный период являл собой сложнейший переплет разных экономических укладов, различных способов эксплуатации, включая и капиталистические, но при преобладании докапиталистических; в-третьих, что минование капиталистической формации казахским народом означало в сущности минование стадии промышленного капитализма, элементы же докапиталистической структуры патриархально-феодальных отношений исчезли не сразу, а существовали в ауле вплоть до победы колхозного строя.

Общеизвестно, что в исторической литературе в прошлом иногда пути становления дружбы народов, в данном случае казахского с русским и другими народами нашей Родины, изображались облегченно, и создавалось впечатление, что эта дружба полностью сложилась еще задолго до революции.

Ныне такое упрощение действительной истории преодолено. В значительной мере обобщены каналы, по которым партия и советское государство в борьбе с буржуазной и патриархально-феодальной, великодержавнической и националистической идеологией направляли сложнейший процесс утверждения социалистической идеологии, новых, равноправных, братских отношений народов. Определено значение бескорыстной помощи русского и других народов СССР казахскому народу в ликвидации его фактического неравенства, в выравнивании уровня социально-экономического и культурного развития казахского народа с другими народами Советской страны.

Особое место в трудах историков, философов и экономистов занял вопрос о формировании казахской социалистической нации, основных этапах ее развития в послеоктябрьскую эпоху³⁴. Наряду с характеристикой истории возникновения и развития новой этнической общности, основных черт ее социально-политического облика ученые попытались выяснить пути сложения некоторых сторон ее психического склада, явившихся результатом революционных социально-экономических, политических и культурных преобразований, итогом победы социализма, рождения новых явлений в ее жизни и быте, новых традиций и обычаев. Важное место в исследованиях занял вопрос о значении социально-экономических факторов в процессе национальной консолидации казахского народа при переходе к социализму, минуя капитализм.

Определенные итоги дало изучение истории переустройства общественных отношений в казахском ауле в 20-х гг., осуществления в нем новой экономической политики. Сделаны попытки на конкретно-историческом материале раскрыть содержание определения «патриархально-феодальные отношения», показать роль в них родового начала, специфику социальной структуры кочевого и полукочевого аула в сопоставле-

нии с оседлым аулом и казахстанской переселенческой деревней³⁵.

Установлено, что в канун перехода к нэпу в казахском ауле (по историческим и экономическим причинам) в отличие от русской деревни (включая и переселенческую) центральной фигурой являлся кедей, а не орта шаруа, удельный же вес и влияние байства (осложненные и усиленные патриархально-феодальными путями, родовым бытом) были выше, чем удельный вес и влияние кулачества в деревне.

Рассмотрен вопрос о том, как происходил процесс осереднячивания аула, завершившийся в основном только в 1928—1929 гг., какую роль в нем сыграли аграрные преобразования 20-х гг., налоговая и кредитная политика Советского государства, последовательно проводимый партией курс на вытеснение и ограничение кулака и бая, патриархально-феодальных и ростовщических форм, на кооперирование казахского крестьянства.

Исследование социально-экономических отношений казахского аула в период, предшествовавший массовой коллективизации, стало вестись с учетом неравномерности хозяйственного развития различных районов громадной территории Казахской республики — кочевых, полукочевых, оседлых. Введены в науку положения о преобладании в казахском ауле в начале переходного периода патриархального или патриархально-феодального уклада, постепенном возрастании роли мелкотоварного уклада и прогрессивном значении этой тенденции, облегчавшей приобщение казахского крестьянства к кооперации и более интенсивным формам хозяйства.

Конкретно рассмотрены история и специфика национализации земли (при почти полном отсутствии помещичьих латифундий, но наличии феодальной собственности на землю в ее государственной форме), ликвидация колониального наследия в земельном и земельно-водном вопросах, уничтожение привилегий кулачества и казачества (до революции на территории края было четыре казачьих войска: Сибирское, Уральское, Оренбургское и Семиреченское), уравнивание в правах на землю и воду казахского и русско-украинского переселенческого крестьянства (земельные реформы

1921—1922 гг.), перераспределение земли (пахотных и сенокосных угодий), скота, инвентаря и конфискация имущества крупных баев-полуфеодалов в 1926—1928 гг., т. е. ликвидация в основном остатков феодализма и патриархальщины в общественных отношениях у казахов, обусловленность их отсрочки во времени в сравнении с «черным переделом» в русской деревне, а также динамика развития государственной помощи казахским кочевым и полукочевым хозяйствам в оседании.

Много потрудились ученые (А. Б. Турсунбаев и другие) над историей социалистического преобразования сельского хозяйства Казахстана³⁶. Монографически исследованы история победы колхозного строя, сплошной коллективизации и массового планового оседания казахского кочевого и полукочевого крестьянства в 30-е гг.

Используя оправдавший себя зональный метод (учет особенностей хозяйства, расселения, быта и социальной структуры населения разных районов), исследователи выяснили обстановку, условия, темпы и отдельные отличительные черты процесса утверждения колхозного строя в основных областях Казахстана, разность степени подготовленности к сплошной коллективизации, например, оседло-земледельческого Севера от кочевого Центрального Казахстана.

Установлены основные социально-экономические итоги победы колхозного строя, возникновения и практической деятельности МТС и МСС (машинно-сенокосные станции), многие стороны совхозного строительства. Немало нового дало изучение вопросов укрепления сельского хозяйства Казахстана кадрами (двадцатипятидесятники) в период массовой коллективизации, истории шефства рабочих промышленных предприятий и новостроек над колхозами.

Подробно рассмотрены в трудах историков и экономистов основные формы кооперативно-колхозного движения в казахском ауле в период, предшествовавший массовой коллективизации и во время нее, их специфика. Охарактеризованы, например, значение такой своеобразной формы приобщения казахского кочевого крестьянства к кооперации как фактория, место потребительской кооперации, особенности скотоводческих

кооперативов, сочетавших, как показывает анализ их уставов, производственные, сбыто-снабженческие и культурно-просветительные функции. Раскрыта ведущая роль ТОЗов и малсерктиков (животноводческие кооперативы) в утверждении социалистических отношений в ауле.

Появились книги и статьи, показывающие коренные изменения в благосостоянии тружеников аула и деревни, их культурном уровне, рост механизации труда в сельском хозяйстве.

Продолжалось изучение промышленного развития Советского Казахстана (Г. Чуланов, П. М. Алампиев, Т. Шаукенбаев, Н. Даулбаев и другие), в особенности основных отраслей промышленности (угольной, нефтяной, цветной металлургии), истории создания крупнейших промышленных узлов — Карагандинского угольного бассейна, Эмбенских нефтепромыслов³⁷. В значительной мере устранена существовавшая ранее путаница в цифровом материале о темпах и масштабах индустриального развития Казахстана, подчеркнут факт теснейшей органической связи промышленности республики с промышленностью Советской страны в целом, а также место Казахской ССР в общесоюзном разделении труда.

На новый уровень поднялось исследование истории советского рабочего класса в Казахстане. Издана монография (А. Нусупбеков) по истории формирования кадров советского рабочего класса, прежде всего национальных, в период октябрь 1917 г.—1940 гг. Установлены динамика численности рабочих, главные источники их пополнения, основные формы вовлечения казахов-кочевников и полукочевников в промышленное производство и их закрепления в кадрах постоянных рабочих, показано, как изменялась структура рабочих кадров по отраслям промышленности, квалификации, национальному составу, полу и возрасту³⁸.

Конкретнее, чем ранее, изучались история зарождения и развития социалистического соревнования и движения инициаторов производства, изобретателей и рационализаторов в нефтяной промышленности и цветной металлургии Казахской ССР, вопросы подготовки квалифицированных рабочих, возникновения движения за коммунистический труд.

Созданы работы по истории отдельных крупных промышленных предприятий — Дзержинского, Балхашского медеплавильного комбината, Казахской Магнитки — Карагандинского металлургического завода, Соколовско-Сарбайского горнообогатительного комбината и других, а также возникших на их базе новых социалистических городов³⁹.

Крупный вклад в исследование истории экономического развития Казахской ССР внесли сводные труды экономистов, подробнейшим образом рассказавшие о темпах, структуре и динамике роста всех отраслей промышленности, транспорта и связи, резком увеличении производства зерна, технических культур, продуктов животноводства⁴⁰.

Отнюдь не была забыта тема истории советского строительства, развития казахской советской государственности. Особо заслуживают быть отмеченными подготовленные правоведами труды по истории государства и права Советского Казахстана под редакцией С. З. Зиманова и других⁴¹. Их отличает серьезный анализ суммы государственно-правовых актов, всех видов правовых норм (гражданских, уголовных, земельных, семейно-брачных и т. д. во взаимосвязи), их изменений в результате коренных преобразований социально-экономической и культурной жизни народа, разбор некоторых особенностей государственного и правового строительства в Казахской АССР (1920—1936 гг.) и Казахской ССР (после 1936 г.), вытекавших из исторического прошлого края — типа хозяйства, социальной структуры, живучести остатков и пережитков феодализма и родового быта.

Изучались также история избирательных кампаний в Советы в 20-е гг., такие специфические формы вовлечения казахских трудящихся в советское строительство, как красные караваны и красные юрты, история ликвидации фактического неравенства женщин-казахшек⁴².

Большой интерес представляют исследования по истории развития земельных правоотношений в Казахстане в советскую эпоху (А. Еренов и другие), а также государственно-правовых отношений РСФСР и Казахской АССР, форм и методов практической деятельности Советов Казахстана на современном этапе⁴³.

Показана историческая необходимость и значение создания Советской автономии Казахстана, обусловленность вхождения КАССР в состав РСФСР в переходный к социализму период.

Определены в главных чертах основные этапы развития казахской советской государственности вплоть до преобразования в союзную республику. В общей форме их можно очертить так: октябрь 1917 г. — октябрь 1920 г. — подготовка и образование казахской советской автономии; октябрь 1920 г. — конец 1924 г. — весна 1925 г. — упрочение казахской советской автономии, первые успехи советизации казахского аула и воссоединение казахских земель в едином советском национальном государстве; весна 1925 г. — конец 1936 г. — решение задачи советизации казахского аула, построение социалистической экономики, победа новых общественных отношений, подготовка и преобразование КАССР в союзную республику.

Обстоятельно раскрыты в литературе причины, объясняющие, почему казахский народ принял решение о союзе с Советской Россией и навсегда связал с ней свою судьбу, а не избрал буржуазную, алашскую автономию, сулившую ему в конечном счете колониальное или полуколониальное подчинение империалистическим хищникам. Выяснены эволюция функций казахского советского государства, его суверенных прав и компетенции.

Отвергнута бытовавшая в отдельных книгах схема, согласно которой до середины 20-х гг. казахская советская государственность решала задачи исключительно национального плана и не занималась социальными проблемами. Много сделано (хотя далеко не до конца) в исследовании истории строительства советского государственного аппарата, его коренизации, подготовке национальных кадров.

Показаны в движении расширение хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной функций советской национальной государственности, история конституирования республиканских и местных государственных органов, органов управления, административно-территориального устройства республики.

Особое внимание уделялось проблеме государственно-правовых основ и форм помощи и взаимопомощи ка-

захского народа с русским и другими братскими народами нашей Родины в организации ускоренного перехода казахского народа к социализму, ликвидации его фактического неравенства и выравнивании уровней социально-экономического и культурного развития, формировании национальных кадров советского рабочего класса и интеллигенции.

Весьма существенно, что в большинстве исследований верно подчеркнуты демократические основы национальной советской государственности казахского народа, ее коренная противоположность государственности буржуазной, факт приобщения масс трудящихся к управлению своим государством.

Сделаны серьезные попытки охарактеризовать формы творчества казахского советского государства в период Отечественной войны (1941—1945 гг.), обусловленные обстановкой, теоретически осмыслить новые явления в социальной основе и функциях национальной советской государственности на материалах не только Казахской ССР, но и республик Средней Азии на современном этапе.

Намного шире и глубже по сравнению с первыми послевоенными годами исследуется история культурной революции⁴⁴. Исследователям (А. Сембаев, А. Канапин, Р. Сулейменов, Х. Хабиев и другие) удалось на типичных фактах показать объективные трудности становления казахской социалистической культуры, историю ликвидации страшного наследия колониаторской политики царизма — почти поголовную неграмотность трудящихся, создания и развития казахской советской средней школы, превращения однодвухклассной школы в среднюю школу, специфику работы передвижных школ и школ-коммун, подготовку педагогических кадров, раскрыть многие своеобразные черты политической и культурно-просветительной работы в 20—30-е гг., связанные с кочевым образом жизни значительной части казахского населения (например, деятельность красных юрт).

Рассмотрено в литературе, хотя явно недостаточно, рождение в республике высшей и средней специальной школы, а также системы профтехобразования. Издан документальный сборник по истории культурного строительства в Советском Казахстане.

Много внимания уделялось изучению процесса возрождения и совершенствования казахского языка, громадного расширения его общественных функций.

Творческое применение ленинского положения о необходимости критического и в то же время бережного усвоения и использования культурного наследия прошлого дало возможность не только объективного понимания истории казахской культуры, но и содействовало росту национального самосознания народа, позволило во многом восстановить его вклад в мировую цивилизацию, установить преемственную линию в истории его культуры, способствовало расцвету социалистической по содержанию, национальной по форме культуры казахской социалистической нации, воспитанию масс в духе интернационализма. Все большее место занимает в науке тема сближения и взаимообогащения национальных культур. И не случайно, ибо Казахская республика, которую населяют свыше ста национальностей, в таком плане особенно показательна.

Появились работы по истории основных направлений науки в Казахстане в советское время⁴⁵. Все большее внимание ученых привлекают вопросы формирования казахской советской интеллигенции, становление периодической печати и книгоиздательского дела. Ни один исследователь проблем культурного строительства не пройдет мимо обобщающих трудов по истории казахской советской литературы, искусства и монографий об отдельных видных деятелях казахской социалистической культуры — С. Сейфуллине, Б. Майлине, И. Джансугурове, К. Сатпаеве, М. Ауэзове, С. Муканове, Г. Мусрепове, А. Жубанове и других⁴⁶.

Сделана серьезная попытка в свете ленинского учения о культурной революции обобщить опыт культурного прогресса казахского народа за 50 лет Советской власти⁴⁷.

Для большинства исследований и популярных брошюр по вопросам истории культурного строительства характерна одна важная черта — в них верно подчеркивается интернационалистический дух социалистической культуры казахского народа, ее постоянное, все возрастающее взаимодействие с культурами братских народов СССР, в первую очередь — русской социалистической нации, и взаимообогащение этих культур.

В первые послевоенные годы история республики в пору тяжких испытаний Великой Отечественной войны изучалась мало и поверхностно. Серьезные успехи в исследовании этой актуальной темы достигнуты не так давно, после известных директив партии об изучении истории Отечественной войны. Ученые (А. Нусупбеков, Г. Абишев, А. И. Кузнецов, С. Н. Покровский и другие) обратились к богатейшим, ранее мало доступным фондам архивохранилищ Министерства обороны СССР. Впервые стали вводиться в обиход интереснейшие сведения о боевом пути сформированных в Казахстане воинских соединений, например, 8-й гвардейской им. И. В. Панфилова дивизии, 30-й, 73-й гвардейских дивизий и других. Интенсивно накапливался новый документальный материал и воспоминания о боевых подвигах казахстанцев — Героев Советского Союза, об участии казахстанцев в партизанском движении в тылу врага (Украина, Белоруссия) и в движении сопротивления за рубежом. Во многом восстановлена история перестройки промышленности, сельского хозяйства, транспорта Казахстана на военный лад, охарактеризована творческая активность рабочих, крестьян и интеллигенции в годы войны, показан весомый вклад Казахской ССР в разгром немецко-фашистских захватчиков⁴⁸.

Изданы два тома документального сборника «Казахстан в Великой Отечественной войне Советского Союза» (Алма-Ата, 1964, 1966). Десятки научных и популярных статей и воспоминания, рассказывающие о подвигах участников Отечественной войны, боевых эпизодах, опубликованы в связи с 20-летием победы над гитлеровской Германией. В 1968 г. вышли в свет «Очерки истории Казахстана в период Великой Отечественной войны Советского Союза» и двухтомник «Герои Советского Союза — казахстанцы».

Большой интерес у историков вызвала тема развития сельского хозяйства в послевоенные годы, в особенности вопросы истории освоения целинных земель⁴⁹. Это вполне естественно. Грандиозные масштабы покорения целины (в Казахской ССР освоено более 25 млн га, что превышает посевные площади зерновых таких капиталистических стран, как Западная Германия, Италия, Австрия, Бельгия, Дания, Голландия), ги-

гантская организаторская и политическая работа Коммунистической партии, величие трудового подвига советского народа не могли не вдохновить ученых на создание трудов по истории освоения веками нетронутых земель.

Идя по свежим следам событий, историки нередко в содружестве с партийными работниками, практиками сельскохозяйственного производства подготавливали и издавали сборники документов, статей и брошюры. Сотни статей появились на страницах периодической печати.

В исследовании истории освоения целины, пожалуй, как в никакой другой, проявилась теснейшая взаимозависимость всех общественных наук, их стыки с многими естественными науками. В сущности не было такой области знания, которая не внесла бы свой вклад в освоение целины, а тем самым и в ее историю.

Совсем не исключением стали статьи, написанные совместно историками и экономистами, историками и агрономами, еще большее распространение получили коллективные работы историков и партийно-советских работников, директоров совхозов или председателей колхозов и новаторов производства. Тема освоения целины в Казахстане явилась объектом изучения многих историков советского крестьянства и сельского хозяйства, работающих в Москве, Ленинграде и других городах, предметом обсуждений на всесоюзных научных сессиях.

Можно считать в значительной мере исследованными процесс укрепления в 50-е годы материально-технической базы МТС, вопросы всенародной помощи Казахской республике в освоении целины, места и роли совхозов в резком увеличении производства зерна, хотя на освещении названных вопросов в недалеком прошлом явно сказывался субъективизм.

Историки и экономисты продолжают изучение процессов совершенствования колхозной формы собственности. Много сделано для изучения методов политической и культурно-просветительной работы в целинных районах, уяснения того, как конкретно-исторически происходило в то время укрепление сельского хозяйства республики кадрами, как перестраивалась деятель-

ность Советов и сельскохозяйственных органов, какой экономический и социальный эффект дало освоение целины. Есть интересные работы о трудовых подвигах покорителей целины, прежде всего комсомольцев и молодежи, зарождении и развитии на целине движения за коммунистический труд.

На материалах обследований последних лет построена коллективная работа этнографов и историков «Культура и быт казахского колхозного аула» (Алма-Ата, 1967). В ней на примере группы колхозов Талды-Курганской области рассмотрены в сопоставлении организация материального производства, жилище, одежда, пища, семейно-брачные отношения и другие важнейшие показатели социально-культурной жизни казахов-колхозников за период после массовой коллективизации сельского хозяйства и перехода к оседлости.

Особый интерес представляют приведенные в книге материалы о сближении и взаимообогащении материальной культуры казахов с культурами братских народов СССР, о все большем проникновении в культуру и быт казахов-тружеников интернациональных черт.

Изданием комплекса новых документов по истории индустриального развития и коллективизации сельского хозяйства⁵⁰ в основном завершена (с небольшими пробелами) публикация тематических документальных сборников по истории Казахстана от октября 1917 г. по период Великой Отечественной войны Советского Союза включительно, частично опубликованы источники по истории социалистического сельского хозяйства в 50-е — начале 60-х гг.

Поворот к исследованию истории советской эпохи не означал, однако, сокращения масштабов работы в области истории дореволюционного прошлого. Напротив, изучение некоторых вопросов казахстанской древности и средневековья, конца XIX — начала XX века значительно расширилось.

Продолжалась коллективными усилиями историков, языковедов, этнографов разработка проблемы происхождения казахской народности⁵¹. Исследования в основном подтвердили высказанную ранее точку зрения о том, что начавшийся в глубокой древности процесс сложения народности завершился в XV ве-

ке. Высказывается вместе с тем предположение, что казахская народность существовала уже в XIV в., а может быть, и раньше, что, например, Ак-орда по своему этническому составу была преимущественно казахской, но самоназвание народа определилось и вошло в источники позднее.

Выявлены новые данные о начальном этапе этногенеза, об отдельных этнических компонентах (усуни, канглы, кипчаки и другие), участвовавших в образовании народности, о возникновении трех казахских жузов (Улу жуз, Орта жуз, Киши жуз) — экономически относительно обособленных районов, населенных определенными родоплеменными группами.

Материал по истории языка и его диалектов, этнонимам, обобщенный лингвистами, во многом конкретизировал представления о путях сложения казахской народности. Данные самого различного типа языковых памятников древности и средневековья (надписи на стеллах, отдельные письменные источники, фольклор, родословные — шежре) поставили под сомнение обоснованность общепринятого взгляда о монголоязычности найманов, керейтов, конгратов и позволили выдвинуть гипотезу об их тюркоязычности. К исследованию проблемы происхождения казахской народности стали привлекаться материалы антропологии и топонимики.

Используя выявленные в последние годы письменные источники, обнаруженные и описанные археологами памятники материальной культуры древних насельников территории Казахстана, ученые подняли на более высокий уровень изучение истории племенных союзов и раннефеодальных государственных образований. Частично выяснен этнический состав племен Казахстанского Алтая, политическая история этого региона в дотюркское (аримаспы, исседоны, аргипшеи, серы, юеди и др.) и тюркское время. Доказано, что наиболее ранние сведения о кипчаках и кара-канглы относятся не к XI—XII вв., как считалось общепринятым, а к VII в. Уточнены и в ряде случаев пересмотрены определения терминов родства применительно к тюркам, введенные еще Н. Я. Бичуриным (Иакинфом).

Расширилась работа по переводу и комментированию восточных источников по истории хозяйства, социально-экономических отношений и внешних связей ка-

захских ханств в XV—XVIII вв. Переводы из «Михман-наме-йи Бухара» Рузбихана, «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» анонимного автора, «Шейбани-наме» Бинаи, «Фатх-наме» Шади, «Тарих-и Рашиди» Мухаммед Хайдара, «Бахр-ал-Асрар» Махмуда бен Вали, «Зубдат ал-Асар» Абдаллаха бен Мухаммеда, «Тазкире-и Мухаммед Шариф», «Тарих-и Кашгар», «Гаоцзун гунь Хуэнди шилу» и других сочинений проливают свет на многие вопросы казахстанской медиевистики — возникновение первых казахских политических объединений, формирование этнической территории, миграционные процессы в древности, историю торговых связей казахов с соседними народами, внутренних феодальных усобиц и т. д.

Анализ совокупности документов позволил еще раз подтвердить правильность положения об ограниченности сферы применения труда рабов (кулов) в казахском обществе XVI—XVIII вв., о том, что рабство носило здесь лишь патриархальный, домашний характер и не имело ни в древности, ни тем более в средневековье тенденции к развитию. Подробно изучен процесс отмирания рабства и, наконец, его полной законодательной отмены⁵².

Изданы труды по истории уголовного права у казахов, памятники казахского обычного права. Обобщена история политического строя Казахстана в XVIII—XIX вв., определены изменения в основных политических институтах и формах правовой надстройки, описаны история ликвидации ханской власти и привилегий султанской верхушки, падение влияния суда биев, введение общероссийской колониальной системы управления, административно-территориальное и судебное устройство колониального края⁵³.

Введена в оборот масса новых достоверных источников по истории казахско-русских отношений XVIII—XIX вв.⁵⁴. Богатейшие фонды «киргиз-кайсацких дел», «калмыцких дел» Архива внешней политики России и Центрального архива древних актов впервые стали доступны не только специалистам, но и широкому кругу читателей. Эти документы (отчеты русских послов и путешественников о дипломатических миссиях и поездках в казахские степи, переписка казахских ханов, султанов, батыров и старшин с царским правительством

и его чиновниками, грамоты о принятии российского подданства, данные о развитии торговли, строительстве городов и укрепленных пунктов, тяжком положении трудящихся в результате набегов джунгарских феодалов, о хозяйстве и быте народа, внешнеполитическом положении казахских ханств, их отношениях со среднеазиатскими ханствами, об участии казахов в крестьянской войне под предводительством Е. Пугачева и др.) намного распирили представления о конкретной истории казахских земель в процессе вхождения их в состав России. Изучаются дипломатические связи казахских ханств с русским государством, история отдельных посольств, например, А. Тевкелева, Д. Гладышева, И. Муравина и др.

Монографическому исследованию (Е. Б. Бекмаханов, С. Е. Толыбеков, Н. Г. Аполлова и другие) подверглась история присоединения Казахстана к России, вопросы развития экономических, политических и культурных связей казахского народа с русским, сдвиги в экономике края после колониальных реформ 1867—1868 гг.⁵⁵.

Подчеркнем при этом, что новые исследования, преодолев некоторую односторонность в оценках статей и популярных брошюр прежних лет, отнюдь не умалчивают о национально-колониальном гнете, реакционном характере колонизаторской политики царизма, русских помещиков и капиталистов, показывают существование двух России — России Николая Палкина, Победоносцева, Столыпина, Пуришкевича и иже с ними и России — революционно-демократической, России самого революционного в мире рабочего класса, России Герцена и Чернышевского, России В. И. Ленина. Они, естественно, подводят к выводу, что борьба русского рабочего класса, руководимого партией большевиков, против царизма, против империализма являлась в то же время борьбой за социальное и национальное освобождение казахского народа, как и других угнетенных народов России, и, что именно в этой борьбе проявлялась общность исторических судеб казахского народа с русским и другими народами нашей страны.

Такой подход к проблеме дал обобщение — главный результат вхождения казахских земель в состав России — это приобщение казахского трудового народа к

революционной борьбе русского рабочего класса. Весь ход исторического развития России и ее национальных окраин, в том числе и Казахстана, неизбежно вел к низвержению господствовавшего, но изжившего себя общественного строя, к социалистической революции. Такова была закономерность.

Предметом специального исследования стала история возникновения промышленности в дореволюционном Казахстане, в первую очередь горной, и, что еще более важно, история формирования пролетариата и его национальных кадров⁵⁶. Изучались вопросы возникновения и расширения сферы влияния иностранного капитала в основных отраслях промышленности Казахстана, формы и методы хищнической эксплуатации рабочих и природных богатств края, характер размещения производительных сил, т. е. отрыв источников сырья от заводов и фабрик, соответствовавший колониальной природе российского империализма.

На основе документов, данных переписей и ежегодных губернаторских отчетов сделана попытка установить численность рабочих в дореволюционном Казахстане, в том числе железнодорожников. Удачны характеристики положения рабочих в колониальной окраине, условий их труда и быта, основных источников пополнения кадров рабочих, например, отходничества из аула и переселенческой деревни. На многих фактах ученые убедительно показали, что роль и влияние пролетариата в революционном движении края были несравненно выше его удельного веса в составе населения, что революционное рабочее движение здесь с самого начала носило интернациональный характер. Доказано также, что нарождавшаяся казахская буржуазия в сущности не была связана с промышленным производством.

Ведется, хотя еще сравнительно слабо, изучение истории городов Казахстана, как в дореволюционном прошлом, так и в советскую эпоху. Здесь заслуживают быть отмеченными статьи по истории основания и развития Верного (Алма-Аты), Уральска, Петропавловска, а также популярные книги и брошюры, посвященные, главным образом, юбилейным датам⁵⁷.

Положительные итоги дало изучение истории сельского хозяйства и аграрных отношений в Казахстане в

конце XIX — начале XX века⁵⁸. Ученые (Б. С. Сулейменов, В. Ф. Шахматов, П. Г. Галузо и другие) выяснили многие особенности генезиса капиталистических отношений и разложения патриархально-феодальной структуры казахского аула, расширили имевшиеся в науке представления об эволюции форм землепользования в казахской пастбищно-кочевой общине, развитии арендных отношений, истории оседания, изменениях в типах казахского хозяйства и их связях с рынком, социальной структуре аула, появлении и росте в нем новых социальных групп, например, батрачества.

Обобщающую социально-экономическую характеристику получила переселенческая деревня, велось также изучение аграрного вопроса в специфичных условиях узбекского и уйгурского кышлака юга Казахстана.

Обстоятельно рассмотрен вопрос о борьбе двух путей развития капитализма (октябристского и демократического) в сельском хозяйстве Казахстана в начале XX в. — в канун Великой Октябрьской социалистической революции. Отмечая некоторые особенности российского империализма, исследователи в то же время справедливо выделяют типичные для этой высшей и последней стадии капитализма общие черты.

Достаточно убедительно показано, что в начале XX века Казахстан, являясь колонией царской России, представлял единое с метрополией хозяйственное и политическое целое, а национально-освободительная, антиимпериалистическая, антикапиталистическая и антифеодальная борьба казахских рабочих и крестьян была составной частью революционного движения во всей стране и что она обострялась, нарастая из года в год, в связи с пролетарским движением в России.

В результате многих исследований, начавшихся еще в первые годы Советской власти было доказано, что имелись объективные возможности для слияния в единое русло социалистического движения пролетариата с национально-освободительным и аграрным движением казахских трудящихся. И партия большевиков реализовала эти возможности в Октябрьской социалистической революции.

Систематически изучалась (Б. С. Сулейменов, Е. Дильмухамедов и другие) история рабочего и аграр-

ного движения в период первой русской буржуазно-демократической революции⁵⁹. Плодом объединения усилий ученых Казахстана, республик Средней Азии и Москвы явился документальный сборник по истории народно-освободительного восстания 1916 года⁶⁰. Примечательно, что это крупнейшее народное движение во всей Средней Азии и Казахстане в канун революции стало предметом обобщающего монографического исследования (Х. Т. Турсунов)⁶¹. Это дало возможность показать общность предпосылок, характера и движущих сил восстания на громадной территории (отмечая частные различия отдельных районов), раскрыть значение восстания в повышении классового самосознания национального крестьянства, его место в назревавшем в России в годы первой мировой войны революционном кризисе и в то же время его стихийный характер и внутренние противоречия.

Вошедшие в науку положения о единстве революционного процесса, теснейшей связи революционной борьбы рабочих и крестьян Казахстана с революционным движением в России, развивавшимся под гегемонией рабочего класса, руководимого партией большевиков, таким образом, еще и еще раз подтвердились.

На гораздо более высокую ступень поднялось исследование жизни и творчества казахских ученых-просветителей — Ч. Ч. Валиханова и И. Алтынсарина — активных поборников дружбы казахского народа с русским и другими народами нашей страны. Важное значение в этом отношении имели указания ЦК КП Казахстана о критическом освоении культурного наследия казахского народа, пересмотре ошибочных оценок и определений, упрощавших историю культуры или нигилистически отрицавших ее достижения в прошлом.

Фронтальный поиск материалов о казахских просветителях в Москве, Ленинграде, Омске, Томске, Ташкенте, Казани и других городах позволил обнаружить десятки неизвестных автографов их статей, набросков, писем, отчетов, а также много ценнейших сведений о их жизни и творчестве, политических взглядах и окружении. Была выполнена трудоемкая текстологическая работа: расшифрованы авторские тексты, сопоставлены различные списки той или иной рукописи,

установлены разночтения, отобраны подлинники, исправлены искажения и ошибки, вкравшиеся в публикации дореволюционной эпохи нередко по вине цензуры. Одновременно составлялись комментарии, ибо без них чтение произведений просветителей затруднительно даже специалистам. Во второй половине 50-х гг. вышли из печати «Избранные произведения» И. Алтынсарина и Ч. Ч. Валиханова⁶². Но это был лишь первый шаг.

Вслед за тем под руководством А. Х. Маргулана стало готовиться собрание сочинений Ч. Ч. Валиханова⁶³. В изданные четыре тома вошли труды выдающегося представителя казахской демократической культуры по истории, экономике, политическому устройству, этнографии, языкознанию, литературе и искусству казахского народа, народов Средней Азии, в первую очередь киргизов, народов Восточного Туркестана.

Издание содержит также ценнейшие сведения о физической географии Центральной Азии.

Если вспомнить, что многие произведения Ч. Ч. Валиханова явились итогом его наблюдений во время длительных путешествий, причем отдельные районы Центральной Азии он посетил одним из первых (в ряде мест он был первым разносторонне образованным человеком, в совершенстве владеющим языком коренного населения), станет понятным не только значимость научного подвига Валиханова, но и ценность публикации его наследия для науки сегодня.

Значительная часть произведений, вошедших в собрание сочинений Ч. Ч. Валиханова, публикуется впервые. В них содержатся и другие интереснейшие документы — отзывы видных ученых-демократов, путешественников, писателей-современников о просветителе и казахском народе, его укладе жизни, истории, культуре.

Продолжается под руководством Б. С. Сулейменова работа над подготовкой к печати сочинений выдающегося казахского ученого-просветителя, основателя светской школы, страстного пропагандиста русской демократической культуры и просвещения в казахском народе, писателя и этнографа И. Алтынсарина.

Исследователи (А. Х. Маргулан, К. Бейсембиев, С. Зиманов, Т. Тажибаев, К. Бержанов и др.) занялись изучением биографии и мировоззрения казахских про-

светителей, их вклада в науку и культуру, их места в истории общественной мысли России и Казахстана⁶⁴.

Уже написаны биографические очерки казахских просветителей, доказано, что формирование их мировоззрения, взглядов на общественно-политическую жизнь своего времени и будущее родного народа, их творческая деятельность проходили под непосредственным влиянием русской революционно-демократической мысли, видных представителей русской культуры и науки. Так, например, установлены прямые связи (включая и переписку) Ч. Ч. Валиханова с Ф. М. Достоевским, А. И. Майковым, Я. П. Полонским, братьями В. и Н. Курочкиными, ссыльным петрашевцем С. Ф. Дуровым, а также его общение с П. П. Семеновым-Тянь-шанским, А. Н. Бекетовым, В. В. Вельяминовым-Зерновым и многими другими.

Всесторонне изучены экономические и политические воззрения Ч. Ч. Валиханова, его взгляды на исторический процесс и религию, его заслуги в исследовании истории, истории культуры и быта казахского, киргизского, уйгурского народов, его смелые для своего времени идеи коренных преобразований жизни и быта трудящихся масс. Немало поработали ученые и над изучением мировоззрения, художественного и научного наследства, педагогической деятельности И. Алтынсарина.

Сделаны серьезные попытки установить преемственность в развитии казахской демократической культуры XIX и начале XX века, выяснить историю идейно-политических течений в общественной мысли Казахстана в эпоху буржуазно-демократических революций, историю острой борьбы демократических и социалистических идей с реакционной феодально-байской и буржуазно-националистической идеологией, клерикальными, панисламистскими и пантюркистскими взглядами. Освещена в литературе и история периодической печати в дореволюционном Казахстане,особо демократического журнала «Айқап». Опубликованы дневники польского демократа А. Янушкевича, оказавшегося в прошлом веке в ссылке в Казахстане⁶⁵.

Весьма существенно улучшилась организация работы архивов. Значительно пополнились фонды партийных и государственных архивов Казахской респуб-

лики, укрепились их материальная база. Положительные результаты дало объединение республиканских госархивов в единый Центральный Государственный архив Казахской ССР (ЦГА). Окрепло и стало постоянным творческое содружество архивистов с исследователями в подготовке документальных изданий, ведется работа по каталогизации и описанию архивных фондов.

Шаг вперед сделан в области источниковедения истории Казахстана. Улучшился отбор, поднялся уровень критической оценки документов, комментирования и других основных показателей археографической работы.

Вот пример. Главным конституционным документом Учредительного съезда Советов КАССР (октябрь 1920 г.) была «Декларация прав трудящихся Казахской АССР». В «Бюллетене» съезда, изданном в 1920 г., как позднее было замечено, имелись искажения. Очевидно, националистические элементы опустили в тексте «Декларации» в разделе о земельном вопросе тезис об охране интересов переселенческой бедноты. Эти искажения заметил покойный Е. Федоров в 30-е гг. при подготовке протоколов к печати. Составители сборника «Образование Казахской АССР» сверили «Бюллетень» с подлинником, выправленным редакционной комиссией съезда, и опубликовали точный текст. Упомянутый раздел «Декларации» в окончательной редакции гласит: «Положить в основу земельной политики КАССР обеспечение интересов киргизской (казахской) и крестьянской бедноты, в особенности же тех групп киргизских (казахских) трудящихся, кои были ограблены царским правительством и российской буржуазией»⁶⁶.

Вспомним, что значил земельный вопрос для Казахстана того времени, вспомним, что более трети его населения составляли крестьяне-переселенцы и как трудно перестраивались аграрные отношения в ауле и деревне 20-х годов, и станет ясным, насколько значительны для восстановления правдивой истории всего лишь два слова: «и крестьянской бедноты».

На современном этапе, как уже говорилось, происходила и происходит дифференциация исторических знаний, углубление специализации исследователей.

Однако это не привело к полному разделению их функций, организационному обособлению. Напротив, в последние годы при всей специфике работы исследователей каждого из разделов исторической науки все яснее начали обозначаться их взаимосвязи. Историки стали участвовать в разработке, на первый взгляд, сугубо археологических тем и в археологических и этнографических экспедициях, а археологи и этнографы шире привлекать в своих монографиях исторические источники и литературу. Этнографические исследования, например, по родоплеменному составу и родорасселению используются при разработке проблемы происхождения казахского народа; историки же культурного строительства в Советском Казахстане участвуют в создании этнографических трудов, совместно изучают актуальную тему перехода казахов-кочевников и полукочевников к оседлости; этнографы обобщили материал по ряду элементов материальной культуры казахского средневековья, полезный для понимания социальной истории той эпохи и в то же время важный для археологов.

Еще нагляднее процесс сближения и взаимопроникновения отдельных исторических дисциплин отражается на изучении истории Советского Казахстана. Сбор воспоминаний ветеранов Октябрьской революции, участников социалистического и коммунистического строительства в Казахстане, Великой Отечественной войны очень удачно сочетается с археографической работой историков-архивистов. Взаимосвязи охватывают не только отрасли собственно исторической науки, но и неотвратимо сближают историю с политической экономией, философией, историей государства и права, литературоведением и языкознанием.

Имеющийся опыт, пока довольно ограниченный, но, бесспорно, перспективный показывает, что коллективные работы представителей различных общественных наук дают плодотворные научные результаты. Это наглядно видно на примере межотраслевого комплексного исследования актуальной проблемы перехода казахского народа к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

Вопросы истории СССР в целом, истории России в частности в казахстанской историографии не только ранее, но и в последние годы изучались мало. Их так

или иначе связывали с вопросами истории Казахстана. Исключение составляют книги С. А. Федюкина о привлечении буржуазных специалистов на сторону Советской власти в первые годы после победы социалистической революции и Ким Сын-Хва по истории советских корейцев ⁶⁷.

Также ограничены пока масштабы исследовательской работы по вопросам всеобщей истории и зарубежным странам Востока. Сказывались малочисленность кадров специалистов, отсутствие на месте источников. Но все же некоторые темы разрабатывались. Так, успешно изучались внешняя политика Англии в годы второй мировой войны, история Польши в 30-е гг., вопросы истории Корейской Народно-Демократической республики, истории I Интернационала, влияния Великой Октябрьской социалистической революции на национально-освободительное движение на Востоке, история движения солидарности стран Азии и Африки, историография античного мира, в частности Римской республики, генезис феодальных отношений во Франции, аграрный вопрос в Иране в конце XIX — начале XX в. ⁶⁸. Сам перечень вопросов свидетельствует, с одной стороны, о широте проблематики, с другой — о разобщенности и без того немногочисленной группы исследователей. Возможно, уже назрело время для объединения усилий ученых, работающих над вопросами всеобщей истории и востоковедения.

Казахстанскую историографию на современном этапе отличает все более крепнущее содружество научно-исторических учреждений и историков республики с головными центрами исторической науки в СССР и братских республик, с учеными Москвы и Ленинграда, Ташкента, Фрунзе, Душанбе, Ашхабада и других городов. Это содружество проявилось особенно ясно в совместных научных сессиях, например, сессии по истории Средней Азии и Казахстана в эпоху социализма (Алма-Ата, 1957); по истории присоединения Средней Азии и Казахстана к России (Ташкент, 1959), по проблеме некапиталистического развития народов Средней Азии и Казахстана (Душанбе, 1962); координационном совещании по проблеме развития национальных отношений в условиях перехода от социализма к коммунизму (Фрунзе, 1963), в межвузовской всесоюзной конфе-

ренции по истории освоения целинных и залежных земель (Алма-Ата, 1960), в сессиях по истории национально-государственного строительства в СССР (Душанбе, 1968), торжества ленинских идей пролетарского интернационализма и дружбы народов (Алма-Ата, 1968), историко-этнографическому Атласу Средней Азии и Казахстана (Ашхабад, 1967) и многих, многих других.

Нельзя не сказать также об активном участии историков Казахстана в подготовке всесоюзных научных изданий — двенадцатитомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», двухтомного этнографического труда «Народы Средней Азии и Казахстана», являющегося частью монументальной этнографической серии «Народы мира», в исторических и этнографических Атласах народов СССР, сборниках статей по истории строительства социалистической культуры в советских национальных республиках и коллективизации сельского хозяйства, в многотомных «Очерках истории исторической науки в СССР», в создании монографии «История национально-государственного строительства в СССР», в составлении межреспубликанских документальных сборников «Иностранная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане», сборников по индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, входящих во всесоюзную серию публикаций источников. Коллективными усилиями созданы обобщающие труды по истории коммунистических организаций в Средней Азии, истории установления и упрочения Советской власти в Средней Азии и Казахстане и многие другие.

Совместные научные сессии, участие во всесоюзных научных изданиях свидетельствуют о постепенно складывающемся целесообразном разделении труда историков-специалистов, зрелости национальных кадров историков. Объединение творческих усилий позволяет разрешать серьезные исторические проблемы, глубже и конкретнее выяснять соотношение общего и особенного в действии закономерностей исторического развития.

Изменились организационные формы связей ученых головных научных центров и историков Казахстана. Создание проблемных научных Советов по главным направлениям науки при Отделении истории Академии

наук СССР, археолого-этнографические ежегодники обусловили постоянные творческие контакты ученых, работающих над одними и теми же или смежными проблемами, обмен информацией, дискуссии и обсуждения, выявление узких мест и белых пятен дали вполне реальный позитивный эффект в координации работы в области истории.

Историки Казахстана начали принимать участие в работе международных форумов ученых, в частности XXV международного конгресса востоковедов (Москва, 1960), VII и VIII международных конгрессов этнографов и антропологов (Москва, 1964; Токио — Киото, 1968).

Теперь почти систематически в Москве и Ленинграде публикуют научные статьи местных историков по вопросам истории, археологии и этнографии, а также отклики (рецензии, обзоры) на вышедшие в республике книги. Регулярным стал обмен научно-исследовательской литературой со многими зарубежными странами.

В обзоре невозможно раскрыть по-существу вклад ученых центра, а тем более каждого ученого в казахстанскую историографию. В сущности это тема специальной работы, поэтому ограничимся лишь перечнем.

Видное место в казахстанской историографии занимают имена академиков А. М. Панкратовой, Н. М. Дружинина, Б. Д. Грекова, И. И. Минца, членов-корреспондентов АН СССР С. В. Бахрушина, С. П. Толстова, М. П. Кима; серьезный вклад в казахстанскую ветвь советского исторического знания внесли М. П. Вяткин, А. Л. Сидоров, А. В. Пясковский, С. В. Юшков, Н. В. Устюгов, А. П. Кучкин, И. С. Брагинский, С. И. Якубовская, Л. П. Потапов, Н. Н. Чебоксаров, Т. А. Жданко, С. М. Абрамзон, В. В. Гинзбург, Г. Ф. Дебед, А. Н. Бернштам, М. П. Грязнов, Б. Н. Граков, С. С. Черников и другие.

Развитие исторической науки в Казахстане отмечено не просто ростом интереса к современности. Изучение истории освоения целинных и залежных земель, профессионально-технического образования, социальной культуры, культурно-технического роста рабочего класса, движения за коммунистический труд, крупных новостроек (Казахстанская Магнитка, Соколовско-Сарбайский горнообогатительный комбинат

и др.), этнографические обследования быта колхозников предполагали и предполагают не только обобщение конкретного опыта истории, близкой сегодняшнему дню (что ранее почти не имело места), но и распространение передового опыта, а в некоторых случаях и практические рекомендации партийным и советским органам республики.

Историки стали выезжать в колхозы, совхозы, на промышленные предприятия и новостройки и там, в гуще жизни, не дожидаясь того, пока отложатся в специальных архивохранилищах документы, записывали беседы, проводили анкетные обследования, изучали текущие архивы и, таким образом, накапливали весьма ценный материал, часть которого могла бы бесследно исчезнуть для науки.

Входит в науку и практика созыва научных сессий историков совместно с передовиками производства — ударниками коммунистического труда. Такая сессия, например, прошла в 1962 г. в Институте истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук КазССР⁶⁹. И хотя все эти новые явления еще не стали массовыми, сам факт их появления знаменателен. Он свидетельствует о серьезной перестройке проблематики, методов исследования, несомненном прогрессе науки.

Увеличиваются масштабы подготовки квалифицированных научных кадров. Исследованием вопросов истории Казахстана занимаются два крупных института — Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР и Казахский филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — Институт истории партии при ЦК КП Казахстана, 18 кафедр истории (в том числе одна кафедра истории Казахской ССР), Архивное управление при Совете Министров КазССР и его органы на местах, Центральный государственный музей Казахской ССР, областные и мемориальные музеи.

Намного расширилась издательская деятельность. Об этом можно судить хотя бы по такому примеру: за 1945—1955 гг. Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова опубликовал около 240 п. л. научных трудов, а за 1956—1967 гг. — более 2500 п. л. Систематически стали выходить ученые за-

писки и тематические сборники высших учебных заведений (с 1956 г. вышло около 30 томов).

По-прежнему широко обращается к вопросам истории Казахстана — темам революционного рабочего движения в крае, освобождения народа от пут патриархально-феодалной идеологии, участия казахстанцев в Великой Отечественной войне и другим — казахская художественная литература. Укажем, например, на книги Г. Мусрепова «Солдат из Казахстана», Г. Мустафина «После бури», Б. Момыш-Улы «За нами Москва», Х. Есенжанова «Яик — светлая река» и другие. Характерно, что как и ранее, многие книги сочетают в себе художественное восприятие недалекого прошлого с наблюдениями и воспоминаниями их авторов, а нередко и с документальными материалами. Поэтому, в известной мере, они сами становятся историческим источником.

Особо важное место в развитии казахстанской историографии, как и всей советской исторической науки, заняло празднование 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

В газетах и журналах (включая научные) печатались сотни статей, воспоминаний, извлечений из документов, фотодокументов ученых, пропагандистов, краеведов, ветеранов революции и социалистического строительства. Проводились походы молодежи по местам боевой славы отцов, специальные передачи по радио и телевидению. Республиканское общество «Знание» организовало циклы «Октябрьских чтений» во всех областях республики, в ряде промышленных центров, совхозов и колхозов были открыты лектории.

В соответствии с назревшей необходимостью ученые подготовили новое издание «Истории Казахской ССР. Эпоха социализма» (Алма-Ата, 1967). Эта книга, освободившись от наслоений субъективизма в оценке и освещении отдельных событий недавнего прошлого (перестройка управления промышленностью и сельским хозяйством, вопросы партийного строительства и другие до октябрьского (1964) Пленума ЦК КПСС), дала полную и ясную картину расцвета экономики и культуры Советского Казахстана за все пятидесятилетие после Великого Октября, рассказала об опыте решения в нем национального вопроса на современном уровне

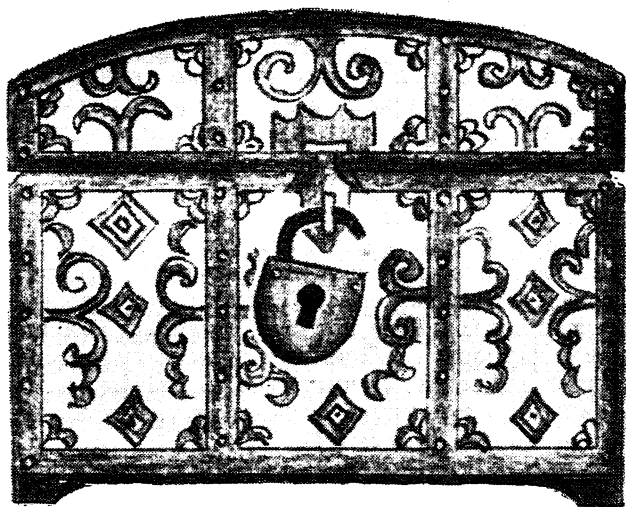
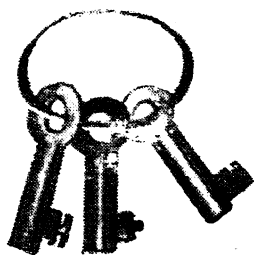
исторических знаний. Она дополнена новыми, ранее не известными науке фактами, в ней даны более точные сведения об установлении Советской власти в ряде городов и районов Казахстана, значительно расширены представления на основе обобщающих показателей о подъеме народного хозяйства и благосостояния трудящихся республики за последние годы.

Проведены в содружестве с гуманитарными учреждениями Академии наук Казахской ССР, Институтом истории партии при ЦК КП Казахстана, Архивным управлением при Совете Министров КазССР и вузами Казахской ССР научные сессии и конференции, посвященные 50-летию Октября. Ученые участвовали в нескольких международных и всесоюзных научных сессиях, в работе научно-проблемных Советов Академии наук СССР, обсуждавших вопросы истории Октября. Главное в работе сессий и конференций — обобщение опыта Октябрьской революции, социалистического и коммунистического строительства в СССР в целом, в Казахстане в частности, выяснение спорных и нерешенных актуальных проблем.

Историки также активно участвовали в пропаганде исторических знаний, традиций революционной борьбы, в открытии памятников героям революции, активным борцам за Советскую власть в Казахстане.

Казахстанская историография достойно встретила славный 50-летний юбилей Советского государства.

•

**ДИСКУССИИ И МАЛОИЗУЧЕННЫЕ
ПРОБЛЕМЫ**

Общеизвестно, что важнейшими и необходимыми условиями развития науки являются постоянный обмен мнениями, творческие дискуссии и споры. История человеческого общества, как область знания, не составляет исключения. Ее опыт неопровержимо свидетельствует, что там, где не было творческого обмена мнениями и где довлел догматизм, сдерживалось обогащение знаний, сужался или прекращался поиск. Разумеется, в советской исторической науке, в казахстанской историографии поиск и дискуссии могли содействовать движению вперед и увеличению объема знаний лишь на основе марксистско-ленинской теории, строгого соблюдения принципа партийности.

Какие же наиболее существенные дискуссии по вопросам истории Казахстана прошли в последнее время?

Большой интерес вызвала начавшаяся еще в 30-е гг. и продолженная в 40-х — начале 50-х гг. дискуссия о сути и специфике патриархально-феодальных отношений в условиях казахского кочевого скотоводческого хозяйства. Возникнув как дискуссия по проблеме казахстанской истории, она впоследствии вышла за рамки историографии собственно Казахстана и переросла в дискуссию о характере производственных отношений у кочевых народов вообще. В процессе дискуссии, проходившей в Москве, Ленинграде, Алма-Ате и Ташкенте, а также на страницах научных журналов определились две точки зрения¹.

Коротко и поэтому, возможно, несколько упрощенно суть спора такова. Одни исследователи считали, что в условиях кочевого скотоводства основным средством производства являлся скот, а не земля, использовавшаяся лишь как пастбище в качестве условия производства. Скот — это не только основное средство производства, но и главный продукт производства, предмет потребления и товар. Эксплуатацию производителей — крестьян (шаруа) феодалы-баи и вся остальная феодальная верхушка — ханы, султаны, батыры (мы используем только казахскую социальную терминологию) строили не на основе феодальной собственности на землю, а на основе феодальной собственности на скот. Рента, таким образом, была не реализацией собственности на землю, а собственности на скот.

Образование феодальной земельной собственности, по мнению сторонников такой точки зрения, в условиях кочевого скотоводческого хозяйства невозможно, ее исключает специфика пастбищно-кочевой системы, предполагающая содержание скота весь год на подножном корму и передвижение масс скота на большие расстояния. Земля находилась в общинной собственности, а частная собственность на землю (как в феодальной, так и в капиталистической формах) появилась в Казахстане только после перехода казахов-кочевников к оседлости и земледелию, т. е. после завершения вхождения казахских земель в состав России.

По мнению других исследователей, и в условиях казахского кочевого скотоводческого хозяйства земля являлась не только условием, но и средством производства. Они не отрицали значения скота как средства производства и главной формы богатства. При сохранении общинного пользования пастбищами (земля в кочевом хозяйстве использовалась прежде всего именно как пастбище) право феодальной собственности на землю выступало не в чистом виде, а в замаскированном патриархальными институтами и традициями праве феодалов распоряжаться кочевьями. В рамках сезонного кочевого круговорота (зимние, осенние, весенние и летние пастбища) феодал практически присваивал лучшие, богатые травостоем земли, пропорционально тому количеству скота, которым располагал как собственностью. А так как неравенство во владении скотом выступало очень четко, то, естественно, феодал-собственник многотысячного стада в сущности присваивал, т. е. фактически владел громадными земельными угодьями, прежде всего зимовками, а рядовой общинник — шаруа, имевший в среднем всего лишь несколько десятков голов, пользовался очень и очень ограниченным участком.

Сторонники такого взгляда подчеркивали, что следует отличать нормы казахского обычного права, не фиксировавшие факт монополии феодальной собственности, от действительного положения дел, от неравного отношения феодалов и рядовых общинников к земле — пастбищу. Тем более, что сохранение внешне общинного землепользования было на руку феодальной верхушке казахского общества, ибо оно скрывало от массы

шаруа реальное классовое содержание земельных отношений, создавало у них иллюзии равного отношения к земле, облегчало их эксплуатацию, прикрывавшуюся различными родовыми институтами, в сущности уже наполненными феодальным содержанием, например, такими, как саун, колик-майы и др. (дача в пользование бедноте за отработки молочного и продуктивного скота).

От статей или выступлений на сессиях дискуссия поднялась до уровня монографий². Если раньше споры (привлекавшие внимание многих ученых) носили довольно схематичный, иногда даже абстрактный характер, а взгляды далеко не всегда аргументировались источниками и не принимались во внимание эволюция хозяйства и общественных отношений, то ныне уже обобщен довольно обширный и мало или совсем не известный науке фактический материал и обе стороны признали движение основных экономических и социальных институтов казахского общества во времени и пространстве.

Независимо от различий во взглядах общепринятым стало мнение, что феодальные отношения в древности и средневековье на территории Казахстана по своей широте и глубине развивались далеко не одинаково, что в оседло-земледельческих районах, например в Семиречье, на Сыр-Дарье, они эволюционировали много интенсивнее, чем в районах с преобладанием кочевого скотоводства (Центральный Казахстан).

Гораздо шире, чем раньше, спорящие стороны стали привлекать сравнительно-исторический материал по хозяйству, быту и общественным отношениям других народов, которые, как и казахи, занимались кочевым скотоводством. В сущности уже снят спор об общественных отношениях и формах землепользования казахского аула XIX — начала XX веков. Ибо не вызывает сомнения наличие у казахов в это время различных форм земельной собственности, как и отсутствие в этот период так называемых абсолютно «чистых кочевников». Более четкое и объективное освещение получил вопрос о соотношении кочевничества и оседлости. Выяснены, хотя, очевидно, еще не полностью, изменения в казахском хозяйстве в XIX — начале XX века, постепенное сужение его натурального характера, раз-

витие товарно-денежных отношений в ауле, влияние этого фактора на формы и нормы эксплуатации.

Таким образом, обозначилось сближение разных точек зрения, но главный предмет дискуссии о феодальной собственности на землю, главном средстве производства в условиях кочевого скотоводческого хозяйства остался.

Одна из причин незавершенности спора состоит, на наш взгляд, в том, что накопленный и обобщенный в последние годы документальный материал относится главным образом к XIX — началу XX века, а XV—XVIII века, особенно XV—XVI, в области социально-экономической истории документированы куда слабее.

Несмотря на незавершенность дискуссии, она была плодотворной, дала полезный стимул для выяснения сути и специфики социальных отношений не только у казахов, но и кочевых народов вообще.

Серьезные споры вызвал в послевоенные годы и вопрос о советизации казахского аула. Начало им положила публикация статьи А. П. Кучкина «Советизация казахского аула» (1926—1929 гг.) в журнале «Вопросы истории» (1946, № 10). Исходный тезис статьи таков: «Фактически единственной властью в ауле был бай... Коммунистическая партия и центральные органы Советской власти в то время (т. е. 1925 г. — Г. Д.) не могли еще добраться до аула». Советизация аула началась только после V краевой партийной конференции Казахстана (декабрь 1925 г.) и в основном завершилась в 1929 г.

Это положение вызвало возражения историков Казахстана. В 1948 г. при Институте истории Академии наук СССР состоялось обсуждение статьи А. П. Кучкина при участии научных работников Москвы и Алматы. Большинство участников обсуждения не согласилось с взглядами А. П. Кучкина³. Они говорили, что его тезис по сути переключается с ошибочными, отвергнутыми наукой мнениями о том, что «аул не был тронут Октябрем», что «Октябрьский ураган пронесся мимо аула», и противоречит ленинским указаниям о крестьянских Советах, в частности, известному высказыванию в докладе по национальному и колониальному вопросам на II Конгрессе Коминтерна 26 июля 1920 года: «Наша работа показала нам, что в этих странах

(имеются в виду Туркестан и другие районы Советского Востока.— Г. Д.) приходится преодолевать колоссальные трудности, но *практические результаты нашей работы* (курсив мой.— Г. Д.), показали также, что несмотря на эти трудности, можно пробудить в массах стремление к самостоятельному политическому мышлению и к самостоятельной политической деятельности и там, где нет почти пролетариата... крестьяне, находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле»⁴.

Оппоненты А. П. Кучкина указывали также, что его точка зрения вольно или невольно зачеркивает всю положительную деятельность партийных и советских организаций Казахстана по строительству и укреплению местных аульных Советов, а также первые успехи в переустройстве общественных отношений аула и росте классового самосознания казахских трудящихся в 1917—1925 гг. Что, конечно, совсем не исключает факта засоренности многих и многих аульных Советов баями и их пособниками, слабости аульных Советов и т. д.

Тема советизации аула на современном этапе развития казахстанской историографии стала еще более актуальной⁵. Изучение вопросов строительства и укрепления Советов в ауле в связи с переустройством его общественных отношений и ликвидацией патриархально-феодального наследия в его экономике и социальной структуре, как стало особенно ясно ныне, чрезвычайно важно для глубокого понимания конкретных путей перехода казахского народа к социализму, минуя капитализм. Поскольку же советизация не ограничивалась одним казахским аулом, а охватывала всю национальную деревню Советского Востока, интерес к этой проблеме естествен не только в Казахстане.

В настоящее время, нам кажется, центр тяжести дискуссии несколько сместился. Спор в сущности идет не столько о том, чего было больше, положительного или отрицательного в деятельности аульных Советов в 20-е гг. Никто ныне не утверждает, что все аульные Советы сразу же после победы социалистической революции стали подлинными органами диктатуры пролетариата, не отрицает засоренности многих аульных и

волостных Советов классово чуждыми элементами, не ставит знака равенства между казахским аулом и русской деревней как в уровне социально-экономического, так и политического развития, не стремится преувеличить степень классовой сознательности казахского трудящегося крестьянства. Нет спора и о том, что лозунг советизации аула, именно как лозунг, был сформулирован и определен в качестве насущной задачи V краевой конференцией партийной организации Казахстана в декабре 1925 г.

Сегодня суть дискуссии, как показывает, с одной стороны, книга А. П. Кучкина «Советизация казахского аула» (М., 1962), а с другой — труды казахстанских историков сводятся к тому, что понимать под советизацией казахского аула в *широком смысле* этого слова (а отнюдь не лозунга V краевой партконференции) и с какого времени она по сути дела началась. Можно ли считать, что советизация аула, т. е. борьба за превращение аульных Советов в подлинные органы диктатуры пролетариата, очищение Советов от баев и их агентуры, за преодоление байского влияния на казахских трудящихся и укрепление влияния Коммунистической партии в ауле, началась с конца 1925 г. или, как полагают многие историки Казахстана, исходным его моментом следует признать победу Великой Октябрьской социалистической революции, установление Советской власти в крае.

Таким образом, расхождение не в подходе к понятиям, конкретным лозунгам, а в отношении к историческому значению Октябрьской революции в судьбах казахского народа, как и других ранее отставших в своем развитии народов Советского Востока.

Главный вопрос всякой революции, в особенности социалистической, это вопрос о власти. Революция свершилась в Казахстане, как и во всей стране, вслед за Петроградом, Москвой и другими политическими центрами России. В стране установилась и упрочилась Советская власть. Вскоре после победы социалистической революции, весной 1918 г., в первоначальном варианте статьи «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин после указания на трудности упрочения Советской власти в отдаленных от центра областях отмечал, что «подавляющее большинство народа даже

среди казачества сознательно, твердо и решительно перешло на сторону большевиков»⁶. Несомненно, что ленинское положение, даже с учетом отсталости аула, применимо и к нему. И здесь подавляющее большинство трудящихся поддержало большевиков, Советскую власть. Это подтвердили испытания гражданской войны.

Повсеместно в ауле стали возникать Советы. Конечно, во многие из них проникали баи и их ставленники. Одновременно началась борьба трудящихся, руководимых и направляемых партией, за изгнание классового врага из Советов, за укрепление и превращение их в подлинные органы диктатуры пролетариата. Эта задача не откладывалась на неопределенное время.

В декабре 1920 г., приветствуя образование и упрочение Бухарской, Азербайджанской и Армянской республик, Владимир Ильич подчеркивал, что «идеи и принципы Советской власти доступны и немедленно осуществимы не только в странах, в промышленном отношении развитых, не только с такой социальной опорой, как пролетариат, но и с такой основой, как крестьянство. Идея крестьянских Советов победила»⁷. Ленинскую мысль нельзя толковать иначе, как процесс советизации национальной деревни, и она вполне применима к казахскому аулу.

Вопрос о работе Советов как в ауле, так и в деревне, о их социальном составе и укреплении с установления Советской власти и вплоть до массовой коллективизации, а вернее, и в период коллективизации никогда не снимался с повестки дня. Жизнь шла вперед, усложнялась, практика социалистического строительства предъявляла к Советам все новые и новые, повышенные требования, усиливалась руководящая роль рабочего класса и его партии по отношению к крестьянству. Соответственно обстановке и условиям видоизменялись и выдвигались на первое место те или иные лозунги партии, но задача укрепления Советов, усиления в них влияния партии и пролетарского руководства с октября 1917 г. и на весь период 20-х гг. постоянно приковывала к себе пристальное внимание партии.

Проблема советизации аула в период восстановления народного хозяйства ставилась и решалась иными средствами и в иных масштабах, чем в последующий

период борьбы за социалистическую индустриализацию страны. Но нельзя противопоставлять задачи в области советского строительства в ауле до и после 1925 г., хотя тут существовали и определенные качественные различия.

Можно ли предположить, что до конца 1925 г. партия и Советское государство не ставили своей целью укрепление аульных и волостных Советов Казахстана и превращение их в подлинные органы диктатуры пролетариата? Другой вопрос, была ли эта цель достигнута до конца 1925 г.? Конечно, нет. Никто, насколько нам известно, не станет доказывать, что аул к этому времени был советизирован. Но нерешенность задачи не позволяет отрицать того, что она ставилась и в таком именно направлении велась работа. Даже в 1929 г. она была решена только в основном, и работа по дальнейшему укреплению местных органов Советской власти продолжалась и в период коллективизации сельского хозяйства.

Несомненно, обмен мнениями по вопросу о советизации казахского аула будет продолжен, и новые исследования дадут возможность правильно разрешить его. Однако хотелось, чтобы в будущем дискуссия шире вышла за рамки казахстанской историографии. Ведь во многом сходным было положение дел с джайлонными, айльными, кишлачными, джамагатскими, аульными Советами в Туркмении, Киргизии, Таджикистане, Узбекистане, а также в национальных районах Северного Кавказа.

Предметом серьезной научной дискуссии стал вопрос о характере социально-экономических преобразований в казахском ауле (земельно-водная реформа 1921—1922 гг., передел сенокосных и пахотных угодий и конфискация имущества крупных баев-полуфеодалов в 1926—1928 гг.)⁸. Он оживленно обсуждался на сессиях историков Казахстана и Средней Азии (при участии ученых Москвы и Ленинграда) в Алма-Ате в 1957 г., научного Совета по проблеме «История социалистического и коммунистического строительства в СССР» (Москва, 1961), в периодической печати.

Суть расхождений в следующем: одни исследователи считали, что при оценке характера социально-экономических преобразований в казахском ауле в 20-е гг.

надо исходить из критерия: где, кем, когда и с какой целью их проводили; другие же предлагали избрать критерием объективные результаты реформ. Отсюда, первые определяли аграрные преобразования 20-х гг. в ауле как социалистические меры, вторые — как революционно-демократические, переходные, подготавливающие условия для социалистического переустройства общественных отношений в ауле.

Представители одной точки зрения утверждали, что поскольку реформы 20-х гг. в ауле проводились в условиях диктатуры пролетариата под руководством Коммунистической партии и имели целью построение социализма, поскольку после них возникали колхозы и совхозы, то, следовательно, они являются по своему характеру, социальному содержанию социалистическими. Их оппоненты, не отрицая названных факторов, в то же время подчеркивали, что основной задачей реформ 20-х гг. была ликвидация патриархально-феодалного наследия в общественных отношениях казахского аула, что они не затрагивали байских и зажиточных хозяйств, ограниченных рамками новой экономической политики, и не имели ничего общего с раскулачиванием. Основным социальный итог уравнительного перераспределения земли, скота и частично инвентаря, по их мнению, это превращение десятков тысяч бедняцких казахских хозяйств, почти целиком зависимых от крупных баев и эксплуатируемых докапиталистическими методами, в хозяйства середняцкого типа, резкое увеличение удельного веса мелкотоварного уклада, который не мог не порождать капиталистических отношений, не мог прекратить процесса дифференциации и уничтожить эксплуатацию человека человеком в казахском ауле.

Аграрные преобразования 20-х гг. в ауле не привели к установлению социалистических производственных отношений, а создали предпосылки для победы колхозного строя. Следовательно, по своей классовой сущности они носили, главным образом, революционно-демократический характер. Это — одна из основных переходных ступеней в разрешении исторической задачи перехода казахского народа от докапиталистических отношений к социалистическим. Только массовая коллективизация сельского хозяйства окончательно

закрыла путь для роста капиталистических отношений в казахском ауле и привела к утверждению в нем социализма.

Вместе с тем отмечают сторонники последней точки зрения, оценка социально-экономических реформ 20-х гг. в казахском ауле, как революционно-демократических мер, не исчерпывающа. Диалектика общественного строя аула состояла в том, что патриархально-феодальные отношения в нем тесно переплетались с капиталистическими и поэтому удар по феодализму явился в то же время ударом по капитализму.

В ходе дискуссии наметилось сближение точек зрения. Стало общепризнанным, что социально-экономические реформы 20-х гг. явились исторически необходимыми и без них нельзя было приступать к массовой коллективизации, что их главное острие было направлено против феодализма, что они привели к радикальным сдвигам в социальной структуре и расстановке классовых сил в ауле, к быстрому росту середняцкого слоя и превращению его в основной, что они в известной мере содействовали расширению сферы действия (правда, очень ограниченной) социалистического уклада — укреплению старых колхозов и возникновению новых. Бесспорно, аграрные реформы в ауле могли быть столь быстро и решительно проведены только в условиях диктатуры пролетариата, только правящей Коммунистической партией и при самом активном участии трудящихся масс.

Но определившееся сближение еще не устранило существенных расхождений, отмеченных выше. Дискуссия продолжается.

Характерно, что и эта дискуссия затронула не только вопросы истории казахского аула, но и всей национальной деревни Советского Востока. Ее опыт показал, что советский путь решения аграрного вопроса и переустройства общественных отношений в каждой советской национальной республике, в каждом районе имел много специфического, своеобразного, а поэтому и оценка реформ должна быть сугубо конкретной. Ибо единство закономерностей процесса некапиталистического пути развития не исключало, а предполагало учет разнообразия экономических, социальных, политических и иных условий жизни каждого народа.

Острые споры не так давно вызвал вопрос о формировании до Великой Октябрьской социалистической революции казахской нации, как и узбекской, туркменской и других⁹. Одни исследователи категорически утверждали, что процесс формирования казахской нации до социалистической революции полностью завершился, другие же, отмечая его интенсивность в конце XIX — начале XX веков, указывали на его незавершенность, на то, что казахская народность сложилась в нацию уже в условиях советского строя, как нация социалистическая. Все участники дискуссии признавали наличие у казахов до революции таких признаков нации, как общность территории, языка, психического склада, проявляющегося в общности культуры и т. п. Предметом спора был вопрос об экономической общности, обусловленной, как известно, определенным уровнем развития капиталистических отношений.

Сторонники взгляда о завершенности процесса сложения казахов в нацию до революции оперировали данными об относительно быстром проникновении капитализма в экономику Казахстана в начале XX века, действительно имевшем место, но ссылались при этом на социально-экономические показатели, относящиеся к городам края, и отдельные, совсем не типичные для аула, в котором жило подавляющее большинство казахского народа, примеры. Одним из главных аргументов представителей такой точки зрения были ссылки на высказывания И. В. Сталина в работах «Национальный вопрос и ленинизм» и, особенно, «Марксизм и вопросы языкознания», где в перечне многих других народов, сложившихся в нацию до революции, упоминались и казахи.

Однако большинство историков, как показали дискуссии конца 40-х и начала 50-х гг., не приняло изложенной выше точки зрения. Используя значительный документальный и статистический материал о социально-экономическом положении казахского аула, исходя из ленинских указаний о господстве в нем капиталистических отношений, ученые показали, что в канун социалистической революции еще не наличествовал такой уровень экономической общности, который бы свидетельствовал о завершенности процесса консолидации казахов в нацию. Дальнейшие исследования

подтвердили безусловную правильность этой точки зрения.

Предметом обсуждений и споров явились и другие проблемы истории Казахстана, например, о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве края в канун социалистической революции, универсальности опыта массового перевода казахов-кочевников и полукочевников на оседлость, численности рабочего класса Казахстана в начале XX века и т. д.

В дискуссиях, при подготовке обобщающих трудов обнаружались и пробелы, нерешенные, малоизученные вопросы.

Проблемы истории Казахстана изучаются и в настоящее время еще неравномерно и неравноценно. Не преодолены до конца описательность, фактография, иллюстративный метод, ограничены в ряде случаев обобщения, выводы, явно недостаточна координация научной работы, не изжито мелкотемье, слабо развита комплексность и слабо взаимодействие исторической науки с другими науками и, в особенности, естественными (имеется в виду применение математических методов, радиоуглеродного и других в археологии, анкет в этнографии и т. д.). Весьма недостаточно представлены в казахстанской историографии востоковедение, источниковедение, такие вспомогательные дисциплины, как палеография, нумизматика, геральдика, метрология, историческая география и другие.

Нуждается в расширении тематика трудов по истории КП Казахстана. Назрела не только необходимость, но имеется и возможность для создания монографических работ по вопросам стратегии и тактики Коммунистической партии в установлении и упрочении Советской власти в отсталом аграрном крае, в осуществлении перехода казахского народа от докапиталистических отношений к социалистическим, для обобщения именно в историко-партийном плане опыта руководства КП Казахстана индустриальным развитием республики, коллективизацией сельского хозяйства, культурной революцией и решением национального вопроса. Незаслуженно мало внимания уделяется конкретной истории и преемственности генерального курса партии в борьбе с различного толка антиленинскими группами и течениями в парторганизации Казахстана, в частности,

национал-уклонистами. Еще большее, чем ныне, место в историко-партийных трудах должна занять тема современности — тема строительства материально-технической базы коммунизма и вклада в это всенародное дело тружеников Казахстана, тема формирования и воспитания нового человека.

Гораздо большего внимания историков требуют вопросы идеологической работы партии, прежде всего на современном этапе, а также вопросы истории партийного строительства, совершенствования форм и методов деятельности партии.

Не получил еще достаточно глубокого объяснения тот факт, что не только в пролетарских центрах страны, но и в такой отсталой окраине, какой был Казахстан в первые годы Советской власти, утвердилась однопартийная система и партия большевиков, партия Ленина и в докапиталистических условиях завоевала доверие и поддержку абсолютного большинства населения.

Немаловажен и вопрос о росте партийных рядов. В канун революции и после ее победы в Казахстане казахов-коммунистов насчитывались единицы, но уже спустя короткое время — десятки тысяч. Что же и как было сделано, чтобы достигнуть такого результата — это историками по-настоящему не показано.

Зачастую историко-партийные труды ограничиваются данными о численности коммунистов (в динамике) и партийных ячеек. Но история борьбы за улучшение состава партии (в данном случае ее отряда — КП Казахстана), изменения в условиях приема, влияние соблюдения принципа индивидуального приема и периодических чисток, перерегистрации и обмена партдокументов, системы подбора и расстановки кадров, партийного контроля во многих работах по истории Коммунистической партии Казахстана еще обобщены далеко не полностью. Мало изучены рост коммунистической прослойки в колхозах, в частности, по национальному составу, передвижка коммунистов из управленческого аппарата на производство, фактор партийной дисциплины в действии. Повис в воздухе вопрос о так называемых «лжебельсенды», то есть лжеактивистах; трудно сказать, насколько правомерно существование в литературе такого определения.

Немало и вполне оправданно написано о тех представителях казахской интеллигенции, которые, преодолев колебания, а иногда и ошибки, твердо признали правоту дела партии и внесли свой вклад в строительство нового общества. Однако нередко сложный жизненный и творческий путь отдельных ярких представителей казахской демократической интеллигенции по существу конкретно не раскрывается, взамен убедительного и поучительного рассказа о привлечении «старой» интеллигенции на сторону Советской власти предлагается схема или декларация.

Недостаточно представлена в казахской историографии тема партийного руководства Советами, профсоюзами, комсомолом в послевоенные годы, а в период, предшествовавший коллективизации, такой своеобразной организацией казахской бедноты, как союз Кошчи, или организацией батрачества, как союз Рабземлес, а также крестьянскими комитетами взаимопомощи.

Очевидно, сложились условия и возможности для научного издания материалов партийных конференций областной и краевой партийной организаций, как это сделал Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС со стенограммами партийных съездов периода 1903—1929 гг. Не менее, а еще более необходима публикация сборника документов «Коммунистическая партия Казахстана в решениях ее съездов, конференций, пленумов».

Вряд ли нужны доказательства всепобеждающей силы ленинской национальной политики. На современном этапе организующая и направляющая роль Коммунистической партии Советского Союза — живого и наиболее полного олицетворения идей социалистического интернационализма — в дальнейшем укреплении дружбы и сближении народов СССР все возрастает. Историки подтверждают это большой теоретической и практической значимости положение конкретными фактами, характеризуют основные каналы, формы деятельности партии, последовательно претворяющей в жизнь ленинскую национальную политику, не допускающей ни раздвоения, ни игнорирования национальных особенностей, умело сочетающей в своей политике интересы каждой нации и народности с интересами всего советского народа.

Созданная в последние годы историческая литература ясно показала правоту ленинских слов: «Социализм, организуя производство *без* классового гнета, обеспечивая благосостояние *всем* членам государства, тем самым дает *полный простор* «симпатиям» населения и именно в силу этого облегчает и гигантски ускоряет сближение и слияние наций»¹⁰.

Однако еще немало серьезных социальных, экономических и культурных проблем требует своего осмысления и оценки в плане истории, современного состояния и перспектив развития дружбы и сближения социалистических наций, народностей и этнографических групп, в частности, в Казахской ССР.

Очевидно, существенно, что история становления и утверждения дружбы народов в Казахстане имела отдельные особенности. В отличие от некоторых других республик Советского Востока (например, Таджикистана или Туркмении) край и до революции был многонациональным со сравнительно высоким удельным весом неказахского населения. Наряду с русскими и украинцами здесь жили уйгуры, дунгане и другие национальные меньшинства, в расселении существовала национальная чересполосица, очень запутан и осложнен был аграрный вопрос. В ходе строительства социализма многонациональность состава населения республики, естественно, из десятилетия в десятилетие увеличивалась.

Гибкая, продуманная политика партии учитывала этот фактор. Многонациональность отнюдь не препятствовала, а, напротив, содействовала сближению и дружбе трудящихся всех наций и народностей, населявших Казахскую республику. В семье вольной, новой, о которой мечтал сосланный в прошлом веке в Казахстан великий украинский революционер-демократ Т. Г. Шевченко, дружно живут и самоотверженно трудятся во имя великих идеалов коммунизма казахи и русские, украинцы и уйгуры, узбеки и немцы, корейцы, дунгане и другие.

И тут следует сказать несколько слов о вопросе, который иногда толкуется упрощенно или превратно и постоянно является предметом нападок буржуазных советологов. Речь идет об удельном весе казахского населения в Казахской ССР.

Как установлено марксистско-ленинской наукой и подтверждено опытом истории, все усиливающееся в Советской стране перемещение масс населения из одной национальной республики в другую, рост подвижности населения, растущий обмен кадрами носят, несомненно, прогрессивный характер и служат делу строительства коммунизма. Подвижность населения в СССР коренным образом отлична от миграций трудящихся в капиталистических странах, вызванных безработицей, конкурентной борьбой монополий, хронической неуверенностью в завтрашнем дне и т. д.

Не только в Казахской ССР, но и в других союзных и автономных советских республиках в процессе освоения новых земель и месторождений полезных ископаемых, возведения гигантских электростанций, заводов, фабрик, сооружения каналов, плотин быстро изменяется соотношение национальных групп населения. Казахстан в таком плане особенно характерен. Необозримая казахская степь, вызванная к жизни социалистической революцией, должна была поставить свои богатства на службу социализму, на службу народу, раскрыть свою кладовую, содержащую почти все элементы таблицы Менделеева. Грандиозный размах такой работы был возможен только благодаря притоку тружеников из России, Украины, Белоруссии, Прибалтики, из всех уголков советской страны. Это одна из форм помощи братских народов Казахстану, и притом очень важная.

Разумеется, казахский трудовой народ не остался пассивным созерцателем, а вместе с народами-братьями активно поднимал экономику республики и непрерывно увеличивал свой вклад в общее дело созидания нового общественного строя.

К тому же уменьшение удельного веса казахов в Казахской ССР вовсе не означало уменьшения их абсолютной численности. Наоборот, она непрерывно и неуклонно быстро растет вследствие коренного изменения социально-бытовых условий жизни и труда — повышения материального благосостояния, улучшения медицинского обслуживания, увеличения рождаемости, падения смертности. Нельзя забывать и о том, что сотни тысяч казахов работают, учатся за пределами своей республики, в Российской Федерации, Узбекистане, Киргизии и других республиках.

Уменьшение удельного веса казахского населения в Казахской ССР ни в коей мере не означает ущемления национальных прав народа, национальной культуры и языка. Не случайно при переписи 1959 года 99 проц. казахов назвали своим родным языком казахский, как не случаен и рост тиражей газет, журналов, книг на казахском языке, рождение новых казахских фильмов, опер, расцвет казахской культуры в самом полном смысле этого понятия.

Растущая подвижность населения в СССР в целом и в частности переселение в Казахстан представителей других социалистических наций и народностей отвечают коренным интересам народов Советской страны, в том числе и казахского. Казахстан, населенный ныне представителями более чем 100 наций и народностей, по праву называют лабораторией, университетом дружбы народов. И мы можем этим только гордиться.

«Проявления национализма и национальной ограниченности не исчезают автоматически с установлением социалистического строя,— говорится в Программе КПСС. — Националистические предрассудки и остатки былой национальной розни — это та область, где сопротивление социальному прогрессу может быть наиболее длительным и упорным, ожесточенным и изворотливым»¹¹. В свете этого программного положения сегодня несомненно актуальны темы направляющей роли Коммунистической партии в интернациональном воспитании трудящихся. Литература же изредка, но всегда абстрактно говорит о необходимости борьбы с проявлениями местничества, национального эгоизма, неправильного отношения к кадрам, национальным традициям. Что же конкретно имеется в виду, как эти отрицательные явления преодолеваются, каков богатейший опыт партии в борьбе с такими явлениями — неясно.

Для ответа на эти и подобные им вопросы, имеющие как познавательное, так и практическое значение, необходимы конкретные социальные исследования. Но они в Казахстане почти не ведутся.

За последние годы накоплен значительный материал об участии казахов в годы Великой Отечественной войны в партизанском движении на Украине и в Белоруссии, в движении сопротивления в оккупирован-

ных гитлеровцами странах Европы. Но пока еще недостаточно подчеркнуто, что все это без гигантской воспитательной работы партии, без формирования интернационалистического мировоззрения было бы невозможно.

Мало изучены интернациональные связи трудящихся Казахской республики, их солидарность с революционными выступлениями рабочего класса капиталистических стран, с народами развивающихся стран, избравшими путь некапиталистического развития, с национально-освободительным движением угнетенных империализмом народов.

Столь же мало внимания в казахстанской исторической литературе уделяется интернациональному характеру советской науки, ее месту во взаимообогащении культур народов СССР. Недостаточно выделено значение самопознания народом своей истории, своего вклада в человеческую цивилизацию, в мировую культуру.

Несколько слов о пробелах в исследовании проблемы «сокращенного» перехода казахского народа к социализму. Прежде всего о формализации понятий. Одной из причин успехов естественных наук, например, химии или физики, является точность толкования понятий или категорий этих областей знаний. Мы же нередко по-разному объясняем одни и те же определения. Так, в исследованиях и статьях иногда параллельно и однозначно, а иногда различно употребляются понятия — некапиталистический путь развития казахского народа и переход казахского народа к социализму, минуя капитализм. Тождественны ли эти понятия? Думается, нет. Однако их нельзя и противопоставлять, они исторически и логически взаимосвязаны.

Как верно отмечается в новейшей литературе (в ней есть спорные моменты), опыт ряда развивающихся стран показывает, что этап некапиталистического развития предполагает создание лишь предпосылок для построения социализма, переход же «минуя» означает в полном смысле слова построение социалистического общества. Следовательно, для истории казахского народа в советское время более правильно применять определение — переход к социализму, минуя капитализм.

Или вернемся к дискуссионной проблеме о характере социально-экономических преобразований в казахском ауле в 20-е гг. (земельно-водная реформа 1921—1922 гг., передел сенокосных и пахотных угодий, конфискация имущества крупных баев-полуфеодалов). Не повторяя содержания точек зрения, отметим, что спор этот связан с такими широкими и принципиальными вопросами, как обязательность или необязательность демократических преобразований докапиталистических форм, т. е. мер, переходных к социалистическим преобразованиям; различия в понятиях — буржуазно-демократические и революционно-демократические преобразования (последнее, очевидно, гораздо более точно, ибо отражает их социальный смысл и направленность, движущие силы и итоги); и, наконец, взаимозависимость или последовательность преобразований во времени. Опыт Казахской ССР в сравнении с опытом других национальных районов СССР или Монгольской Народной республики несколько отличен. Поэтому правильное решение названных вопросов важно не только для понимания путей перехода казахов, но и многих других народов к социализму.

В исторической литературе постоянно оговариваются особенности условий решения проблемы «сокращенного» перехода казахского народа к социализму (что характерно и для литературы по истории других народов Советского Востока). Но всегда ли верно исследователи понимают особенности? Так, применительно к истории Казахстана переходного периода ими обычно считают: малочисленность рабочего класса, низкий удельный вес промышленного производства и тому подобные явления. Однако эти черты экономики и социальной структуры были присущи не только Казахскому краю, но и большей части бывших колониальных окраин царской России. Даже в самой собственно России было немало райснгов с такими же социально-экономическими показателями. В итоге национально или исторически особенное остается невывявленным.

Не настала ли пора заняться выяснением действительных особенностей? Тогда анализ комплекса мер партии и государства по социалистической переделке докапиталистических форм станет особенно весомым и убедительным. Так же, как и на новый уровень подни-

мется осмысление большой, философского плана темы соотношения общего и особенного в опыте общественно-экономического прогресса казахского народа в советскую эпоху.

Назрела необходимость и более точно определить положение и роль зарождавшейся казахской буржуазии в буржуазно-демократических революциях 1905 и февраля 1917 г. и, прежде всего, в социалистической революции. Дело в том, что иногда можно встретиться с высказываниями, подчеркивающими и, нам кажется, переоценивающими оппозиционные настроения и взгляды нарождавшейся национальной буржуазии и ее идеологов (партии Алаш) по отношению к царизму. При этом ссылаются на постановку Коммунистической партией в современных условиях вопроса о роли национальной буржуазии в развивающихся странах, недавно сбросивших колониальное иго, о том, что в ряде из них еще не исчерпаны до конца революционные возможности буржуазии. Речь идет о буржуазии и ее идеологах, а не демократической интеллигенции, в том числе той ее части, которая временно разделяла националистические взгляды, а затем осознала их ошибочность и вредность.

Однако механический перенос социальных критериев в разные исторические условия — не способ доказательства. Конкретный анализ конкретной обстановки, чему всегда учил Ленин, показывает, что в условиях казахстанской действительности периода революции зарождавшаяся казахская буржуазия, хотя и молодая по возрасту, страдала уже всеми болезнями буржуазии «старой» и была революционно импотентной. Если судить не по словам, а по ее делам (это единственно верный критерий классовой оценки), то она в сущности являлась союзником царизма, а затем буржуазного Временного правительства и была целиком, как класс, враждебна революции.

Весьма интересна и актуальна тема структуры и возможностей казахской общины. Как известно, Маркс и Энгельс в свое время теоретически допускали переход от общинных отношений к социализму. Сегодня этот вопрос широко обсуждается зарубежными марксистами и прогрессивными учеными применительно к африканской общине.

Анализ структуры казахской общины свидетельствует о том, что общинно-родовые институты здесь давно переродились, что она была не антагонистом феодализма, а его оплотом, и основу общины составляли не кровнородственные связи, а частная собственность на орудия и средства производства, что живучим во «вторичном» роде, как его называют этнографы, было лишь то, что оптимально приспособилось к классовым отношениям. В то же время родовые связи еще не исчезли, они сковывали размежевание сил в ауле, сдерживали подвижность населения, искусственно поддерживали идеи «родового мира», круговой поруки и т. д. Даже во время переписи 1926 г. большинство казахокочевников хорошо знало о своей принадлежности к определенному роду. Именно поэтому бывшие идеологи партии «Алаш» всячески идеализировали социальную структуру казахской общины, отрицали наличие в ней эксплуатации человека человеком, а нередко (А. Байтурсунов, например) заявляли, что в ней уже реализованы все основные принципы коммунизма.

Понятно, что характерные черты казахской общины первых лет переходного к социализму периода не могли оказаться вне внимания партии и Советского государства. Возникали даже дискуссии, в какой мере могут и должны ли быть использованы патриархально-родовые институты для строительства социализма или нет. Было время, когда одни вообще отрицали факт существования родовых институтов и пережитков в кочевом и полукочевом ауле, нивелировали общественно-экономическую структуру переселенческой деревни и аула, не замечали ее специфики. Другие же настаивали на использовании родовых реликтов, выделяя в них только моменты коллективизма, взаимопомощи, и ставили категорию «родовой борьбы» выше классовой борьбы. Кое-где родовые институты даже пытались применить при советском строительстве.

Однако опыт, практика показали, что социальная дифференциация в казахской общине зашла так далеко, что длительное использование родовых институтов не оправдано, более того, ошибочно и вредно. Главная задача состояла в радикальной ломке и полной ликвидации всех остатков патриархальщины в целях повышения классовой сознательности казаха-труженика.

Политика партии и Советского государства, деятельность всех общественных и культурных организаций осторожно, но последовательно вели к ликвидации старых, отживших свой век институтов и обычаев во всех областях хозяйственной, политической и культурной жизни казахского народа. Это одна из специфических форм классовой борьбы, борьбы за переход казахского народа к социализму, минуя капитализм.

К сожалению, тема эволюции и разрушения казахской общины, как и ликвидации связанных с ней бытовых явлений — калыма, аменгерства, дробления патриархальной семьи и многих других — мало исследуются в казахстанской историографии, хотя имеют как познавательное (в частности, для понимания процесса консолидации казахской социалистической нации), так и практическое значение. Нужно ли доказывать, что спыт полного преодоления элементов родовой структуры очень важен для многих народов Азии и Африки!

Характеризуя казахскую общину, нельзя обойти и вопрос о степени зрелости или незрелости общественно-экономического строя аула для социальных преобразований, переплетении в нем разных экономических и хозяйственных форм. Частично (как уже говорилось) в литературе он освещен. Но есть стороны и недостаточно изученные. Документы и литература 20-х гг., например, выдвигали положение о «политике классового расслоения» в ауле. В последующие годы этот тезис оказался забытым. Как же понимать его? Искусственно расслаивать аул на кедеев и баев? Очевидно, в этом не было нужды, ибо полярные группы и так противостояли друг другу. Вероятно, речь шла о стимулировании уже определившихся социальных процессов в плане «снятия» иллюзий «родового мира», стимулировании роста классовой сознательности казахских шаруа до ясного понимания противоположности интересов бедноты и баев. Но пока об этом вопросе историческая литература говорит мимоходом.

Немалый интерес по-прежнему представляет тема сложения и упрочения союза рабочих и крестьян (имеется в виду казахское трудовое крестьянство). Возможен ли был этот союз в рамках территории Казахстана? Думается, что нет. Дело не в сравнительной малочисленности здесь до начала 30-х гг. кадров рабочих, а

в том, прежде всего, что до революции российский, а после революции советский рабочий класс по своему составу, природе и действиям выступал как интернационалистическая сила. Отсюда и союз рабочего класса советской страны с казахским, как и другим национальным крестьянством, был интернациональным явлением. Основы его заложили и укрепили не только общеполитические и экономические меры государства диктатуры пролетариата по отношению к крестьянству вообще, но и национальная политика партии, расчистившая авгиевы конюшни колониализма, ликвидировавшая национально-колониальный гнет во всех его проявлениях. В этом, в частности, корни прочности советского строя, Советской власти в Казахском крае, развязавшей активность народных масс, последовательно проводившей в жизнь идеи равенства и братства народов.

Несколько слов о новой экономической политике и ее связи с проблемой перехода к социализму, минуя капитализм. Переход к нэпу в Казахстане, его первые этапы относительно изучены в нашей литературе, заключительные же — намного слабее. Рассказывая об успехах индустриального развития Казахстана или коллективизации сельского хозяйства в первой половине 30-х гг., мы обычно декларируем, что с победой социализма были исчерпаны и задачи нэпа. Как же конкретно проявлялся нэп, например, во время массовой коллективизации, умалчиваем. Теряется при этом предметная логическая нить перехода от политики ограничения и вытеснения байства как класса к политике его ликвидации, поверхностно освещается тема торговой смычки города с аулом, тема повышения благосостояния аульных хозяйств, втуне остаются материалы обследований их бюджета.

Недостаточно раскрыты в трудах историков и экономистов роль географической среды, не определявшей, но серьезно влиявшей на масштабы и темпы экономического развития республики, а также значение демографического фактора — плотности населения и его расселения.

Слабо показана экономическая необходимость оседания казахского кочевого и полукочевого населения и, что особенно интересует наших друзей за

рубежом, во сколько государству оно обошлось (в денежном выражении) в расчете, предположим, на одно хозяйство.

Назрела необходимость определить место процесса перехода народов, в данном случае казахского, к социализму, минуя капитализм, во всемирной истории. В концепцию всемирно-исторического процесса вошли германцы, славяне и, например, предки казахов, и не вызывает сомнений положение о том, что они не знали рабовладельческого строя, как общественно-экономической формации. Когда же речь идет о событиях послеоктябрьской эпохи, то мы нередко провинциализируем (вольно или невольно) переход казахского, как и других народов, к социализму, минуя капитализм, хотя для современных условий он куда более закономерен, чем минование любой народностью рабовладельческой формации в далеком прошлом. Пора ознакомить общественность советской страны с опытом минования казахским народом капитализма, и, вероятно, осуществить переводы местных изданий на иностранные языки, чтобы история казахского народа в советскую эпоху стала достоянием прогрессивной общественности за рубежом.

Как уже говорилось, в науку введен богатейший конкретный материал о формах и масштабах государственной помощи русского рабочего класса казахскому народу в переходный к социализму период, помощи бескорыстной, не навязанной, не ущемлявшей ни в коей мере коренные интересы казахского народа, а напротив, полностью им отвечавшей, разумно учитывавшей социальные, экономические и национальные моменты; помощи, которая обусловила выравнивание уровней экономического, социального, политического и культурного развития казахского народа с другими народами СССР и утверждение основ социализма в Казахстане одновременно с ранее более развитыми республиками первой в мире страны Советов.

Исследователи, безусловно, правильно подчеркивают значение помощи русского и других народов казахскому народу. Ее нельзя преуменьшить и умалить, она была и остается решающим условием решения проблемы «минуя» и ликвидации фактического неравенства ранее угнетенного народа. Но не всегда в полной мере

учитывается в литературе возможность восприятия такой помощи, то обстоятельство, что казахский народ не был просто ее потребителем. Освобождение народа от докапиталистических пут, быстрое развитие его творческих сил, подъем экономики и культуры республики подготовили почву для немедленной и реальной ее отдачи в экономику и культуру всей советской страны. Так создавались благоприятные условия для сближения наций и народностей СССР, перерастания помощи во взаимопомощь. Великая Отечественная война и послевоенные годы явились блестящим тому подтверждением.

Общеизвестно, что советская государственность в ходе строительства социализма решала интернациональные задачи и не было какой-то особой, например, индустриализации Казахстана или культурной революции. Примат интернациональных корней советской государственности, ее интернациональной природы, классовых общегосударственных целей несомненен. Но столь же несомненно, что советская государственность у каждого из народов, в частности казахского, разрешала одновременно и специфические задачи, вытекавшие из особенностей исторического прошлого, хозяйства, культуры, быта, уровня общественно-экономического и культурного развития того или иного народа.

Казахский народ шел к социализму, минуя капитализм, значительная часть его вела тогда кочевой и полукочевой образ жизни. Докапиталистические отношения в ауле имели массу своеобразных социально-бытовых институтов, отличавших его, предположим, от узбекского кишлака. В то же время в казахском ауле было слабее влияние ислама. Многим отличался и земельный вопрос: ни в одной из республик Советского Востока до революции не было изъято такого количества земли, как в Казахстане, и ни одна из них не была столь многонациональной.

Естественно, что совокупность названных и других факторов обусловили выработку особых форм, методов деятельности казахского советского государства в переходный к социализму период. Короче говоря, речь идет о выяснении общего и особенного в разрешении национальной советской государственностью интернациональ-

ной задачи построения общества, свободного от эксплуатации человека человеком.

Нельзя сказать, что в исследованиях историков и государствоведов нет данных о специфических сторонах деятельности казахского советского государства. Однако сделано это нередко эмпирически, не всегда с обобщениями. В результате исторический опыт обедняется, нивелируется.

В последнее время историческая литература обстоятельнее, чем раньше, стала указывать на то, что помощь русского рабочего класса угнетенным в прошлом народам была не филантропией или благотворительностью, а проявлением высокого сознания своего интернационального долга и носила государственный характер.

Однако все еще недостаточно раскрыт механизм такой государственной помощи, основные каналы, по которым она шла, ее формы, средства, их взаимообусловленность, как и конкретные формы, методы деятельности советского государства — экономические, социальные, политические, культурные, правовые и т. д. (тоже во взаимной связи) по созданию и упрочению неведомого ранее в истории типа национальных отношений, торжества идеологии дружбы народов. Возможно (правоведы об этом уже пишут) стоит поставить вопрос о том, что в хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную функции Советского государства как неотъемлемая составная часть входила и «национальная» задача — задача установления, поддержки, утверждения и защиты новой социалистической системы национальных отношений.

Следует, очевидно, поработать и над творческим осмыслением ленинского положения о крестьянских Советах, их приспособленности к докапиталистическим условиям. Мы всегда на него ссылаемся, а далее, как правило, просто пересказываем историю советского строительства в казахском ауле.

Какое место занимают крестьянские Советы в системе диктатуры пролетариата, в системе союза рабочих и крестьян, в чем отличия крестьянских Советов русской деревни от Советов деревни национальной и докапиталистической — на эти и другие вопросы казахстанская историография еще не дала исчерпывающего ответа.

Несколько слов об одном близком к данной теме вопросе. Давно в полном соответствии с фактами утвердилось в науке положение о народных революциях и народно-демократическом строе в Бухаре и Хорезме в 1920—1924 гг., до их преобразования в социалистические республики. Но не сделано, как нам кажется, попытки рассмотреть названные факты в сопоставлении с другими районами Советского Востока. Между тем сравнение необходимо. И вот почему. Кочевой казахский аул или киргизский аил в канун революции и первые годы после нее не очень далеко ушли в своем социально-экономическом и культурном развитии от национальной деревни Хорезма и Бухары. И тут, и там подавляющее большинство населения (в особенности национальное) жило в деревне (в собирательном смысле понятия). Однако в Туркестане и Казахстане государственность возникла сразу не только как советская, но и социалистическая, а в Бухаре и Хорезме — нет. На то были основания и внутреннего и внешнего порядка. И при сравнительной характеристике они по-настоящему выясняются. Советский же опыт использования переходных форм советского государственного строительства приобретает еще большую практическую значимость для народов развивающихся стран.

Имеются и некоторые другие вопросы истории казахской советской государственности, требующие более определенного и обоснованного ответа. Так, например, IV Всеказахстанский съезд Советов (январь 1924 г.) обсудил и принял Конституцию Казахской АССР. Впоследствии в связи с национальным размежеванием Средней Азии и воссоединением казахских земель она уточнялась и дополнялась. Согласно закону ее должен был утвердить ВЦИК. Как показывают документы, Конституция КАССР поступила во ВЦИК, но не была им рассмотрена, хотя фактически действовала. Кстати сказать, аналогична судьба конституций и некоторых других автономных республик. Почему же так получилось, ни историки, ни государствоведы еще не объяснили.

Или такой вопрос. Казахская АССР была преобразована в союзную республику в 1936 г. в связи с принятием новой Конституции СССР, Таджикская же образована в 1929 г., а Туркменская — в 1925 г. Почему?

Ссылаются на то, что КАССР была отсталой, нуждалась в помощи русского рабочего класса и т. д. Но разве Таджикистан и Туркменистан были более развиты в экономическом и культурном отношении, чем Казахстан, или они не нуждались в помощи. Нет, конечно. Вероятно, были другие причины. И советская историография в силах их объяснить.

Очевидно, заслуживает более серьезного исследования вопрос об отношении местных партийных и советских организаций (как Казахстана, так и Туркестана) к национальной советской автономии в первые месяцы 1918 г., в процессе триумфального шествия Советской власти и ее упрочения. Как известно, в этот период одни местные организации ставили вопрос о создании национальной советской автономии казахов и народов Средней Азии, другие же откладывали его решение. Одновременно шла борьба с кокандскими (они сравнительно быстро были разгромлены) и алашскими националистами, добивавшимися буржуазной автономии. В апреле 1918 г. И. В. Сталин, руководитель Наркомнаца, обратился со специальным письмом к Советам многих восточных районов страны, в том числе Казахстана и Средней Азии, о создании национальной советской автономии. Письмо отражало заботу Ленина, ЦК РКП(б) о практическом осуществлении права наций на самоопределение.

Названные моменты истории национально-государственного строительства освещены в казахстанской и среднеазиатской историографии. Оценка же позиций и практической работы местных коммунистов в этом исключительно важном вопросе в литературе нередко отсутствует или же различна. Одни считают отсрочку провозглашения национальной автономии Туркестана (что имело колоссальное значение для всех народов Средней Азии, в частности казахского) правильной, другие — неверной. Подробно рассмотрел этот вопрос в своей работе П. П. Никишов¹². Он доказывает, что отсрочка была оправдана, так как требовалось время для размежевания классовых сил среди угнетенных в прошлом национальностей Туркестана, укрепления позиций большевиков в Советах и привлечения на свою сторону трудящихся этих национальностей, без чего провозглашение автономии могло быть использовано

националистическими элементами. Его аргументация заслуживает внимания. Но в то же время вопрос в целом нуждается еще в дополнительных исследованиях. В частности, вероятно, необходимо более детально изучить документы о настроениях народных масс Туркестанского и Казахского краев, росте их классового самосознания, изоляции националистов от масс, усвоении и принятии казахскими трудящимися идей Советской власти, приспособленной, как говорил Ленин, к докапиталистическим условиям и интернациональной по своей природе.

Нужно, очевидно, глубже рассмотреть вопрос о появлении и крахе так называемого «колонизаторского уклона» в Коммунистической партии Туркестана, а также в отдельных действительно имевших место на первых порах ошибках в вовлечении коренного населения в состав Советов.

Желательно при рассмотрении кардинальных вопросов истории гражданской войны, особенно вопроса о том, что гражданская война в Казахстане являлась неразрывной частью единого процесса гражданской войны во всей стране, уточнить положение о факторах, обусловивших такую общность. Среди перечисленных в литературе фигурирует, например, такой — однородность расстановки сил революции и контрреволюции. Разумеется, местные рабочие и беднота аулов и сел, с одной стороны, так же, как буржуазия, белогвардейцы и иже с ними — с другой, находились на разных полюсах борьбы. В этом плане расстановка сил в целом в стране и Казахстане совпадала.

Но при этом все же нельзя не учитывать докапиталистические отношения в кочевом и полукочевом ауле, иной чем в деревне уровень сознательности казахской бедноты, а также влияние байства, еще не полностью изжитое наследие колониального прошлого в национальных отношениях. Поэтому вряд ли существовало абсолютное тождество в расстановке классовых сил. Хотя вновь подчеркнем, что упомянутые особенности и трудности не отменяли главного.

Вероятно, следует продолжить разработку некоторых вопросов истории возникновения и утверждения социалистического уклада в сельском хозяйстве. В 20-е гг. и даже в начале 30-х гг., как правило, в Казахстане

организовывались колхозы однонациональные по своему составу. Постепенно положение менялось, и ныне они все многонациональные. Как же шел этот процесс и почему? Историческая литература на этот вопрос по-настоящему не отвечает. А ведь он имеет существенное значение не только для понимания истории колхозного строя, но и истории дружбы народов в Советском Казахстане.

Поистине гигантскую работу проделала партия по преодолению мелкобуржуазных, собственнических предрассудков (в ауле и родовых) в отношении к труду, социалистической собственности, по переделке в широком смысле слова сознания, психологии колхозников. Итог ясен, но как он достигнут, об этом сказано в исторической науке бегло и недостаточно убедительно.

Также бегло охарактеризованы меры партии и государства по укреплению материально-технической базы сельского хозяйства Казахстана в 30-е годы. Цифры о поставках тракторов и другой техники в литературе имеются, но неясно, когда сложилась материально-техническая база крупного сельскохозяйственного производства, каковы масштабы (в объеме республики) и результаты социалистического соревнования в сельском хозяйстве (а не ссылки на пример передовиков). Недостаточно показаны в литературе мероприятия и итоги работы по подъему культуры земледелия и животноводства, повышению урожайности, вала и товарности сельскохозяйственного производства республики в те же 30-е годы (опубликованные сведения нуждаются в уточнении). Почти не изучена политика партии и государства в колхозной торговле.

Как ни странно, но все еще нет единого мнения о том, когда же полностью сложился и победил социалистический уклад в сельском хозяйстве Казахстана. Одни считают таким рубежом 1934 г., другие — 1937 г. Последние исходят из того, что в 1934—1936 гг. большинство казахского кочевого и полукочевого крестьянства объединялось в ТОЗах и малсерктиках, т. е. переходных к сельскохозяйственной артели форм, где значительная часть средств производства еще находилась в собственности колхозников. Это мнение, очевидно, не лишено основания. Но вопрос требует еще изуче-

ния. То же следует сказать и о сроках завершения процесса оседания.

Буржуазные советологи заявляют, что коллективизация проводилась нередко якобы только с целью обеспечения бурно развивающейся промышленности рабочей силой. Это, конечно, клевета. Но в ходе коллективизации часть рабочей силы аула и деревни Казахской ССР, как и всей страны, действительно пошла в промышленность (около 100 тыс. казахских хозяйств, например, осело не в сельском хозяйстве, а в промышленных очагах и на транспорте). Это был закономерный процесс, обусловленный, кроме всего прочего, тем, что в ауле и деревне перед коллективизацией существовало аграрное перенаселение, унаследованное еще от дореволюционной поры, а также тем, что простое сложение средств производства крестьян и казахов-шаруа в колхозах привело к высвобождению части рабочих рук из сельского хозяйства. И партия предвидела такую социальную тенденцию. Но, к сожалению, исследователи истории сельского хозяйства еще нередко абстрагируются от остальных проблем истории Советского Казахстана, да и СССР в целом, и обходят этот вопрос.

Или острый вопрос об оценке перегибов и ошибок на начальном этапе коллективизации и массового оседания. Нельзя сказать, что его замалчивают. Однако в литературе перегибы и ошибки скорее описаны, чем объяснены. Вероятно, следует больше внимания уделить тому, чем же они были вызваны.

Думается, во-первых, субъективизмом отдельных руководителей Казахского крайкома в подходе к казахскому аулу, непониманием реальной социально-экономической обстановки в нем, недоучетом его особенностей, приведших, как справедливо говорилось в решениях ЦК о сельском хозяйстве Казахстана от 17 сентября 1932 г. и пленума Краевого комитета партии (июль 1933 г.), к значительным издержкам. На что, кстати сказать, тогда же прямо указывали письма коммунистов, выступления на пленумах партийных комитетов и т. д.

Во-вторых, не стоит упускать из вида и отсутствие опыта. Партийной организации и Советам Казахстана приходилось действовать в очень сложных и своеобразных условиях: массовая коллективизация сочеталась

с оседанием, а классовый враг сопротивлялся особенно упорно и ожесточенно, используя и пережиточные, еще не исчезнувшие родовые институты.

Разумеется, сказанное выше не решение вопроса, а лишь подход к нему. Он должен быть проанализирован по-настоящему глубоко и всесторонне, тем более, что на него ждет ответа не только советский, но и зарубежный читатель. При этом очень важно чувство меры: речь идет о том, чтобы не абсолютизировать упомянутые ошибки и перегибы при переходе к массовой коллективизации и оседанию. Они никогда не зачеркнут исторического значения опыта социалистического преобразования экстенсивного, распыленного сельского хозяйства.

Принципиально партийный, объективный рассказ об опыте строительства кооперативно-колхозного строя, свободного от эксплуатации человека человеком, победе социалистических общественных отношений в наиболее отсталой отрасли народного хозяйства только поднимет престиж исторической науки и поможет всем народам, вступившим на путь строительства социализма.

Несомненна необходимость дальнейшего развертывания исследований по истории быстрого роста промышленности, в особенности новых ее отраслей, в послевоенные годы, прежде всего, в семилетке. Должна быть также продолжена работа по созданию истории отдельных крупных заводов, фабрик.

Еще большего внимания требует тема истории рабочего класса Казахстана, его отрядов в разных отраслях промышленного производства, его ведущей роли в экономической и общественно-политической жизни республики с первых послевоенных лет и по сегодняшний день. Здесь, как нам кажется, представляют интерес следующие вопросы: динамика численности рабочих, коренные изменения в источниках их пополнения в связи с проблемой трудовых ресурсов Казахской ССР, удельный вес в численности рабочих молодежи, женщин, быстрый рост культурно-технического уровня кадров рабочих, история движения за коммунистический труд.

Отнюдь не исчерпана проблема культурного строительства и культурной революции в Советском Казах-

стане. Предметом дискуссии остается и периодизация культурной революции. Еще относительно мало изучены вопросы истории формирования и быстрого роста национальной советской интеллигенции, истории науки и высшего образования, деятельности культурно-просветительных учреждений. Не меньшее значение имеют тема борьбы с пережитками прошлого в сознании людей, в частности религиозными пережитками, тема рождения и утверждения новых традиций и обычаев.

Недостаточно изучены культура и быт рабочего класса Казахстана как в промышленности, так и в сельском хозяйстве (рабочие совхозов), вопросы сближения материальной и духовной культуры казахского народа с культурами других народов СССР на современном этапе. Такие исследования имели бы большую значимость, они могли бы содействовать дальнейшему сближению народов, развитию общесоветских традиций, укреплению интернациональной, социалистической основы советской культуры.

Много еще нерешенных и малоизученных проблем в дореволюционной истории Казахстана. Сказались как нехватка квалифицированных кадров, трудности в выявлении источников, так и элементы субъективизма, догматизма, невнимание, а иногда даже пренебрежительное отношение к темам далекого прошлого, как якобы неактуальным. Между тем, как метко выразился Расул Гамзатов, «если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки».

Немало белых пятен в истории происхождения казахской народности. Более убедительной, а главное, конкретной характеристики требует тема преемственных, генетических связей древних насельников территории Казахстана с казахским народом, а также места и роли в этом процессе миграций других племен и народностей, качественных отличий казахской этнической общности от предшествующих ей. На более точных и емких фактах следует показать экономическую и культурную жизнь казахской народности. Имеется в виду и выявление новых сведений о трансформации различных этнонимов, покрывавших племенные союзы и объединения, вошедшие в казахскую народность, о расселении в древности отдельных племен.

Не стоит забывать, что не так давно в историографии отношения казахских ханств с соседними государствами изображались довольно схематично. Так, при освещении взаимоотношений со среднеазиатскими ханствами чаще всего отмечались факты военных столкновений и явно недостаточно — их торговые, политические и культурные взаимосвязи. Ныне сумма источников, введенная в научный оборот, позволяет осветить интересный и важный вопрос исторических связей казахского народа с братскими народами Средней Азии гораздо глубже и всестороннее.

Имеется в настоящее время возможность и для более широкого использования в исторической науке лингвистических данных, для постоянного творческого контакта казахского языкознания с исторической наукой. Следует продолжить работу по выявлению, переводу и научному комментированию восточных источников, в том числе незаслуженно мало используемых наукой казахских шежере. Эта область исторического знания, тесно смыкающаяся с востоковедением, требует оптимального развития.

Явно нуждаются в расширении и антропологические исследования. Первый опыт использования сведений антропологии показал их перспективность.

Особо важную роль в изучении этногенеза, как и вообще древней и средневековой истории казахов и их предков, должно сыграть изучение Оtrarа и примыкающего к нему оазиса. Уже известные науке источники свидетельствуют о выдающейся роли Отрарского оазиса в истории казахов и народов Средней Азии. Это один из крупных узлов казахского этногенеза. Есть основания полагать, что намеченные на длительную перспективу стационарные раскопки цитадели и городищ Отрарской периферии обогатят науку новыми памятниками материальной и, вероятно, духовной культуры древнего населения этого региона.

Практически до сих пор в казахстанской историографии почти не была представлена историческая география. А вряд ли нужно доказывать, насколько важна для понимания этнической истории казахов привязка на основе источников к местности (и во времени) различных народностей, племенных союзов и групп, населявших Казахстан. Только с помощью такого рода

исследований с глубокой древности и по XX век включительно можно проследить процесс образования казахской территории. Нельзя забывать и о политической значимости вопросов исторической географии в настоящее время, когда кое-кто, апеллируя к ложно толкуемым феодальным хроникам, пытается обосновать свои «права» на казахские земли. Подготовка исторических карт для Атласа Казахской ССР и исторического Атласа СССР — актуальная задача.

Столь же актуальна еще незавершенная работа по составлению типологических таблиц о хозяйстве и материальной культуре казахов в XIX—XX веках, необходимых для историко-этнографического Атласа народов СССР.

Работа по публикации источников при всех своих достижениях имела и существенный минус: все издания носили выборочный, тематический характер. Вероятно, настала пора систематической (по фондам и годам) публикации документов, как делала и делает Археолографическая комиссия Отделения истории Академии наук СССР, с введением в такое серийное издание казахских источников (на языке оригинала и в переводе).

Устарели путеводители по архивам, они нуждаются в обновлении и переиздании.

В последние годы историки Казахстана относительно мало разрабатывают тему истории национальных движений. А между тем накоплен большой и свежий документальный материал. К тому же национальные движения в Казахстане в XVIII — начале XX в. изучались в основном раздельно.

Большого внимания требует и тема истории классов и партий в Казахстане в эпоху империализма в России в тесной связи с историей общероссийского демократического и социалистического движения в канун Октябрьской революции.

Существенные пробелы определились в борьбе с буржуазной фальсификацией истории. До последнего времени казахстанские историки ограничивались критикой отдельных работ или домыслов и искажений частных вопросов буржуазными советологами, но не выступали с принципиальной критикой буржуазной методологии истории вообще, идеологии антикоммунизма.

Очевидно, целесообразно развитие исследовательской работы по истории СССР в целом, по всеобщей истории, в частности сопредельных стран Востока. Разве нет нужды, например, в сравнительно-исторических исследованиях, сопоставлении путей прогресса казахского народа и братских народов Средней Азии в советское время, в изучении истории и истории культуры Ирана, Афганистана, Индии и других стран.

Историкам Казахстана предстоит еще много поработать над тем, чтобы сделать свои исследования достоянием широкого круга читателя, прежде всего казахского, чтобы усилить влияние исторической науки на коммунистическое воспитание трудящихся. Вспомним, что в Казахской ССР живут и трудятся представители более чем 100 национальностей. Очень многие из них прибыли в республику совсем недавно в связи с освоением целины. Рассказать им об истории края, ставшего для них родным, о том, как этот в недавнем прошлом отсталый кочевой край превратился в могучую индустриальную республику, о жизни и быте казахского и других народов, ее населяющих, воспитывать советских тружеников в духе дружбы и братства — разве может быть более благородная цель у ученого-историка?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С момента своего возникновения, с Великого Октября и по сей день казахстанская историография — неотъемлемая составная часть советской исторической науки. Ее место и значение определяются, прежде всего, тем вкладом, который она внесла в советскую историографию в целом и который с каждым годом становится все более весомым.

Сложившийся в советское время отряд профессиональных историков, вооруженных марксистско-ленинской методологией и знанием проверенных исторических фактов, установил многие важные закономерные черты развития человеческого общества на территории Казахстана с древнейших времен до наших дней. Доказана полная несостоятельность и тенденциозность расистских вымыслов о неисторичности казахского народа и его предков, о так называемой «варварской» периферии «диких» номадов западной цивилизации, об извечной отсталости и противоположности Востока Западу. Выяснены многие конкретные вопросы происхождения казахской народности, политической истории казахских ханств и вхождения казахских земель в состав России, истории национальной демократической культуры, национально-освободительного и революционного движения, показана неизбежность победы социалистической революции в аграрном колониальном крае. Широко раскрыты в исторической литературе торжество ленинской национальной политики и идеологии дружбы народов в Советском Казахстане, пути пе-

перехода казахского народа к социализму, минуя капитализм, расцвет творческих сил народа, экономики и культуры республики.

Исходя из общности исторических судеб народов СССР и учитывая действительно национально-особенное, специфическое, исследователи в своих обобщающих трудах и монографиях освещают историю казахского народа в связи с многовековой, поистине героической историей народов нашей Родины.

Исследователи-историки — не бесстрастные летописцы, в тиши своих келий добру и злу внимающие равнодушно. Познание опыта истории для них не самоцель, но средство понимания подлинного смысла происходящих ныне событий, а также предвидения будущего. Глядя назад, восстанавливая правдивую картину прошлого, историк в сущности идет вперед. И не один, он помогает идти другим. Правильно понятая и обобщенная история народа дает возможность извлечь из нее необходимые уроки, выработать научно-обоснованную политику на перспективу. Эту задачу исторической науки советские ученые ценят весьма и весьма высоко, от нее они никогда не отказывались и не откажутся. Ибо, что может быть благороднее сознательного служения делу строительства нового общества, свободного от социального и национального гнета, голода, войн, строя, утверждающего во всем мире идеи мира, свободы, равенства, братства всех народов.

Не случайно Маркс и Энгельс, с большим уважением относившиеся к естественным наукам и их роли в прогрессе человеческого общества, решительно возражали против недооценки опыта истории и противопоставления исторической науки наукам естественным. «Мы знаем только одну науку, науку истории,— писали Маркс и Энгельс.— Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга»¹.

Опыт истории казахского народа, особенно в послеоктябрьское пятидесятилетие, имеет совсем не местное, национально-ограниченное, а международное значение.

Недавно в нашей печати промелькнуло сообщение о том, что группа молодежи Танзании решила пройти по стране пешком более тысячи километров с остановками в деревнях, чтобы пропагандировать в массах идеи социализма. Невольно вспомнились красный караван КазЦИКа во главе с Алиби Джангильдиным, красные караваны и красные юрты в казахских аулах начала 20-х годов. Простое же сопоставление устава гвинейских кооперативов с уставом казахского малсерктика (с поправками на отличия в типе хозяйства) показало их необычайное сходство, более того — во многом тождество.

Такие иллюстрации можно умножить. Однако суть вопроса не в них. Главное в том, что обобщение и пропаганда опыта истории казахского народа, как и других народов Советского Востока, за советское пятидесятилетие, ставшего наглядным примером для недавно освободившихся от колониального гнета народов Азии и Африки, дело, по выражению Ленина, колоссальной международной важности.

Партия постоянно заботилась об остроте идейного оружия исторической науки, находящейся на переднем крае идеологического фронта, о теоретическом уровне исторических исследований, сосредоточении сил историков на наиболее важных актуальных проблемах, воспитывала их в духе ленинизма. Вся творческая деятельность историков Казахстана неразрывно связана с жизнью партии, партийной организации республики.

В наши дни направляющая роль партии в советской исторической науке все более возрастает, усиливается. В этом залог новых успехов науки, в частности казахстанской историографии.

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ См.: «История Казахской ССР (С древнейших времен до наших дней)». Алма-Ата, 1943; М. П. Вяткин. Батыр Срым. М.—Л., 1947; Е. Бекмаханов. Некоторые итоги работы и очередные задачи историков Казахстана. «Вестник АН КазССР», 1947, № 10; С. Баишев. Некоторые итоги и неотложные задачи нашей работы. «Труды Казахского филиала ИМЛ», 1948, № 1; С. Н. Покровский. За создание марксистско-ленинской «Истории Казахской ССР». «Большевик Казахстана», 1951, № 10; М. Б. Ахинжанов. Некоторые вопросы развития казахской советской исторической науки. «Халык мугалими», 1951, № 10 (на каз. языке) и др.
- ² А. Н. Нусупбеков. Развитие исторической науки в Казахстане за годы Советской власти. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1958, вып. 2; С. Н. Покровский, А. Н. Нусупбеков, В. Ф. Шахматов. Историческая наука в Казахстане в советский период. В кн.: «Наука в Казахстане за 40 лет Советской власти». Алма-Ата, 1957; они же. Развитие исторической науки в Казахстане. В кн.: «Наука Советского Казахстана, 1920—1960 г.», Алма-Ата, 1960; А. Н. Нусупбеков. О разработке истории социалистического и коммунистического строительства в Казахстане. М., 1962; Н. Калистратов, А. Нурканов. Изучение истории Казахстана к 40-летию республики. «Ученые записки КазГУ», т. 48, серия истории, вып. 7, Алма-Ата, 1961; см. также: «Библиография по истории Казахстана (Дореволюционная эпоха)». Указатель под ред. Е. Бекмаханова. Алма-Ата, 1964 и др.
- ³ А. Турсунбаев. Против буржуазной фальсификации истории Казахстана. Алма-Ата, 1963; Х. Иноятв. Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1962; А. Н. Нусупбеков, Х. Бисенов. Фальсификация истории и историческая правда. Алма-Ата, 1964; Н. Сагиндыков, А. Шманов. Правда сильнее лжи. «Партийная жизнь Казахстана», 1959, № 6; Г. Ф. Дахшлейгер, А. Турсунбаев, Ш. Шафиро. Правда об освоении целины и вымыслы

буржуазных фальсификаторов. «Партийная жизнь Казахстана», 1959, № 12; Г. Ф. Дахшлейгер. История ничему не научила (по поводу книг Д. Уилера). «Партийная жизнь Казахстана», 1966, № 8 и др.

⁴ См.: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. 1, М., 1960; т. 2, М., 1961.

⁵ См.: К. Акишев. Археология Казахстана за 40 лет. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1958, вып. 2; его же. Археологическая наука в Казахстане. В кн.: «Наука Советского Казахстана, 1920—1960 гг.», Алма-Ата, 1960; И. В. Захарова. Этнографическое изучение Казахстана за годы Советской власти. «Известия АН КазССР, серия истории, философии, экономики и права», 1956, вып. 3; И. В. Захарова, Р. Ходжаева. Состояние и задачи изучения этнографии Казахстана. СЭ, 1960, № 2; Э. А. Масанов. Об этнографическом изучении Казахстана в России до 1845 г. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 6, 1959; Г. Валиханов. Изучение этнографии дореволюционного Казахстана русскими учеными. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии» 1959, вып. 1; К. М. Байпаков. Археологическая литература в изданиях АН КазССР в 1946—1962 гг. СА, 1964, № 2;

⁶ А. Н. Нусупбеков. О сборе и подготовке к публикации документов и материалов об участии трудящихся Казахстана в Великой Отечественной войне. «Известия АН КазССР, серия историческая», 1954, вып. 2; его же. Состояние и задачи изучения участия трудящихся Казахстана в Великой Отечественной войне. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1965, № 4; Б. С. Сулейменов. Проблемы истории дореволюционного Казахстана в советской историографии. «Вестник АН КазССР», 1968, № 1; Г. Ф. Дахшлейгер. Проблемы национально-государственного строительства Советского Казахстана в современной исторической литературе. Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1967, № 4 и др.

⁷ А. Х. Маргулан. Очерк жизни и деятельности Ч. Валиханова. В кн.: Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. I, Алма-Ата, 1961; Д. И. Дулатова. К истории изучения научного наследия Ч. Ч. Валиханова. «Ученые записки КазГУ», т. 48, серия истории, вып. 7, Алма-Ата, 1961; Г. И. Искаков. Ч. Валиханов — исследователь этнографии уйгуров. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1961, вып. 2; О. А. Сегизбаев. Из истории идейной борьбы вокруг творческого наследия Чокана Валиханова. «Ученые записки КазГУ», т. 40, вып. 2, 1959; Г. Н. Валиханов. Этнография казахского народа в трудах А. А. Диваева. СЭ, 1958, № 5; Б. В. Лунин. А. А. Диваев как археолог-краевед. «Известия АН УзССР, серия общественных наук», 1957, № 1; Б. С. Сулейменов. Некоторые вопросы истории Казахстана в трудах А. А. Диваева. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1959, вып. 1; Э. Масанов. Труды Г. Н. Потанина — важный источник по этнографии казахского народа.

«Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1960, вып. 3; М. Каратаев. Профессор Асфендияров. «Мадениет және турмыс», 1967, № 11; (на казахском языке); Р. Сулейменов. Первый казахский историк-марксист. «Вестник АН КазССР», 1966, № 9.

- ⁸ Н. П. Калита. Научно-публикаторская работа государственных архивов Казахской ССР. «Вопросы архивоведения», 1959, № 1; Б. Сулейменов. Вопросы публикации документов и материалов по истории Казахстана в советскую эпоху. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1958, вып. 2.
- ⁹ Н. П. Калистратов. О предмете и содержании университетского курса историографии истории СССР. ВИ, 1963, № 3.
- ¹⁰ Т. Жангельдин. О состоянии координации в области историко-партийных исследований. В сб.: «Вопросы истории Компартии Казахстана», вып. 2, Алма-Ата, 1964.
- ¹¹ См.: «Октябрь и наука Казахстана». Алма-Ата, 1967; Г. Дахшлейгер. Основные этапы развития исторической науки в Советском Казахстане. ВИ, 1964, № 10.
- ¹² См.: «Вестник АН КазССР», 1968, № 9.
- ¹³ См.: Э. Масанов. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966; К. Акишев. Археология в Казахстане за советский период. СА, 1967, № 4.

ГЛАВА I

- ¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 230. —
- ² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 116.
- ³ Там же, стр. 113.
- ⁴ Там же, стр. 56.
- ⁵ Там же, стр. 112.
- ⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 274—275, 317.
- ⁷ Там же, стр. 287.
- ⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 120.
- ⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 358—359.
- ¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 96—97; т. 53, стр. 104—105, 189, 259.
- ¹¹ См.: В. П. Николаева. Турккомиссия как полномочный орган ЦК РКП(б). ВИ КПСС, 1958, № 2; «Исторический архив», 1958, № 3, стр. 79; ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 461, ед. хр. 5145, лл. 1—6; В. И. Ляхов. Т. Р. Рыскулов. ВИ КПСС, 1965, № 12.
- ¹² См.: Я. Трукан. Ян Рудзутак. М., 1963, стр. 62.
- ¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 329.

- ¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 263—264.
- ¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 77.
- ¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 199.
- ¹⁷ Там же, стр. 227—228.
- ¹⁸ См.: «Ленинский сборник», XXXVI, стр. 305.
- ¹⁹ См.: «Протоколы первой областной киргизской конференции РКП(б). 11—18 июня 1921 г.». Алма-Ата — М., 1935; «Вторая областная киргизская конференция РКП(б). 19—27 февраля 1922 г.» Протоколы. Алма-Ата — М., 1936; «Отчет III Всекиргизской краевой конференции РКП(б)». Оренбург, 1923 (Приложение. Статотчет Киргизской областной контрольной комиссии РКП(б) с 1. III—1923 г. по 1. II—1924 г.). «Материалы к IV Всекиргизской областной конференции РКП(б)». Оренбург, 1924; «Резолюции и постановления IV Киргизской областной конференции РКП(б). 11—16 мая 1924 г.». Оренбург, 1924; «Четвертая Всекиргизская партконференция. Резолюция по докладу о международном и внутреннем положении. Резолюция по отчету Кирбкома РКП(б) на IV Всекиргизской партконференции». Оренбург, 1924; «Материалы к отчету Казахского краевого комитета РКП(б) на V Краевой партийной конференции». Кызыл-Орда, 1925; «Отчет Казкрайкома РКП(б) V Всеказахской конференции РКП(б). 1 декабря 1925 г.»; «Резолюция V Всеказахской конференции РКП(б). 1—7 декабря 1925 года». Кызыл-Орда, 1925; «Материалы к отчету Казахского крайкома ВКП(б) на Шестой Всеказахской Краевой партийной конференции». Кызыл-Орда, 1927; «Шестая Всеказахская конференция ВКП(б). 15—23 ноября 1927 г.». Стенографический отчет. Кызыл-Орда, 1928; «Седьмая Всеказахстанская партконференция ВКП(б)». Стенографический отчет. Алма-Ата, 1930; «Материалы к отчету Казахского краевого комитета ВКП(б) на VII Всеказахской партконференции». Алма-Ата, 1930; «Восьмая Казахстанская краевая конференция ВКП(б). 8—16 января 1934 г.». Стенографический отчет. Алма-Ата, 1935; «Материалы к отчету Крайкома VIII Казахстанской конференции ВКП(б)». Алма-Ата, 1934; Л. И. Мирзоян. Отчетный доклад I съезду КП(б) Казахстана. О работе Крайкома КП(б)К. 5 июня 1937 г. Алма-Ата, 1937; «Резолюция I съезда КП(б) Казахстана о работе Краевого комитета КП(б) К. Алма-Ата, 1937; «О коренизации». Сборник руководящих материалов. Алма-Ата, 1934; «Первое Всеказакское совещание по советскому строительству (29 сентября — 3 октября 1925 г.)». Стенографический отчет и постановление. Кызыл-Орда, 1925; «Резолюция I Всеказакского совещания нацменработников (2—6 сентября 1930 г.)». Алма-Ата, 1930; «Сборник руководящих материалов по проверке и чистке совещарата». Алма-Ата, 1930; «VI пленум Казахского краевого комитета ВКП(б)». Стенографический отчет. Алма-Ата, 1936; «Казахстанская организация ВКП(б) в решениях ее конференций и пленумов, 1920—1925». Вып. 1, Алма-Ата, 1931; «Первый Тургайский областной съезд Советов». Протоколы, Алма-Ата, 1936; «Учредительный съезд Советов Киргизской (Казахской) АССР, 4—12 октября 1920 г.» Протоколы. Алма-Ата — М.,

1936; «Отчеты народных комиссаров КАССР II Всекиргизскому съезду Советов». Оренбург, 1921; «Стенографический отчет II съезда Советов Киргизской Социалистической Советской Республики. 4—10 октября 1921 г.» Оренбург, 1921; «Бюллетень III Всекиргизского съезда Советов», 1922, № 1—9, Оренбург; «Стенографический отчет IV Всекиргизского съезда Советов. 5—10 января 1924 г.» Оренбург, 1924; «Отчет правительства КАССР V Всекиргизскому съезду Советов». Ак-Мечеть—Оренбург, 1925; «Материалы к отчету ЦИК КазССР на 3-й сессии ВЦИК XIII созыва». Кызыл-Орда, 1928; «Шестой Всеказакский съезд Советов и I сессия КазЦИК 6-го созыва». 28 марта—3 апреля 1927 г. Стенографический отчет. Кызыл-Орда, 1927; «Седьмой Всеказакский съезд Советов. 8—15 апреля 1929 г.» Стенографический отчет и постановления. Кызыл-Орда, 1929; «Постановления VIII Всеказакского съезда Советов по отчету правительства». Алма-Ата, 1931; «Девятый Всеказакский съезд Советов». Постановления. Алма-Ата, 1935.

«I съезд КП(б)К». Материалы, опубликованные в газетах «Социалистик Казахстан», «Казахстанская правда», 1937, 6, 8, 11, 14—15 июня; «Резолюции II съезда Коммунистической партии (большевиков) Казахстана». Алма-Ата, 1938; «Резолюции III съезда Коммунистической партии (большевиков) Казахстана, 10—18 марта 1940 г.» Алма-Ата, 1940; «Резолюция IV съезда КП(б) Казахстана по отчетному докладу ЦК КП(б)К». Алма-Ата, 1949; «Резолюция V съезда Коммунистической партии (большевиков) Казахстана, 15—18 декабря 1951 г.» Алма-Ата, 1951; «Резолюция VI съезда КП(б) Казахстана по отчетному докладу ЦК КП(б) Казахстана». Алма-Ата, 1952; «Постановление VII съезда Коммунистической партии Казахстана». «Коммунист Казахстана», 1954, № 3; «Резолюция VIII съезда Коммунистической партии Казахстана по отчетному докладу ЦК КП Казахстана». Алма-Ата, 1956; «Постановление IX внеочередного съезда Коммунистической партии Казахстана». Алма-Ата, 1959; «Резолюция X съезда Коммунистической партии Казахстана по отчетному докладу ЦК КПК». Алма-Ата, 1960; «Постановление XI съезда Коммунистической партии Казахстана по отчетному докладу ЦК КПК». Алма-Ата, 1961; «Резолюция XII съезда Коммунистической партии Казахстана по отчетному докладу ЦК КПК». Алма-Ата, 1966.

ГЛАВА II

¹ Подробно см.: «Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV. М., 1967.

² «Ак жол» — газета, выходила в 1920—1925 гг. на казахском языке в Ташкенте, в 1925—1927 гг. — в Чимкенте.

³ Возникло в 1920 г. на базе Оренбургской ученой архивной комиссии и Оренбургского отделения РГО.

⁴ См.: «Труды Общества изучения Киргизского края (Казахстана)», вып. 1, Оренбург, 1921; «Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края», вып. 2—6, Оренбург, 1922—1925;

Труды Общества изучения Киргизского края», т. 6—10, Оренбург, 1925—1929; «Труды Общества изучения Киргизского края (Казахстана)», т. 7—8, Кызыл-Орда, 1929; т. 10, Алма-Ата, 1930: «Известия Западносибирского отдела РГО» (Омск), 1924, т. III, V, VI; «Записки Семипалатинского отдела общества изучения Казахстана», т. 1, Семипалатинск, 1929; «Из истории гражданской войны в Казахстане (к 10-летию Октября)», Кызыл-Орда, 1927; «Красные партизаны Кустаная». Сборник. Алма-Ата, 1934; И. Кумач. В Акмолинских степях. Алма-Ата, 1936 и другие.

⁵ См.: Д. А. Фурманов. Мятеж в Верном 12—19 июня 1920 г.; «Пролетарская революция», 1923, № 11.

⁶ А. П. Чулошников. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен, ч. 1, Оренбург, 1924; его же. Вопрос о происхождении киргизской народности в исторической науке и народные киргизские предания, как источник дальнейшего его изучения. «Труды Общества изучения Киргизского края», вып. 5, Оренбург, 1924.

⁷ См. А. П. Чулошников. К истории феодальных отношений в Казахстане. «Известия АН СССР», 1936, № 3.

⁸ «Итоги сельскохозяйственной переписи КССР, 1924 г.». Оренбург, 1925; «Казахстан в цифрах». Алма-Ата, 1929; «Казахстан за 1925 и 1926 гг. в цифрах по отчетным материалам ведомств и статистическим материалам КазЦСУ». Кызыл-Орда, 1927; «Обзор народного хозяйства Киргизской АССР, 1925 г.». Самара, 1927; «Хозяйственное развитие КирССР. Отчетный обзор Киргизского экономического совещания за 1923—1924 гг.». Оренбург, 1924; «Основные элементы сельского хозяйства Казахстана (по материалам выборочных сельскохозяйственных переписей 1926 и 1927 гг.)». Алма-Ата, 1928; «Сельское хозяйство Киргизской Советской социалистической республики в 1923 г. По итогам сельскохозяйственной переписи 1923 г.», вып. 1. Оренбург, 1924; «Всесоюзная перепись населения 1926 г. КазССР», т. VIII. М., 1928; «Академия наук СССР за десять лет (1917—1927)». Л., 1927; «Научные учреждения Академии наук СССР. Краткое обозрение ко дню десятилетия (1917—1927)». Л., 1927; «Отчет Казахстанской экспедиции за 1926 г.» (отд. оттиск из отчета о деятельности АН СССР). Л., 1927; «Академия наук СССР. Материалы комиссии экспедиционных исследований», вып. 12. Серия казахстанская. Исследования 1926 г. Л., 1929; «Академия наук СССР. Материалы комиссии экспедиционных исследований», вып. 15. Серия казахстанская. Казакн. Исследования 1927 г. Л., 1930; «Осведомительный бюллетень экспедиционных исследований АН СССР, 1926—1927 гг.» Л., 1928; А. Диваев. Описание этнографических материалов, собранных в Семиреченской области. В кн.: «Наука и просвещение». Ташкент, 1922, № 1; «Весь Казахстан (справочная книга)». Алма-Ата, 1931; «Казахстан». М., 1936; «5 лет Казахстана (1920—1925)». Кызыл-Орда, 1925; «Казахстан к 10-летию Октября». Кызыл-Орда, 1927; «15 лет Казахской республики». Алма-Ата, 1937; К. М. Тимофеев. Крестьянское хозяйство севера Ураль-

ской губернии за пятилетие, 1923—1927 гг.» Уральск, 1928; «Социалистическое строительство КазАССР. Экономико-статистический справочник за 1920—1935 гг.», М., 1936 и другие.

⁹ См.: «Степная правда», 1921, 13 августа (Семипалатинск).

¹⁰ См.: «Советская степь», 1927, 23 октября.

¹¹ См.: «Прошлое Казахстана (в документах и материалах)», ч. 1, 2, Алма-Ата, 1937—1938; «Казахстанская организация ВКП(б) в решениях ее конференций и пленумов. Алма-Ата — М., 1931; «Тургайский областной съезд Советов КАССР». Алма-Ата, 1936 и другие.

¹² А. Н. Бернштам. Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии. «Советская этнография», 1934, № 6; П. М. Алампиев. Итоги развития промышленности Казахстана за 15 лет. «Революционный Восток», 1935, № 5; И. Маслов. Современное состояние народного хозяйства и культуры Казахстана. «Революция и национальности», 1932, № 1; К. Баллод. Казахстан к XVII партийному съезду. «Революция и национальности», 1934, № 1; Т. Рыскулов. Из истории революционной борьбы в Казахстане. «Революция и национальности», 1935, № 11; С. Юсупов. Итоги хозяйственного и культурного строительства за 15 лет. «Революция и национальности», 1935, № 10; П. А. Алексеенков. Национальная политика Временного правительства в Туркестане в 1917 г. «Пролетарская революция», 1928, № 8; «Из дневника А. П. Куропаткина. «Красный архив», 1927, т. 20; А. Ермоленко. Казахстанская деревня. «На аграрном фронте», 1925, № 9; «О советском хозяйственном и культурном строительстве КазССР за 15 лет». «Революция и национальности», 1936, № 10; Ф. Сластухин. Социалистическое переустройство кочевого казахского аула. «Советская этнография», 1933, № 1; З. Миндлин. Киргизы и революция. «Новый Восток», 1924, № 5.

¹³ В. В. Бартольд. История Туркестана. Ташкент, 1922; его же. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927; его же. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925; его же. Киргизы (исторический очерк). Фрунзе, 1927; его же. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928; Б. Я. Владимирцев. Общественный строй монголов. Л., 1934; В. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая орда. М., 1937.

¹⁴ См.: А. А. Диваев. Баксы в жизни киргиза. «Известия Среднеазиатского музея», вып. 3, 1928 и др. (Им опубликовано несколько десятков статей, в том числе в 1918 г. в журнале «Народный университет», Ташкент, № 3, 4, 8, 12, 21, 25, 26, 39, 40, 50, 57, 58, 82—85); А. Н. Самойлович. О слове «казак». «Казак». Сборник статей антропологического отряда казахстанской экспедиции АН СССР, вып. 2, Л., 1927; С. И. Руденко. Очерки быта казахов бассейна рек Уила и Сагиза, там же и др.

¹⁵ С. Муравейский (В. Лопухов). Очерки по истории революционного движения в Средней Азии. Ташкент, 1927; П. Г. Галузо. Туркестан — колония. Ташкент, 1929; Сборник «Революция в Средней Азии», т. 1, Ташкент, 1930; Ф. Божко. Ре-

волюция в Средней Азии, Ташкент, 1930; Д. И. Манжара. Революционное движение в Средней Азии. Ташкент, 1934; Сборник «Освобождение киргизского народа». Омск, 1920; «Борьба за Оренбург и Орск в 1917—1919 гг.» М., 1923; «Пролетарская революция в Оренбурге». Оренбург, 1921 и др. Подробно по этому вопросу см. Т. Н. Кары-Ниязов. Очерки истории культуры Советского Узбекистана. М., 1955.

- ¹⁵ См.: С. Д. Асфендияров. История Казахстана (с древнейших времен), т. I, Алма-Ата, 1936 (на каз. и русс. яз.); его же. Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1936; его же. История национально-революционных движений на Востоке. Алма-Ата, 1932; Г. Тогжанов. О казакском ауле. Кызыл-Орда, 1927; его же. Казакский колониальный аул, ч. 1. М., 1934; Т. Рыскулов. Восстание туземцев в Средней Азии, ч. 1—2, Кызыл-Орда, 1927; его же. Революция и коренное население Туркестана, ч. 1. Ташкент, 1925; А. Ф. Рязанов. Пугачевское восстание и хан Малой орды Нуралы. «Советская Киргизия», 1924, № 8—9; его же. Батыр Срым Датов, там же, 1924, № 7; его же. 40 лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797—1838). Кызыл-Орда, 1926; его же. Восстание Исатай Тайманова. Кызыл-Орда, 1927; И. Кабулов. О некоторых вопросах истории партийной организации и Октябрьская революция в Казахстане. В сб.: «Из истории партийного строительства в Казахстане». Алма-Ата, 1936; Н. Тимофеев. К истории образования Казахской краевой организации ВКП(б), Алма-Ата, 1936; его же. К 15-летию образования облбюро РКП(б) в Казахстане. «Большевик Казахстана», 1935, № 4; его же. Из истории борьбы партии с контрреволюционной Алаш-Ордой в 1919—1920 гг., там же, 1936, № 8; его же. Борьба казахстанской парторганизации на два фронта с уклонами в национализме в 1919—1920 гг., там же, 1935, № 9—10; А. К. Бочагов. Алаш-Орда. Кызыл-Орда, 1927; М. Мартыненко. Алаш-Орда. Кызыл-Орда, 1928; С. Брайнин, Ш. Шафиро. Очерки по истории Алаш-Орды. Алма-Ата, 1935; «Доклад и заключительное слово У. Джандосова на 1-м Всекиргизском совещании по советскому строительству (29 сентября — 3 октября 1925 г.) см.: «Стенографический отчет и постановления 1-го Всекиргизского совещания по советскому строительству». Кызыл-Орда, 1925; Предисловие У. Джандосова к книге В. Г. Соколовского «Казахский аул». Ташкент, 1926; А. Жангильди. Борьба за Октябрь в Казахстане. «Аул коммуниста», 1935, № 10 (на каз. яз.); П. Варламов. Путь к Октябрю. «Советская Киргизия», 1924, № 10; А. Айтиев. Из истории общественно-политического движения в Уральской области. «Степные зори», 1923, кн. 1; Т. Жургенев. Культурная революция в Казахстане. Алма-Ата, 1935 (на каз. яз.); «Октябрь в Казахстане» (Очерки и рассказы участников гражданской войны). Алма-Ата, 1930; М. Кайназаров. Аульный середняк и вопрос о союзе с ним. Кызыл-Орда, 1930 (на каз. яз.); М. А. Виенко. Кустанайский отряд. Ташкент, 1934; А. Айтиев. Колонизация Киргизского края. «Советская Киргизия», 1924, № 3—4.

- ¹⁷ Г. Сафаров. Колониальная революция (опыт Туркестана). М., 1921.
- ¹⁸ Ф. И. Голощекин. Казахстан на путях социалистического переустройства. М., 1931, стр. 191.
- ¹⁹ См. Ф. И. Голощекин. Партийное строительство в Казахстане. Пред. И. Курамысова. Алма-Ата, 1930, стр. 15.
- ²⁰ А. Айтиев. Октябрьская революция и национальный вопрос. «Кзыл Казахстан», 1923, № 22 (на каз. языке); Н. Тюркюлов. Национальный вопрос на IV Конгрессе Коминтерна. «Темир казык», 1923, № 1 (на каз. языке); Г. Сагатов. История революции 1917—1918 гг. в Букеевской орде. «Кзыл Казахстан», 1927, № 5—7, 11—14 (на каз. языке); А. Жангильдин. Борьба за Октябрь в Казахстане. «Аул коммунист», 1935, № 10 (на каз. языке); его же. Советская власть в КССР. «Степная правда», 1922, 4 октября; С. Щербakov. Значение Октября для экономики КССР. «Советская Киргизия», 1924, № 10; С. Ужгин. Страницка из истории революционного движения в Кустанае. «Известия Кустанайского губкома РКП(б)», 1923, № 14; П. Запорожний. Из истории революционного движения в Семипалатинской губернии. «Коммунист», 1923, № 1; его же. Организация власти и борьба на фронте, там же, № 2; П. Варламов. Путь к Октябрю. «Советская Киргизия», 1924, № 10; Г. Трофимов. Из прошлого Компартии в Джетысу. «Коммунистическая мысль», 1926, № 3.
- ²¹ См.: «Большевик Казахстана», 1936, № 1—2.
- ²² См.: «Жизнь национальностей», 1919, 3 августа; «Ак жол», 1922, 14 июля.
- ²³ См.: «Советская степь», 1927, 22 ноября.
- ²⁴ См.: Е. А. Полочанский. За новый аул-кстау, М., 1926.
- ²⁵ См.: «Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. Материалы к выработке норм земельного устройства в Казахской АССР». Под ред. С. П. Швецова. М., 1926, стр. 102—103, 105 и др.
- ²⁶ См.: Г. Тогжанов. О казахском ауле. Кзыл-Орда, 1927; его же. Казахский колониальный аул. М., 1934.
Во многом близки взглядам Г. Тогжанова идеи М. Ванны (бай — капиталист, кедей — пролетарий, в ауле господствуют «своеобразные» капиталистические отношения). См.: М. Ванны. Опыт теоретической характеристики социально-экономической структуры аула. «Красный Казахстан», 1926, № 1.
- ²⁷ См.: Г. Тогжанов. О казахском ауле. Кзыл-Орда, 1927, стр. 9—10.
- ²⁸ См.: «Большевик Казахстана», 1936, № 1—2.
- ²⁹ Е. Федоров. Краткий очерк образования и развития казахов как нации и Казахстана как национальной автономной советской республики. Сб.: «Весь Казахстан». Алма-Ата, 1931; его же. О конкретном содержании формулы — от докапиталистиче-

ских отношений к социализму, минуя капитализм. «Большевик Казахстана», 1933, № 1; С. Асфендияров. По поводу статьи «Краткий очерк образования и развития казахов как нации и Казахстана как национальной автономной советской республики. «Большевик Казахстана», 1932, № 6; А. Смирнов. Казахстан на пути к социализму. «Большевик Казахстана», 1931, № 2—3; П. Исаков. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин о некапиталистическом развитии. «Большевик Казахстана», 1934, № 1—2; его же. О национальной консолидации казахского народа. «Большевик Казахстана», 1937, № 5—7 и другие.

³⁰ См.: «Кзыл Казакстан», 1927, № 1, 5, 6, 7; «Ак жол», 1923, 4 февраля (на каз. языке) и др.

³¹ См.: Т. Рыскулов. Восстание 1916 г. «Кзыл Казакстан», 1926, № 11—14, 15—18; С. Асфендияров. Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1936; С. Брайнин и Ш. Шафиро. Восстание 1916 года в Семиречье. «Большевик Казахстана», 1936, № 5—7 и др.

³² С. Сейфуллин. Трудный путь, тяжелый переход. Оренбург, 1922 (на каз. языке); в 1964 г. переиздано на русском языке под названием «Тернистый путь».

ГЛАВА III

¹ Е. Семенихина. Большевики Казахстана в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства. Алма-Ата, 1952.

² См.: «Казахстан в первый год Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков». Сборник статей. Алма-Ата, 1943; «Восьмая гвардейская красносзнаменная имени генерал-майора Панфилова стрелковая дивизия». Алма-Ата, 1942; «Письма с фронта». Алма-Ата, 1944; «Герои Советского Союза — казахстанцы». Сборник документов и материалов, кн. 1, Алма-Ата, 1945; «73-я Сталинградская гвардейская стрелковая дивизия». «Большевик Казахстана», 1943, № 15 и др.

³ Впоследствии автор отказался от своих ошибочных взглядов (См.: Е. Бекмаханов. Феодално-монархические движения в Казахстане. «Ученые записки КазГУ», т. 20. История, Алма-Ата, 1956).

⁴ Обсуждение книги Е. Бекмаханова «Казахстан в 20—40 годы XIX века». (См.: «Вестник АН КазССР», 1948, № 3).

⁵ А. М. Жиренчин. Из истории Центрального музея Казахстана. «Вестник АН КазССР», 1947; № 8; Н. Зинин, Ф. Киреев. Богатства Центрального исторического архива Казахской ССР. ВИ, 1946, № 2—3; Н. Федоров. Государственный архивный фонд Казахстана и его использование. «Известия АН КазССР, серия историческая», 1948, вып. 4; И. З. Чумаков. Научная работа Государственных архивов Казахской ССР. «Известия КазФАН СССР, серия историческая», 1946, вып. 2.

⁶ См.: «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и образование Казахской АССР», Алма-Ата, 1947; «Восста-

ние 1916 г. в Казахстане». Алма-Ата, 1947; «Революция 1905—1907 гг. в Казахстане». Алма-Ата, 1949; «Материалы по истории Казахской ССР, 1785—1828», т. IV, Л., 1940; «Казахское обычное право». Алма-Ата, 1948; «Алма-Ата в период Октября и гражданской войны (1917—1920 гг)». Алма-Ата, 1949;

⁷ См.: С. Н. Покровский. Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Семиречье. ВИ, 1947, № 10; его же. Великая Октябрьская социалистическая революция и исторические судьбы казахского народа. «Труды III сессии АН КазССР». Алма-Ата, 1949; его же. Борьба за упрочение Советской власти в Семиречье. «Ученые записки КазГУ», т. 13, История, вып. 4, 1950; его же. Об исторической закономерности социалистической революции в Казахстане. «Коммунист Казахстана», 1955, № 3; его же. О некоторых основных вопросах истории Октябрьской революции и гражданской войны в Казахстане. «Известия АН КазССР, серия историческая», 1948, вып. 4; Т. Елеуов. Казахстан в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. «Вестник АН КазССР», 1954, № 10; его же. Борьба за упрочение Советской власти в Казахстане. «Известия АН КазССР, серия истории, экономики, философии и права», 1955, вып. 2; М. П. Ким. Октябрьская революция и аграрный вопрос в Казахстане. ВИ, 1947, № 10; И. В. Русаков. Борьба за Советскую власть в Семиречье. «Большевик Казахстана», 1950, № 8 и др.

⁸ См.: С. Н. Покровский. Черкасская оборона. ВИ, 1947, № 11; его же. Начало гражданской войны в Семиречье. «Известия КазФАН СССР, серия историческая», 1946, вып. 2; его же. Разгром белых армий на Семиреченском фронте. «Известия АН КазССР, серия историческая», 1947, вып. 3; его же. К вопросу об истории иностранной военной интервенции в Казахстане. «Известия АН КазССР, серия историческая», 1950, вып. 5; его же. Разгром интервентов и белогвардейцев на Актюбинском фронте в 1919 г. «Вестник АН КазССР», 1953, № 11; его же. Из истории 2-го Семиреченского областного крестьянского съезда. «Вестник АН КазССР», 1955, № 9; А. Н. Нусупбеков. Из истории формирования казахских воинских частей Советской Армии в годы гражданской войны. «Вестник АН КазССР», 1949, № 4; Т. Елеуов. М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев в борьбе за Советский Казахстан. «Большевик Казахстана», 1950, № 6; его же. Обстановка на Восточном фронте в начале 1919 г. и освобождение Уральска. «Вестник АН КазССР», 1948, № 11 и др.

⁹ См.: М. С. Сапаргалиев. Возникновение казахской советской государственности (1917—1920 гг.). Алма-Ата, 1948; С. Н. Покровский. Образование Казахской АССР. Алма-Ата, 1951; А. Мухтаров. Создание и деятельность Киргизского (Казахского) военно-революционного комитета. «Труды Казфилиала ИМЛ», т. 3, 1955; М. С. Сапаргалиев. Провозглашение автономии Советского социалистического Казахстана. «Известия АН КазССР, серия историческая», 1947, вып. 3.

⁰ А. Н. Нусупбеков. Объединение казахских земель в Ка-

захской Советской Социалистической республике. Алма-Ата, 1953; его же. Становление и развитие казахской советской государственности. «Большевик Казахстана», 1950, № 10; А. П. Кучкин. К вопросу о коренизации советского аппарата в Казахстане в первое десятилетие существования республики. «Исторические записки», 1954, т. 48; Г. Ф. Дахшлейгер. В. И. Ленин и первые шаги социалистического строительства в Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1955, № 4.

- ¹¹ В. К. Савосько. Преобразование Казахской Автономной ССР в союзную республику. Алма-Ата, 1951; его же. Первые выборы Советов в Казахстане на основе новой Конституции. Алма-Ата, 1954.
- ¹² Н. Т. Тимофеев. Казахстан в период восстановления народного хозяйства (1921—1925). Алма-Ата, 1949; А. Н. Нусупбеков. Переход на мирную работу по восстановлению народного хозяйства в Казахстане после окончания гражданской войны. «Известия АН КазССР, серия историческая», 1950, вып. 6; С. Байшев. Первые этапы социалистической индустриализации Казахстана. «Известия АН КазССР, серия экономическая», 1949, № 1; его же. Социалистическая индустриализация Казахстана. Алма-Ата, 1949; его же. Великие социалистические преобразования в Казахстане. Алма-Ата, 1950; Г. Ф. Дахшлейгер. Турксиб — первенец социалистической индустриализации. Алма-Ата, 1953; его же. О роли социалистической индустриализации СССР в переходе казахского народа к социализму, минуя капитализм. «Вестник АН КазССР», 1953, № 2; Г. Чуланов. Промышленность Казахстана за годы Советской власти. Алма-Ата, 1952; его же. Экономическое развитие Казахстана за 30 лет. Алма-Ата, 1951 (на каз. языке); Н. Кийкбаев. Промышленность Казахстана в первой пятилетке. Алма-Ата, 1951; его же. Расцвет социалистической промышленности Казахстана. Алма-Ата, 1955 и др.
- ¹³ А. Б. Турсунбаев. Великий перелом в сельском хозяйстве Семиречья. Алма-Ата, 1950; его же. Глубочайший революционный переворот (к 20-летию массового колхозного движения). «Вестник АН КазССР», 1949, № 11; его же. Из истории коллективизации сельского хозяйства Казахстана. «Вестник АН КазССР», 1948, № 11; его же. Начало сплошной коллективизации сельского хозяйства Казахстана. «Известия АН КазССР, серия историческая», 1950, вып. 5; Т. Айтиев. Обуховцы в Казахстане (О первом российском обществе землеробов-коммунистов). «Советский Казахстан», 1954, вып. 9; А. Кузнецов, Ф. Рыбаков. Первые сельскохозяйственные артели и коммуны в Семиречье. «Ученые записки Алма-Атинского гос. пед. ин-та им. Абая», т. 9, 1955; З. А. Акишева. Экономические и политические предпосылки и результаты конфискации собственности крупных баев-полufeодалов в Казахстане. «Известия АН КазССР, серия экономическая», 1949, № 1; Г. Ф. Дахшлейгер. К вопросу о продовольственной разверстке в Казахстане. «Известия АН КазССР, серия истории, философии, экономики и права». 1955, вып. 2; Ф. И. Колдин. К вопросу о развитии ТОЗов в казахском ауле в 1930—1934 гг.

«Известия АН КазССР, серия истории, философии, экономики и права», 1955, вып. 2; А. П. К у ч к и н. Земельная реформа в Казахстане в 1925—1927 гг. ВИ, 1954, № 9; е г о ж е. Из истории ликвидации хозяйств баев-полуфеодалов в Казахстане. «Известия АН КазССР, серия истории», 1950, вып. 6; Т. Т. Ту ле ба е в. К вопросу о роли политотделов МТС в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства в Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1950, № 4.

¹⁴ Г. Ч у л а н о в. Промышленность Казахстана в период Великой Отечественной войны. «Известия АН КазССР, серия экономическая», 1950, № 2; А. Н. Н у с у п б е к о в. Могучий арсенал Великой Отечественной войны Советского Союза. «Известия АН КазССР, серия историческая», 1947, вып. 3; А. Н. Н у с у п б е к о в. Памяти героя Великой Отечественной войны Абдыбекова Тлеугали. «Вестник АН СССР», 1947, № 5.

¹⁵ См.: «Труды Казахского филиала ИМЛ», т. 1, Алма-Ата, 1948; т. 2, Алма-Ата, 1950; т. 3, Алма-Ата, 1955; Н. Т. Т и м о ф е е в, С. Б. Б р а й н и н. Большеви́стская работа в Казахстане до Октябрьской революции. «Большевик Казахстана», 1938, № 1; Н. Т. Т и м о ф е е в. Деятельность большевиков в Казахстане до Октябрьской революции. «Большевик Казахстана», 1947, № 10; П. М. П а х м у р ы й. Большевики Казахстана в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Алма-Ата, 1952; Е. В. С е м е н и х и н а. Большевики Казахстана в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства. Алма-Ата, 1952; Т. Ту ле ба е в. Политотделы МТС Казахстана в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов (1933 — 1934 гг.). Алма-Ата, 1955; Г. А б и ш е в. Работа партии большевиков по воспитанию чувства советского патриотизма у воинов-казахов в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Алма-Ата, 1950; А. Ш о ш е н к о. Борьба партии большевиков за укрепление тыла в годы Великой Отечественной войны. Алма-Ата, 1951; С. И м а ш е в. Из истории создания местной печати в Казахстане (1917—1925 гг.). «Труды Института истории партии при ЦК КПК», вып. 3. Алма-Ата, 1955; С. М. К е н ж е б а е в. Борьба Коммунистической партии за упрочение Советской власти в Казахстане. Алма-Ата, 1955 и др. «20 лет Казахской ССР». Алма-Ата, 1940; «Казахская ССР». М., 1941; «Народное хозяйство Казахской ССР за 25 лет». Алма-Ата, 1945; «XXV лет Казахской Советской Социалистической Республики». Алма-Ата, 1947 (Юбилейная сессия Верховного Совета КазССР).

¹⁶ См.: «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955.

¹⁷ В. Ф. Ш а х м а т о в. К вопросу о племенных союзах и варварских дофеодальных государствах на территории Казахстана. «Вестник АН КазССР», 1950, № 5; е г о ж е. К вопросу о сложности и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1951, № 7.

¹⁸ См.: Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

- ¹⁹ А. Н. Бернштам. Происхождение турок. ПИДО, 1935, № 5—6; В. Ф. Шахматов. К вопросу об этногенезе казахского народа. «Известия АН КазССР, серия историческая», 1950, вып. 6; Х. М. Адильгиреев. К истории образования казахского народа. «Вестник АН КазССР», 1951, № 1; В. В. Гинзбург. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии (гунны и саки Тянь-Шаня, Альп и Южного Памира). КСИЭ, 1950, т. XI; его же. Материалы к антропологии древнего населения Юго-Восточного Казахстана. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7, 1959; Л. В. Опшанин и И. Зезенков. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953.
- ²⁰ Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVIII в. Алма-Ата, 1948; А. Б. Турсунбаев. Историческое значение присоединения Казахстана к России. «Большевик Казахстана», 1951, № 8; Т. Ж. Шойнбаев. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. «Коммунист Казахстана», 1954, № 8; А. Ф. Якунин. Народы Средней Азии и Казахстана во второй половине XIX века. См.: «Присоединение Средней Азии к России». М., 1954; А. Ибраев. Присоединение казахов Старшего жуза к России и его прогрессивное значение. Автореферат, Алма-Ата, 1954.
- ²¹ Е. Г. Федоров. Казахстан — колония царизма в конце XIX — начале XX столетия. «Ученые записки Алма-Атинского гос. пед. ин-та», т. 2, 1941; А. Б. Турсунбаев. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950; Е. Бекмаханов. Возникновение капиталистической промышленности и зарождение рабочего движения в Казахстане (конец XIX — начало XX века). «Ученые записки КазГУ», т. 13, История, вып. 4, Алма-Ата, 1950 (см. также: «Вестник АН КазССР», 1949, № 6); Е. Д. Дильмухамедов. Революционное движение горнорабочих Казахстана в начале XX века. Алма-Ата, 1955; его же. К вопросу о зарождении рабочего класса в Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1950, № 3; В. И. Рушанов. Положение рабочего класса и рабочее движение в горнозаводской промышленности Казахстана в период империализма. «Известия АН КазССР, серия экономическая», 1949, вып. 1; В. Ф. Шахматов. Из истории образования казахского пролетариата. «Вестник АН КазССР», 1946, № 12; П. Шарова. Переселенческая политика царизма в Средней Азии в 1906—1916 гг. «Историк-марксист», 1940, № 6.
- ²² Е. Г. Федоров. Революция 1905—1907 гг. в Казахстане. «Большевик Казахстана», 1940, № 12; С. Брайнин и Ш. Я. Шафиро. Из истории революции 1905 г. в Семиречье. «Большевик Казахстана», 1935, № 12; Ш. Я. Шафиро. Верный в годы первой русской революции. «Известия КазФАН, серия историческая», 1946, вып. 2; Б. С. Сулейменов. Казахстан в период первой русской революции. Алма-Ата, 1949; «Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг.» Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1955; «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России». Сборник статей. М., 1955 (см. статьи: А. Ф. Якунин. Революция

1905—1907 гг. в Казахстане; А. В. Пясковский. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане); Г. Ф. Дахшлейгер. Из истории рабочего движения в Казахстане в период первой русской революции. «Коммунист Казахстана», 1955, № 8; Е. Д. Дильмухамедов. Революционная борьба рабочих горной промышленности Казахстана в период революции 1905—1907 гг. «Вестник АН КазССР», 1950, № 10; С. Н. Покровский. Первая народная революция эпохи империализма. «Вестник АН КазССР», 1955, № 12 и др.

- ²³ Х. Г. Айдарова. Чокан Валиханов. Алма-Ата, 1945; ее же. Чокан Валиханов. «Дружба народов», 1952, кн. 3; ее же. Ч. Ч. Валиханов. «Вестник КазФАН СССР». 1945, № 4; ее же. Ч. Ч. Валиханов. «Большевик Казахстана», 1952, № 4; К. Б. Бейсембиев. Общественно-политические взгляды Абая Кунанбаева. «Коммунист Казахстана», 1954, № 6; его же. Социально-политические взгляды Абая. Там же; Т. Елеуов. К вопросу о философских взглядах Абая Кунанбаева. «Вестник АН КазССР», 1947, № 9; его же. К вопросу об источниках формирования мировоззрения Абая Кунанбаева. «Вестник АН КазССР», 1947, № 7; З. С. Лукина. За подлинно научное освещение деятельности Чокана Валиханова. «Вестник АН КазССР», 1954, № 6; С. Муканов. Чокан Валиханов. Алма-Ата, 1953 (на каз. языке); А. С. Ситдыков. Педагогические идеи и просветительская деятельность И. Алтынсарина. Алма-Ата, 1949; Б. С. Сулейменов. И. Алтынсарин — выдающийся просветитель казахского народа. «Большевик Казахстана», 1950, № 5.

- ²⁴ М. П. Вяткин. Батыр Срым. Л., 1947; его же. К вопросу о крестьянских войнах в Казахстане. ВИ, 1945, № 3—4; В. Ф. Шахматов. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946; его же. Освободительное восстание казахов против кокандского феодального гнета в 1858 г. «Вестник АН КазССР», 1949, № 10; его же. К вопросу о классовой борьбе в Казахстане первой половины XIX в. «Большевик Казахстана», 1951, № 11; А. Ф. Якунин. Освободительное движение трудящихся казахов в 1836—1838 гг. «Большевик Казахстана», 1939, № 6; его же. К вопросу об оценке характера национальных движений 30—40-х гг. XIX в. в Казахстане. ВИ, 1951, № 4; Т. Ж. Шоинбаев. Восстание сырдарьинских казахов под руководством батыра Джанходжи Нурмухамедова (1856—1857 гг.). Алма-Ата, 1949 и др.

- ²⁵ См.: «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955 и др.

- ²⁶ М. Н. Кабиров. Переселение илийских уйгур в Семиречье. Алма-Ата, 1951; «Уйгурские сказки». Алма-Ата, 1950 и др.

Г Л А В А IV

- ¹ «История Казахской ССР», т. 1, Алма-Ата, 1957; «История Казахской ССР. Эпоха социализма», т. 2, Алма-Ата, 1959.

- ² См.: «Коммунист», 1957, № 16; «Коммунист», 1960, № 14.
- ³ «История Казахской ССР. Эпоха социализма». Алма-Ата, 1963.
- ⁴ «Очерки истории Коммунистической партии Казахстана». Алма-Ата, 1963.
- ⁵ В. И. Ленин. О Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1960.
- ⁶ С. Бейсембаев. В. И. Ленин и Казахстан. Алма-Ата, 1968.
- ⁷ «Трудящиеся Казахстана В. И. Ленину, 1917—1924 гг.» Алма-Ата, 1960; С. Байшев. Торжество ленинских идей в Казахстане. Алма-Ата, 1960; «Под знаменем ленинской национальной политики». Сб. статей к 40-летию Казахстана. Алма-Ата, 1960; Г. Ф. Дахшлейгер. В. И. Ленин и первые шаги социалистического строительства в Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1954, № 4; «Из истории организации первых коммун петроградских рабочих (1918 г.)». «Исторический архив», 1956, № 3; «Из переписки М. В. Фрунзе с В. И. Лениным (1919—1920 гг.)». «Исторический архив», 1958, № 3; М. С. Бурабаев. Защита и пропаганда марксистско-ленинских идей в Казахстане в период первой русской революции. В кн.: «Некоторые вопросы исторического материализма и права». Алма-Ата, 1962; Х. Бисенов, Р. Сулейменов. Торжество ленинских идей культурной революции. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1960, № 1; «В созвездии братских республик». Сб. статей. Сост. Х. Абдрашитов и Г. Аксельрод. Алма-Ата, 1961; А. Мухтаров. В. И. Ленин — основатель советского государства. «Народное хозяйство Казахстана», 1960, № 4; С. Н. Покровский, М. Иماشев. Торжество ленинской национальной политики. «Партийная жизнь Казахстана», 1960, № 10; Н. Кийкбаев. Торжество ленинской национальной политики в Казахстане. Алма-Ата, 1957; Т. Б. Балакаев. Произведения В. И. Ленина на казахском языке. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1960, № 1; Е. Л. Виленский. Из истории восстановления Риддера (Риддерская концессия). «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1962, № 2 и др.
- ⁸ См.: «Вопросы истории Компартии Казахстана», т. 1, Алма-Ата, 1963; т. 2, 1964; т. 3, 1965; т. 4, 1966; т. 5, 1967.
- ⁹ «Коммунистическая партия Казахстана в документах и цифрах». Сб. документов и статистических материалов о росте и регулировании состава парторганизации. Алма-Ата, 1960; «Коммунистическая партия Казахстана в борьбе за освоение целинных и залежных земель». Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1958; «Компартия Казахстана на втором этапе освоения целины». Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1963; «Социалистическое становление нефтяной Эмбы». Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1965; Н. М. Лернер. Коммунисты Казахстана в борьбе за подъем целинных земель. В кн.: «Годы великих свершений». Алма-Ата, 1960; «Документальные источники по истории Коммунистической партии Казахстана». Научно-информационная библиография. Октябрь 1917 г.— октябрь 1962 г. Алма-Ата, 1963; «Архивные источни-

- ки по истории Октября и гражданской войны в Казахстане (1917—1920 гг.)». Путеводитель. Алма-Ата, 1958; «Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями». Сб. 1, Март — октябрь 1917 г. М., 1957; Сб. 2, Ноябрь 1917 — февраль 1918 г., М., 1958; «Переписка местных большевистских организаций Казахстана с секретариатом ЦК партии (май 1917 — май 1918)». «Коммунист Казахстана», 1957, № 7.
- ¹⁰ Т. П. Губа. Борьба большевиков Казахстана за победу Октябрьской социалистической революции. Алма-Ата, 1957; П. М. Пахмурный. Коммунистическая партия — руководитель борьбы за власть Советов в Казахстане. Алма-Ата, 1957; В. Познанский. Революционная работа Омского комитета РСДРП в северо-восточных районах Казахстана в годы первой русской революции 1905—1907 гг. «Известия АН КазССР, серия истории, экономики, философии и права», 1956, вып. 3; Т. Губа. Деятельность социал-демократических групп и организаций в период русской революции 1905—1907 гг. «Труды Казфила ИМЛ», т. V, 1956; В. Галиев. Влияние политических ссыльных на культурную и общественно-политическую жизнь Казахстана. Алма-Ата, 1965; Ш. Я. Шафиро. Первые группы РСДРП и начало профсоюзного движения в Казахстане. Алма-Ата, 1964; М. Бурабаев. Распространение идей марксизма-ленинизма в дооктябрьском Казахстане. Алма-Ата, 1965.
- ¹¹ Т. П. Губа. Создание и оформление большевистской организации в Казахстане в 1917 — первой половине 1918 г. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1958, вып. 2; С. Л. Ковальский. Большевистское подполье Восточного Казахстана в борьбе с колчаковщиной. Алма-Ата, 1957; П. М. Пахмурный. Из истории деятельности коммунистов на территории Казахстана в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). «Труды Казфила ИМЛ», т. IV, Алма-Ата, 1955; его же. Коммунисты Казахстана во главе масс в борьбе против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции в годы гражданской войны. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1958, № 2.
- ¹² «У истоков Коммунистической партии Казахстана». Алма-Ата, 1966; В. А. Радус-Зенькович. Страницы героического прошлого. М., 1960; М. Алибаев. Становление. (Воспоминания старого коммуниста о первой Казахской областной партконференции). «Партийная жизнь Казахстана», 1961, № 6; В. П. Николаева. Турккомиссия как полномочный орган ЦК РКП(б). «Вопросы истории КПСС», 1958, № 2; Г. Ф. Дахшлейгер. К истории подготовки постановления ЦК РКП(б). «Об основных задачах РКП(б) в Туркестане (июнь 1920 г.)». «История СССР», 1960, № 2; П. М. Пахмурный. Становление республиканской парторганизации. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1961, № 3.
- ¹³ К. Жаманбаев. Ленинский призыв в партию в Казахстане. Алма-Ата, 1960.
- ¹⁴ «Правда» в борьбе за торжество ленинской национальной поли-

тики в Казахстане». Сб. статей, Алма-Ата, 1962; Х. Бекхожин. Пути развития казахской советской печати. Алма-Ата, 1964 (на каз. языке).

- ¹⁵ В. Голиков. Деятельность Коммунистической партии Советского Союза по развитию и укреплению сельскохозяйственной кооперации (1921—1929 гг.). Алма-Ата, 1956; Ш. А. Кусанова. Укрепление аульных и сельских партийных организаций в Казахстане в период коллективизации. Алма-Ата, 1958; А. А. Лдабергенов. Борьба КП Казахстана за освоение Голодной степи в годы довоенных пятилеток. «Ученые записки Чимкентского гос. пед. ин-та», т. 1, Чимкент, 1960; З. Амангалиев. КПСС в борьбе за укрепление союза рабочего класса и крестьянства в процессе коллективизации сельского хозяйства в годы первой пятилетки (по материалам Казахстана). Алма-Ата, 1957; Т. Балакаев. Из истории партийно-пропагандистской работы в Казахстане в предвоенные годы. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1959, вып. 3; Ж. Бурябаев. Роль политотделов МТС Казахстана в перестройке партийно-организационной и массово-политической работы колхозных партийных организаций в первые годы Великой Отечественной войны. «Ученые записки КазПИ, серия общ.-полит.», т. XIV (2), 1957; С. К. Жакупбеков. Из истории организации и работы МТС в Казахстане в первой пятилетке. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1958, вып. 1; Г. Жуматов. Из истории борьбы парторганизации Петропавловского округа за проведение массовой коллективизации сельского хозяйства (1929—1930 гг.). «Ученые записки КазГУ», т. 35 (История КПСС), вып. 1, 1957; В. К. Сидоров. К вопросу о деятельности партийных организаций в проведении земельно-водной реформы в южных областях Казахстана. «Ученые записки КазГУ», т. 35 (История КПСС), вып. 1, 1957.
- ¹⁶ О. Малыбаев. Борьба КПСС за создание и развитие третьей угольной базы СССР (Карагандинский угольный бассейн). Алма-Ата, 1961; Т. Мустафин. Деятельность КПСС по созданию третьей угольной базы СССР (1930—1940). Алма-Ата, 1962; А. Ахметов. Развитие творческой трудовой активности рабочих Казахстана в борьбе за досрочное выполнение первой пятилетки (1931—1932 гг.). «Ученые записки КазГУ», т. 42, вып. 2 (История КПСС), 1959; М. К. Ермакова. История рабочего класса промышленных предприятий Казахской республики в постановлениях Компартии Казахстана. «Ученые записки КазГУ», т. 38 (Серия истории Казахстана), вып. 7, 1961; К. Сарсенов. Из истории борьбы КПСС за развитие цветной металлургии в предвоенные годы. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1962, вып. 1; Е. Мухамеджанов. Деятельность парторганизации Казахстана по созданию кадров производственно-технической интеллигенции. Алма-Ата, 1965; Т. Ильясов. Борьба КПСС за дальнейшее развитие угольной промышленности Казахстана (1959—1962). Алма-Ата, 1964; П. Тибекин. Опыт работы комиссий партийного контроля на предприятиях Алма-Аты. Алма-Ата, 1965.

- ¹⁷ С. К. Жакупбеков. Подготовка и рост кадров МТС Казахстана в первой пятилетке. «Ученые записки КазГУ», т. 38, вып. 4 (Серия истории), 1959; О. Сарсенбаев. Подготовка кадров для животноводческих хозяйств в период первой и второй пятилеток. «Ученые записки КазПИ, серия общ.-полит.», т. XI (I), 1956; В. К. Сидоров. Из истории подготовки национальных кадров в 1921—1925 гг. (на материалах юга Казахстана). «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1959, вып. 3; К. Темиргалиев. Подготовка кадров квалифицированных рабочих-нефтяников в годы первой пятилетки. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1959, № 2.
- ¹⁸ А. Турсунбаев. Торжество идей пролетарского интернационализма в Казахстане. Алма-Ата, 1965; «Плоды великого содружества». Алма-Ата, 1968.
- ¹⁹ М. Козыбаев. Коммунистическая партия Казахстана в период Великой Отечественной войны. Алма-Ата, 1964; С. Бейсембаев, М. Козыбаев. Военно-организаторская деятельность Компартии Казахстана. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1965, вып. 4; Г. А. Шибанов. Работа Коммунистической партии Казахстана по обеспечению промышленности и транспорта кадрами рабочих в условиях Великой Отечественной войны. В кн.: «Некоторые вопросы истории Советского Казахстана». Алма-Ата, 1960; В. Я. Басин. Мероприятия партийной организации Казахстана по обеспечению тяжелой промышленности рабочими кадрами (1941—1945 гг.). «Ученые записки КазПИ, серия общ.-полит.», т. XV (3), вып. 2, 1958; его же. Партийно-политическая работа на предприятиях тяжелой промышленности Казахстана в период Великой Отечественной войны. «Ученые записки КазГУ», т. 53 (Серия историческая), вып. 9, 1962; Ж. Буранбаев. Партийные организации Казахстана в борьбе за подъем колхозного производства в первый год Великой Отечественной войны. «Ученые записки КазПИ, серия общ.-полит.», т. XV, вып. 1, 1958;
- ²⁰ «Богатство освоенной целины». Алма-Ата, 1960; «Борьба КПСС за освоение целины». По материалам межвузовской научной конференции, Алма-Ата, 1960; «Цвети целинный край». Сб. документов, статей, очерков. Алма-Ата, 1958; И. Шамшатов. Из опыта организаторской и политической работы на целине. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1962, № 2; И. Шамшатов. КПСС — организатор всенародной помощи Казахстану в освоении целинных земель. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1963, № 3; З. А. Голикова. Коммунистическая партия Казахстана в борьбе за упрочение и развитие социалистического общества. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1959, вып. 4; К. Абдвахитов. КПСС — организатор и вдохновитель союза рабочего класса и крестьянства. Алма-Ата, 1955 (на каз. яз.); К. Абдвахитов и К. Тулекеев. Из опыта партийного руководства сельским хозяйством. Алма-Ата, 1958 (на каз. яз.); А. Б. Турсунбаев. Колхозное крестьянство Казахстана. Алма-Ата, 1960.

- ²¹ Б. Н. Абишева. Пионеры будущего. Алма-Ата, 1960; Ф. К. Михайлов. Движение за звание бригад и ударников коммунистического труда в сельском хозяйстве Казахстана. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 10, 1961; «За коммунистический труд». Материалы научной сессии. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 19, 1963; А. Сармурзин. Партийное руководство движением за коммунистический труд в Казахстане. Алма-Ата, 1964.
- ²² В. М. Чернова. Роль местных Советов в общественном коммунистическом самоуправлении. Алма-Ата, 1963; ее же. Партийное руководство Советами. Алма-Ата, 1964; Г. В. Нечитайло. Организационно-массовая работа городских Советов Казахстана. Алма-Ата, 1957; А. Байшуаков. Культурно-просветительная работа сельских и аульных Советов. Алма-Ата, 1959; М. А. Аубакиров. Деятельность сельских и аульных Советов депутатов трудящихся в области социально-культурного строительства. Алма-Ата, 1964; Н. Алексеенко и С. Андреев. Этапы большого пути (из истории Восточно-Казахстанской комсомольской организации в 1926—1945 гг.). Усть-Каменогорск, 1958; А. Багрянцев. Из истории семиреченского комсомола (1918—1925). Алма-Ата, 1960; «Боевая молодость». Воспоминания первых комсомольцев Казахстана (1917—1925). Алма-Ата, 1958; «Рождение комсомола Семиречья». Сб. документов, материалов и воспоминаний, ч. 1, Алма-Ата, 1958; Н. Пивень. В суровые годы. Из истории формирования комсомольских организаций Казахстана (1917—1921 гг.). Алма-Ата, 1958; К. Малехонков. Кустанайская молодежь в годы Великой Отечественной войны. Кустанай, 1958; В. Салкиндер и В. Якушева. Комсомол Западно-Казахстанской области в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Уральск, 1960; А. Ахметов, М. Кузьмин-Закс, А. Рахимов. Профсоюзы Советского Казахстана. Алма-Ата, 1961; А. Аселкан. Участие профсоюзов Казахстана в социалистическом переустройстве сельского хозяйства в годы первой пятилетки. «Ученые записки Кустанайского гос. пед. ин-та», т. VI, 1961; Е. И. Сауткин. Профсоюзы в борьбе за развитие нефтяной промышленности Казахской ССР (1928—1937 гг.). Уфа, 1960; В. Пизиков. Идеологическая работа Восточно-Казахстанской областной партийной организации. Алма-Ата, 1965 и др.
- ²³ См.: И. Ф. Ульянов. М. В. Фрунзе на Туркестанском фронте. Фрунзе, 1960; А. С. Елагин. В. И. Чапаев в степях Западного Казахстана. Алма-Ата, 1959; Т. Елеуов. М. В. Фрунзе в Казахстане. Алма-Ата, 1962 (на каз. яз.); С. Н. Покровский. Куйбышев в Казахстане. Алма-Ата, 1963; К. П. Коржева. Революционная деятельность В. В. Куйбышева в Петропавловске в 1905—1907 годах (по материалам воспоминаний). «Ученые записки КазГУ», т. 48 (Серия историческая), вып. 7, 1961; К. П. Коржева. О роли М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева в героической обороне Уральска. «Ученые записки КазГУ», т. 31 (Серия истории), вып. 3, 1957; И. С. Кутяков. Василий Иванович Чапаев. М., 1958; Т. Б. Балакаев. Борец за власть Советов (о революционной деятельности А. Айтиева). Алма-Ата, 1960 (на каз. яз.). «Алибий Джангильдин». Документы и мате-

риалы. Алма-Ата, 1961; Е. Б. Бекмаханов. О революционной деятельности Токаша Бокина. «Ученые записки КазГУ», т. 38, вып. 4, 1959; Т. Жангельдин. Сакен Сейфуллин. Алма-Ата, 1965; К. Нурпеисов. Новые документы о Ф. М. Неусыпове. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1965, вып. 2; «Степной комиссар» (новые документы). «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1965, вып. 2; Д. Мергенчин и З. Шашкин. Токаш Бокин. Биографический очерк. Алма-Ата, 1958; А. Н. Нурканов. Амангельды Иманов — вождь и организатор восстания 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1957; Т. Ж. Шоинбаев. Алибий Джангильдин. Алма-Ата, 1957; «Деятели Октябрьской революции и гражданской войны в Казахстане». (Памятка). Алма-Ата, 1960; Х. Баймендин. Революционная деятельность Алибия Джангильдина. «Ученые записки КазГУ», т. 38, (Серия историческая), вып. 7, 1961; А. Нурканов, Х. Баймендин. Борцы за власть Советов в Казахстане. Алма-Ата, 1961; М. К. Козыбаев. Алибий Джангильдин — первый военный комиссар Степного края. Кустанай, 1957; А. Нурканов. Амангельды Иманов. Алма-Ата, 1958; П. М. Пахмурный и И. Митропольская. А. Шавров. Алма-Ата, 1966; Р. Сулейменов. Т. Жургенев. Алма-Ата, 1958; П. Тибектин. И. Кабулов. Алма-Ата, 1967; «Борьба за власть Советов в Кустанайских степях». Кустанай, 1959; «За власть Советов». Сб. статей и воспоминаний о борьбе за установление и упрочение Советской власти в Семипалатинской области. Семипалатинск, 1961; «Северо-Казахстанская область в 1917—1957 гг.» Сб. статей. Алма-Ата, 1957; «В огне революции (воспоминания участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Казахстане)». Алма-Ата, 1957; М. К. Сериков. Боевые годы. Воспоминания. Алма-Ата, 1960; «Казахстан в огне гражданской войны (воспоминания участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Казахстане)». Алма-Ата, 1960; «Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Туркестане». Воспоминания участников. Ташкент, 1957; Ш. Г. Утепов. Живая история. (Воспоминания). Алма-Ата, 1964; Е. Дильмухамедов, В. Турта. Отражение в мемуарных источниках рабочего движения в Казахстане в 1905—1907 гг. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1966, вып. 1.

²⁴ Т. Елеуов. Установление и упрочение Советской власти в Казахстане. Алма-Ата, 1961; его же. Как устанавливалась Советская власть в казахском ауле. Алма-Ата, 1967 (на каз. языке); С. Н. Покровский. Победа Советской власти в Семиречье. Алма-Ата, 1961; К. Нурпеисов. Советы Казахстана в борьбе за упрочение власти рабочих и крестьян. Алма-Ата, 1968 и др.

²⁵ М. Байкенов. Из истории участия железнодорожников Казахстана в установлении и упрочении Советской власти (1917—1918 гг.). «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 17, 1963; Е. А. Мозгунова. Революционная борьба рабочих Эмбенских нефтепро-

мыслов в период Великой Октябрьской революции. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1958, вып. 2; К. Нурпейсов. К истории Петропавловского Совета рабочих и солдатских депутатов в период Октябрьской революции. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 13, 1962; А. Оспанов. Из истории Аулиэтинского Совета солдатских депутатов (1917—1918 гг.). «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1962, № 2; его же. Участие солдатских масс в установлении Советской власти в городах Казахстана (1917—1918 гг.). «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 17, 1963; И. В. Русаков. Из истории Верненского Совета рабочих и солдатских депутатов (1917 — март 1918 года). «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 13, 1962; О. Сексенбаев. Осуществление советских законов о земле и первые шаги совхозного строительства в КазССР. «Ученые записки КазПИ, серия общ.-полит.», т. XIV (2), 1957; А. А. Чупеков. Первые мероприятия Советской власти по решению аграрного вопроса в Казахстане (1920—1925 гг.). «Ученые записки КазГУ», т. 48 (Серия историческая), вып. 7, 1961; Е. И. Войцеховский. Некоторые вопросы организации и деятельности уездных ревкомов Западного Казахстана. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1965, № 1.

- 26 А. Б. Турсунбаев. Нерушимая дружба русского и казахского народов. Алма-Ата, 1962; Ю. И. Романов. Военная и экономическая помощь Центральной России Казахстану в 1919—1920 годах. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 9, 1960; его же. Военная помощь Российской Федерации трудящимся Казахстана в первый период гражданской войны (1918—1919 гг.). «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1959, вып. 1; его же. Дружба, рожденная в борьбе. Алма-Ата, 1964.
- 27 «Великая Октябрьская социалистическая революция в Казахстане». Летопись событий. Алма-Ата, 1967.
- 28 С. Н. Покровский. Разгром иностранных интервентов и внутренней контрреволюции в Казахстане. Алма-Ата, 1967.
- 29 С. Л. Ковальский. Большевистское подполье Восточного Казахстана в борьбе с колчаковщиной. Алма-Ата, 1957; П. Пахмурный. Зауральный подпольный райком в тылу у белогвардейцев. «Партийная жизнь Казахстана», 1958, № 2; Г. Зарилов. В борьбе за власть Советов. Уральск, 1958 (на каз. языке); Х. Чурин. Дни борьбы. Алма-Ата, 1960 (на каз. языке); «За власть Советов». Сб. статей и воспоминаний о борьбе за установление и упрочение Советской власти в Семипалатинской области. Семипалатинск, 1961; «Северо-Казахстанская область в 1917—1920 гг.». Сб. статей, Алма-Ата, 1957; Ш. Утепов. Живая история. Алма-Ата, 1964 (на каз. языке); Х. Амиров. Этапы Октября. Алма-Ата, 1962 (на каз. языке); «За власть Советов». Кызыл-Орда, 1957 (на каз. языке) и др.
- 30 А. С. Елагин, В. С. Познанский. Интернационалисты в борьбе за власть Советов в Казахстане в начальный период гражданской войны. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1961, вып. 1; А. С. Такенов. Об участии

интернациональных бойцов в борьбе против белогвардейцев на Актюбинском фронте гражданской войны (1918—1919 гг.). «Тематический сборник по общественным наукам Министерства высшего и среднего специального образования Казахской ССР», вып. 1, Алма-Ата, 1962; А. С. Елагин, В. С. Познанский. Участие интернационалистов в борьбе за освобождение Советского Казахстана от колчаковщины. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1962, вып. 2.

- ³¹ А. С. Елагин. Социалистическое строительство в Казахстане в годы гражданской войны. Алма-Ата, 1966; П. Тугов. К вопросу о комбедах в Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1958, № 3; его же. Продовольственный вопрос в Казахстане в период Великой Октябрьской социалистической революции. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1959, № 3; Г. Ф. Дахшлейгер. К вопросу о продовольственной разверстке в Казахстане. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1957, № 2; А. С. Елагин. О деятельности революционных комитетов в Казахстане в годы гражданской войны. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 17, 1960.
- ³² «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане». Ташкент, 1967.
- ³³ С. Баишев. Победа социализма в Казахстане (очерки по теории и истории вопроса). Алма-Ата, 1961; М. К. Илюсизов. Минувшая капиталистическую стадию развития— к социализму. В кн.: «Годы великих свершений». Алма-Ата, 1960; «Закономерности перехода народов ранее отсталых стран к социализму (на примере Казахстана)». Алма-Ата, 1961; Д. Кшибеков. О закономерностях замены докапиталистических производственных отношений социалистическими (на примере Казахстана). Алма-Ата, 1963; «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана эпохи социализма». Алма-Ата, 1958; «Минувший капитализм (о переходе к социализму республик Средней Азии и Казахстана)». Сб. статей. М., 1961; С. А. Нейштадт. Социалистическое преобразование экономики Казахской ССР в 1917—1937 гг. (от докапиталистических отношений к социализму, минувший капитализм). Алма-Ата, 1957; «Некоторые вопросы истории Советского Казахстана (к 40-летию КазССР)». Алма-Ата, 1960; М. С. Джунусов. Об особенностях некапиталистического развития народов Средней Азии и Казахстана. «История СССР», 1961, № 4; А. Б. Турсунбаев. Победа в СССР ленинского учения о переходе отсталых народов к социализму. «Коммунист», 1959, № 7; А. Б. Турсунбаев. Торжество идей пролетарского интернационализма в Казахстане. Алма-Ата, 1965; С. Нурмухамедов, В. К. Савосько, Р. Сулейменов. Очерки истории социалистического строительства в Казахстане (1933—1940). Алма-Ата, 1966; «От средневековья к вершинам современного прогресса». М., 1965.
- ³⁴ Н. Джандильдин. Коммунизм и развитие национальных отношений. М., 1964; М. Сужиков. Социально-экономические проблемы национальной консолидации. Алма-Ата, 1968; Л. Карасаев. О политических и экономических предпосылках фор-

мирования казахской социалистической нации. «Вестник АН КазССР», 1957, № 10; его же. К вопросу о развитии экономической общности казахской социалистической нации. «Труды Ин-та философии и права АН КазССР», 1960, т. 4; Р. Х. Абдушукуров. Исторический опыт разрешения национального вопроса в республиках Средней Азии и Казахстана. М., 1962; С. З. Зиманов. Некоторые вопросы теории советской национальной государственности (по материалам республик Средней Азии и Казахстана). В кн.: «Материалы для обсуждения на Всесоюзной научной сессии, посвященной проблеме и закономерностям перехода ранее отсталых народов к социализму и коммунизму, минуя капитализм». Алма-Ата, 1962; Н. К. Кийкбаев. Казахская социалистическая нация — детище Великой Октябрьской социалистической революции. Алма-Ата, 1957; его же. Торжество ленинской национальной политики в Казахстане. Алма-Ата, 1968; С. Кульбаев. Ленинская национальная политика и ее осуществление в Казахстане. Алма-Ата, 1957.

- ³⁵ С. Е. Толыбеков, Л. А. Рахлис и М. Г. Исаева. Социалистическое переустройство казахского кочевого и полукочевого аула. «Народы Азии и Африки», 1961, № 5; М. Х. Шаумян. Из истории борьбы Коммунистической партии за перевод кочевых и полукочевых крестьянских хозяйств Казахстана на оседлость. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1962, № 3; его же. От кочевья — к социализму, Алма-Ата, 1965; Г. Ф. Дахшлейгер. К вопросу об экономике Казахской АССР накануне перехода к нэпу. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1956, № 2; его же. Аграрные реформы 1921—1922 гг. в Казахстане. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1958, № 2; его же. К характеристике социально-экономических отношений в казахском ауле. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 10. Алма-Ата 1961; его же. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921—1929 гг.). Алма-Ата, 1965; его же. Казахстан накануне нэпа. «Вопросы истории», 1966, № 8; его же. Из опыта строительства социализма в Казахстане и Средней Азии. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1966, № 4; его же. Из опыта истории оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств. СЗ, 1966, № 4; «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР (Материалы научной сессии)». М., 1963; Ф. П. Рыбаков, А. И. Кузнецов. О земельно-водной реформе 1921—1922 гг. в Семиречье. «Ученые записки КазПИ, серия общ.-полит.», т. XIV (2), 1957; О. Сексембаев. Осуществление советских законов о земле и первые шаги совхозного строительства в КазССР. «Ученые записки КазПИ, серия общ.-полит.», т. XIV (2), 1957 и др.

- ³⁶ А. Б. Турсунбаев. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата, 1957; его же. Колхозное крестьянство Казахстана. Алма-Ата, 1960; его же. Казахский аул в трех революциях. Алма-Ата, 1967; П. И. Антонов. Социалистическое сельское хозяйство Казахстана в годы второй пятилетки. «Ученые записки КазГУ», т. 36, серия экономическая, вып. 7, 1958; З. Аман

га и е в. Роль рабочего класса в социалистическом преобразовании аула и деревни Казахстана в первые годы массовой коллективизации сельского хозяйства (1929—1930 гг.). Уралск, 1957; С. Ивашкин. Роль советского рабочего класса в социалистическом преобразовании сельского хозяйства Казахстана. Алма-Ата, 1962; С. К. Жакупбеков. Машиноснабжение сельского хозяйства Казахстана в 20-е гг. «Ученые записки КазГУ», т. 48 (серия историческая), вып. 7, 1961; Г. Жуматов. Зарождение и развитие коллективного земледелия в Северном Казахстане в годы, предшествовавшие массовой коллективизации. «Ученые записки КазГУ», т. 42, вып. 2, 1959; И. Г. Пичугин. Шефская помощь текстильщиков республик Советского Востока в развитии хлопководства в годы первой пятилетки. «Ученые записки КазГУ», т. 38 (серия историческая), вып. 4, 1959; Ш. Юсупов. Оседание казахского кочевого и полукочевого населения. Алма-Ата, 1957; Т. А. Айтиев. Из истории кооперативного строительства в Казахстане в период восстановления народного хозяйства (1921—1925). «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 4, 1957; Ф. И. Колодин. ТОЗы в Казахстане в период первой и второй пятилеток. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 2, 1956; Н. Кузембаев. Подъем материального благосостояния и культурного уровня сельского населения Казахстана. Алма-Ата, 1964; О. Сексенбаев. Строительство совхозов в Казахстане (1917—1937). Алма-Ата, 1968 и др.

- 37 П. М. Алампиев. Ликвидация экономического неравенства народов Советского Востока и социалистическое размещение промышленности. М., 1958; Т. Шаукенбаев. Урало-Эмбенский нефтеносный район. Алма-Ата, 1960; Н. Н. Даулбаев. Из истории строительства Карагандинского угольного бассейна. «Ученые записки КазГУ», т. 53 (серия истории), вып. 9, 1962; его же. Из истории превращения Караганды в третью угольную базу СССР. «Ученые записки КазГУ», т. 20, 1956; его же. Развитие социалистического соревнования среди шахтеров Караганды в первой и начале второй пятилеток. «Ученые записки КазГУ», т. 31, вып. 3, 1957; его же. Развитие социалистического соревнования среди шахтеров Карагандинского угольного бассейна в послевоенный период. «Ученые записки КазГУ», т. 48 (серия истории), вып. 7, 1961; В. И. Кольцов. Развитие промышленности Казахстана. Алма-Ата, 1961; А. Ахметов, А. А. Байшин, А. Рахимов. Славный путь рабочего класса Казахстана. Алма-Ата, 1960; С. Б. Байтиков. Из истории рабочего класса и социалистического соревнования в цветной металлургии Казахстана (1929—1934 гг.). «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 4, 1957; Л. А. Пинегина. Из истории формирования рабочих кадров Прибалхашстроя (1930—1935 гг.). «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1961, вып. 3; Н. Г. Пичугин. Помощь рабочих Москвы Казахской республике в развитии промышленности (1929—1932 гг.). «Ученые записки КазГУ», т. 38 (серия историческая), вып. 7, 1961; А. В. Соловьев. Значение социалистического соревнования для развития цветной металлургии Казахстана (1935—1940 гг.). «Ученые записки КазГУ», т. 42 (серия истории), вып. 2, 1959 и др.

- ³⁸ А. Н. Нусупбеков. Формирование и развитие советского рабочего класса в Казахстане (1917—1940 гг.). Алма-Ата, 1966; его же. Формирование рабочего класса Казахстана в годы социалистического строительства. «История СССР», 1966, № 4; Б. Н. Абишева. Подъем культурно-технического уровня рабочих угольной промышленности Казахстана. Алма-Ата, 1965.
- ³⁹ Л. Пинегина. Медный гигант. Алма-Ата, 1963; Н. Пан. Соколовско-Сарбайский комбинат. (Очерк истории). Алма-Ата, 1966; А. Игенбаев. Карагандинский металлургический завод. (Очерк истории). Алма-Ата, 1966; Л. Пинегина, С. Федюкин. Джезказган — город меди. Алма-Ата, 1966 и др.
- ⁴⁰ См.: «Очерки истории народного хозяйства Казахской ССР». Алма-Ата, т. 1, 1960; т. 2, 1962; т. 3, 1963; «Развитие народного хозяйства Казахской ССР за 50 лет Советской власти». Алма-Ата, 1967.
- ⁴¹ «История государства и права Советского Казахстана», т. 1 (1917 — 1925), Алма-Ата, 1961; т. 2 (1926 — 1937), Алма-Ата, 1963; С. Сартанов. Образование и становление казахской советской государственности. Алма-Ата, 1960; А. Ш. Туганбаев. Октябрьская революция и развитие казахской советской национальной государственности. Алма-Ата, 1967 и др.
- ⁴² А. Н. Кучкин. Советизация казахского аула 1926—1929 гг. М., 1962; Г. Ф. Дахшлейгер. Красный караван ЦИК КазССР (1922 г.). «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1960, вып. 2; Г. Ф. Дахшлейгер. Из истории советского строительства в Казахстане. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1958, вып. 3; С. Кенжебаев. Укрепление местных органов Советской власти Казахстана в первые годы Октябрьской социалистической революции. «Ученые записки КазГУ», т. 54, вып. 12, 1963; М. Ж. Бейсенова. Что дала Советская власть женщине казашке. Алма-Ата, 1957; И. В. Захаров, Р. Д. Ходжаева. Претворение в жизнь ленинских идей о раскрепощении женщины (по материалам Казахстана). «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1960, вып. 2; Х. Сейтказиева и А. Жакетова. Наши сестры. Алма-Ата, 1961.
- ⁴³ А. И. Еренков. Возникновение и развитие социалистических земельных правоотношений в Казахской ССР. Алма-Ата, 1963; Г. В. Нечитайло. Деятельность сельских и аульных Советов по укреплению социалистической законности и охране прав граждан. Алма-Ата, 1959; М. А. Биндер. Федеративные отношения РСФСР и КазССР как средство прямой государственной помощи казахскому народу со стороны великого русского народа. «Труды сектора философии и права АН КазССР», вып. 2, 1957; его же. Государственно-правовые проблемы взаимопомощи советских народов. Алма-Ата, 1967; Г. Тайманов. Развитие советской государственности в Казахстане. М., 1956; Г. Сапаргалиев. Советское государство в борьбе за развитие социалистической культуры в Казахстане. Алма-Ата, 1957; М. Имашев. Роль советского государства в ликвидации экономического неравенства казахского народа. Алма-Ата,

1959; С. Байсалов. Водное право Казахской ССР. Алма-Ата, 1966; М. Сапаргалиев. История народных судов Казахстана. Алма-Ата, 1966; С. Тлепов. Хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная деятельность Адаевского ревкома. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1964, вып. 5.

- ⁴⁴ «Культура Советского Казахстана». Алма-Ата, 1957; «Наука в Казахстане за 40 лет Советской власти». Алма-Ата, 1957; И. Г. Пичугин. Роль русских ученых в изучении природных богатств Казахстана в период первой пятилетки. «Ученые записки КазГУ», т. 20, 1956; А. Кананин. Культурное строительство в Казахстане. Алма-Ата, 1964; А. И. Сембаев. Очерки истории казахской советской школы. Алма-Ата, 1958; его же. История развития советской школы в Казахстане. Алма-Ата, 1962; Р. Сулейменов. Развитие народного образования в Казахстане в годы второй и третьей пятилеток. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1959, вып. 2; его же. Из истории культурного строительства в Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1960, № 2; его же. Развитие высшего образования в Казахстане в годы второй и третьей пятилеток. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1961, вып. 2; Х. И. Бисенов, Р. Сулейменов. От средневековья к высотам социалистической культуры. В кн.: «Развитие социалистической культуры в союзных республиках». М., 1962; их же. Торжество ленинских идей о культурной революции. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1960, вып. 1; Х. Бисенов. У истоков культурного строительства в Казахстане. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1962, вып. 1; «Культурное строительство в Казахстане (1918—1932 гг.)». Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1965; М. Карагузов. Образование казахской советской интеллигенции. Алма-Ата, 1958 (на каз. языке); Х. Хабиев. Народное образование в Казахстане (1926—1932). «Халык мугалими», 1957, № 4 (на каз. языке); А. В. Затаевич. Записи, статьи, воспоминания. Вступ. статья Х. Хабиева. Алма-Ата, 1956; Ф. Михайлов. Профессионально-техническое образование в Казахстане (краткий исторический очерк). М., 1962.

- ⁴⁵ См.: «Наука в Казахстане за 40 лет Советской власти». Алма-Ата, 1957; «Наука Советского Казахстана, 1920—1960 гг.». Алма-Ата, 1960; «Октябрь и наука Казахстана». Алма-Ата, 1967 и др.

- ⁴⁶ «М. О. Ауэзову». Сборник статей к его шестидесятилетию. Алма-Ата, 1959; «Вопросы казахской советской литературы», т. 1, Алма-Ата, 1957; К. А. Джумалиев. Казахский эпос и вопросы истории казахской литературы, т. 1, Алма-Ата, 1958 (на каз. яз.); Е. С. Исмаилов. Акыны. Алма-Ата, 1957 (на каз. яз.); «Композиторы Советского Казахстана». Алма-Ата, 1958; «Музыкальная культура Казахстана». Сб. статей и материалов. Алма-Ата, 1955; «Некоторые вопросы казахской литературы». Сб. критических статей. Алма-Ата, 1957 (на каз. яз.); А. Нуркатов. Творческий путь С. Муканова. Алма-Ата, 1956; «Очер-

- ки казахской народной поэзии советской эпохи». Алма-Ата, 1955; «Очерки истории казахской советской литературы». М., 1960; «Русские о казахской литературе», Алма-Ата, 1957; «Труды отдела народного творчества Института языка и литературы АН КазССР», вып. 2, 1956; «Развитие социалистической культуры в союзных республиках». Сборник. М., 1962 и др.
- ⁴⁷ Р. Б. Сулейменов, Х. И. Бисенов. Социалистический путь культурного прогресса отсталых народов. Алма-Ата, 1967.
- ⁴⁸ Г. Абишев. Казахстан в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Алма-Ата, 1958; его же. Под знаменем Родины. М., 1967; Ф. Селиванов. Панфиловцы. М., 1958; М. Габдуллин. О друзьях-товарищах. Фронтные очерки. Алма-Ата, 1961; Б. Момыш-Улы. Фронтные встречи. Записки офицера. М., 1962; «Наш генерал». Алма-Ата, 1966 (на каз. языке); А. И. Кузнецов. Герои не умирают. Алма-Ата, 1964; В. Я. Басин. Тяжелая промышленность Казахстана в Великой Отечественной войне. Алма-Ата, 1965; П. С. Белан. Героический труд рабочего класса Северного Казахстана в годы Великой Отечественной войны. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 9, 1960; его же. Героический труд работников сельского хозяйства Северного Казахстана в годы Великой Отечественной войны. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 10, 1961; С. Н. Покровский, А. Байшин. Участие казахстанцев в Великой Отечественной войне Советского Союза. «Вестник АН КазССР», 1965, № 5; Т. Балакаев. Вклад колхозного крестьянства Казахстана в разгром гитлеровской Германии. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1965, № 5; Т. Балакаев, Н. Едыгенов. Ветераны партизанского движения. «Казахстан коммунист», 1965, № 4; «По путям-дорогам фронтовым». Алма-Ата, 1965; «В боях за Родину». Алма-Ата, 1966; «Казахстанцы-партизаны». Алма-Ата, 1965 (на русск. и каз. языках); Ж. Ишмуратов. Казахстанцы — участники обороны Ленинграда. Алма-Ата, 1965; Н. Шахов. Казахстанцы — герои Брестской крепости. Алма-Ата, 1964; Т. Балакаев, М. Машаков. Фронтные дороги. Алма-Ата, 1965 (на каз. языке); Т. Жангельдин. Дневник партизана. Алма-Ата, 1965; К. Кайсенов. Партизанской тропой. Алма-Ата, 1965; А. Оразов. Изменения в численности и составе рабочих в Казахстане в годы Отечественной войны. См.: Сборник соискателей и аспирантов. Алма-Ата, 1963, № 4; «Герои Советского Союза — казахстанцы», т. 1, 2, Алма-Ата, 1968; «Казахстан в Великой Отечественной войне». (Очерки), кн. 1, Алма-Ата, 1968 и др.
- ⁴⁹ Ф. К. Михайлов, И. Шамшатов. Народное движение за освоение целинных земель в Казахстане (1953—1960 гг.). Алма-Ата, 1964; Ф. К. Михайлов. Движение за звание бригад и ударников коммунистического труда в сельском хозяйстве Казахстана. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 10, 1961; «Народное движение за освоение целинных земель в Казахстане». Сб. документов и материалов. М., 1959; А. Б. Турсунбаев. Освоение целинных и залежных земель и его значение для коммунистического строительства в СССР. В кн.: «Материалы для обсуждения на сессии по истории советского крестьянства и

колхозного строительства в СССР». М., 1963; М. В. Ш и л о в. Местные Советы Казахстана — организаторы борьбы за подъем сельского хозяйства (на примере районов освоения целины). «Ученые записки КазГУ», т. 28, вып. 2, 1957; Ф. К. М и х а й л о в. Братское сотрудничество и взаимопомощь советских народов в освоении целинных земель. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1962, вып. 2; «10 лет освоения целины». Сб. статей. Алма-Ата, 1964; В. М. Л е в ч е н к о. Роль советского государства в освоении целинных и залежных земель. Алма-Ата, 1964; И. Л. П о р т н о й. Гвардейцы целины. Целиноград, 1963 и др.

- ⁵⁰ «История индустриализации Казахской ССР», т. 1, 2, Алма-Ата, 1967; «Коллективизация сельского хозяйства в Казахстане», т. 1, 2, Алма-Ата, 1967.

- ⁵¹ М. А х и н ж а н о в. О происхождении казахского народа. Алма-Ата, 1957 (на каз. языке); его же. К вопросу об этногенезе казахского народа. «Ученые записки КазГУ», т. 31, вып. 3 (серия историческая), 1957; Ю. А. З у е в. К вопросу о взаимоотношениях усуней и кангюй с гуннами и Китаем во второй половине I в. до н. э. «Известия АН КазССР, серия истории, экономики, философии и права», 1957, вып. 2; Ю. А. З у е в. К этнической истории усуней. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 8, 1960; его же. Тамги лошадей из вассальных княжеств, там же; его же. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам (бома, гуй, яньмо). «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 15, 1962; С. К. И б р а г и м о в, В. С. Х р а к о в с к и й. Махмуд Кашгарский о расселении племен на территории Казахстана в X веке. «Вестник АН КазССР», 1958, № 11; В. П. Ю д и н. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами (XIV—XVII вв.). «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1965, вып. 3; С. К. И б р а г и м о в. Некоторые данные к истории казахов в XV—XVI вв. «Известия АН КазССР, серия истории, экономики, философии и права», 1956, вып. 3; его же. Некоторые источники по истории Казахстана XV—XVI вв. «Вестник АН КазССР», 1956, № 9; его же. Сочинения Мас'уда бен Османи Кухистани «Тарих-и Абулхайр-хани». Перевод. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1956, вып. 3; его же. Из истории внешнеторговых связей казахов в XVIII в. «Ученые записки Ин-та востоковедения АН СССР», т. 19, 1958; его же. О некоторых новых сведениях по истории казахов. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1959, вып. 1 (на каз. языке); его же. «Шейбани-наме» Бинаи, как источник по истории Казахстана XVI в. «Труды сектора востоковедения АН КазССР», т. 1, 1959; его же. Еще раз о термине «казах». «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 8, 1960; его же. «Михман-наме» Бухара Рузбехани как источник по истории Казахстана XV—XVI вв. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 8, 1960; С. В о л и н. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине р. Таласа и смежных районах. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 8, 1960; В. С. К у з н е ц о в. Казахско-китайские торговые отношения в конце XVIII в.

(по китайским источникам). «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 15, 1962.

⁵² Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 5, 1958; Г. И. Семенюк. Рабство в Казахстане в XV—XIX вв. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 6, 1959.

⁵³ Т. М. Культелеев. Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955; С. З. Зиманов. Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958; его же. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX в. Алма-Ата, 1960; В. Ф. Шахматов. Основные черты казахской патриархально-феодальной государственности. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1959, вып. 3.

⁵⁴ «Казахско-русские отношения в XV—XVIII вв.», т. 1, Алма-Ата, 1961; «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв.», т. 2, Алма-Ата, 1964.

⁵⁵ Е. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России. М., 1957; С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1959; его же. Процесс присоединения казахских жузов к России в XVIII—XIX вв. и прогрессивные изменения в земельных отношениях у кочевников. «Труды Института экономики АН КазССР», т. 3, 1959; С. З. Зиманов. К вопросу о предпосылках и образовании Внутренней орды (XIX в.). «Вестник АН КазССР», 1956, № 1; В. Ф. Шахматов. К вопросу о расслоении казахского аула в первой половине XIX в. «Вестник АН КазССР», 1957, № 7; его же. К вопросу о причинах относительной застойности патриархально-феодальных отношений у кочевников. «Вестник АН КазССР», 1959, № 5; его же. О пастбищно-кочевой (земельной) общине у казахов. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 15, 1962; М. Турсунова. Из истории казахов Мангышлака в первой половине XIX века. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 11, 1961; ее же. Из истории казахов Мангышлака во второй половине XIX века. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 18, 1963; Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX в. М., 1960; С. З. Зиманов. К вопросу о прогрессивной роли присоединения Казахстана к России (по материалам Внутренней орды). «Труды КазГУ, серия юридическая», т. 2, 1956; Е. Б. Бекмаханов и Г. И. Семенюк. Казахи в крестьянской войне 1773—1775 гг. «Ученые записки КазГУ», т. 54, вып. 12, 1963; В. Я. Басин. О русско-казахских дипломатических отношениях в начале XVIII в. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1965, вып. 5; его же. О взаимоотношениях царской администрации с казахскими владельцами в 40-х гг. XVIII в., «Известия АН КазССР, серия общественная», 1967, вып. 3; его же. О сущности и формах взаимоотношений России и Казахстана в XVIII в. «Известия АН КазССР, серия общественная», 1968, № 5; А. Сабырханов. Российское подданство казахов в представлении казахской феодальной знати и царского правительства. «Известия АН КазССР, серия общественных наук»,

1965, № 6; его же. Из истории казахско-русских посольских отношений во второй половине XVII в., там же, № 2.

⁵⁶ Г. Ч. Чуланов. Промышленность дореволюционного Казахстана (историко-экономический очерк). Алма-Ата, 1960; Ц. Л. Фридман. Иностранный капитал в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1960; Е. Дильмухамедов, Ф. Маликов. Очерки истории рабочего класса дореволюционного Казахстана (вторая половина XIX — начало XX века). Алма-Ата, 1963; Ф. Маликов. Положение горнорабочих Казахстана во второй половине XIX в. «Известия АН КазССР, серия истории, экономики, философии и права», 1956, вып. 3; его же. Некоторые вопросы истории формирования рабочего класса в горной промышленности Казахстана во второй половине XIX в. «Известия АН КазССР, серия истории...», 1958, вып. 3; Е. Дильмухамедов. Формирование горнопромышленного пролетариата в районе Караганды. «Вестник АН КазССР», 1959, № 11; Е. А. Мозгунова. О численности и составе горнопромышленных рабочих в Казахстане накануне Октябрьской революции. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1959, вып. 2; М. Асылбеков. К истории формирования железнодорожного пролетариата в дореволюционном Казахстане. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1961, вып. 3.

⁵⁷ См.: А. А. Горячева. Исторические предпосылки основания города Верного. «Ученые записки КазГУ», т. 20, 1956; К. Туманшин. Экономическое развитие Петропавловска в начале XX века. «Ученые записки Кустанайского пединститута», т. 1 (серия истории), вып. 1, 1958; Э. И. Герасимова. К истории развития торговли в Уральске в дореволюционный период. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1964, вып. 5; «Алма-Ата — столица Казахской ССР». Алма-Ата, 1960; А. Дублицкий. Акмола — город славный. Акмолинск, 1959; Н. Чесноков. Уральску 350 лет. Алма-Ата, 1964; «Зыряновск за годы Советской власти». Зыряновск, 1957; «Семипалатинску 250 лет. (Исторический очерк)». Алма-Ата, 1968 и др.

⁵⁸ Б. Сулейменов. Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX — начале XX в. Алма-Ата, 1963; его же. Аграрный вопрос и национально-освободительное движение в Казахстане в годы первой русской революции. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1966, вып. 1; Е. Бекмаханов. Байское хозяйство и его особенности во второй половине XIX — начале XX в. В кн.: «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России». М., 1961; Л. М. Ауэзова. Развитие земледелия у казахов в последней четверти XIX в. «Известия АН КазССР, серия истории, экономики, философии и права», 1957, вып. 2; Т. К. Литвинова. К вопросу о формировании национального торгового капитала в Казахстане. «Ученые записки КазГУ», т. 28, вып. 2, 1957; П. Г. Галузо. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867 — 1914 гг. Алма-Ата, 1965; его же. О классовом расслоении Семиреченского казачьего войска. «Ученые записки КазГУ», т. 48, вып. 7, 1961; его же. Уйгурское и дунганское крестьян-

- ство в дореволюционном Семиречье. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 11, 1961; его же. Из истории аграрных отношений дореволюционного Семиречья (конец XIX — начало XX в.). В кн.: «Особенности аграрного строя России». М., 1962; «Казахстан в канун Октября». Сб. статей, Алма-Ата, 1968; С. Сундетов. Проникновение торгового капитала в казахский аул в начале XX в. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1962, вып. 2; его же. К вопросу о формировании казахского сельскохозяйственного пролетариата. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1960, № 3; В. Ф. Шахматов. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964.
- ⁵⁹ Е. Дильмухамедов. Революционное движение горнорабочих Казахстана в начале XX в. Алма-Ата, 1955; М. Асылбеков. Железнодорожники Казахстана в первой русской революции. Алма-Ата, 1965; Г. Сапаргалиев. Карательная политика царизма в Казахстане. Алма-Ата, 1966; Е. Бекмаханов. Рабочее движение в Казахстане в период первой русской революции. В кн.: «Из истории рабочего класса и революционного движения в период империализма». М., 1958; «Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг.». Сб. док. и материалов, Алма-Ата, 1955; «Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 гг.». Сб. док. и материалов, Алма-Ата, 1957; Е. Б. Бекмаханов. Крестьянское движение в Казахстане в период первой русской революции. «Халық мугалими», 1955, № 7 (на каз. яз.); Г. Ф. Дахшлейгер. Омско-Петропавловская стачка железнодорожников в феврале 1907 г. «Известия АН КазССР, серия истории, экономики, философии и права», 1957, вып. 1; Н. П. Калистратов и Р. Ф. Смирнова. Солдаты воинских гарнизонов и частей Казахстана в революции 1905—1907 гг. «Ученые записки КазГУ», т. 31, вып. 3, 1957; Р. Ф. Смирнова. Забастовка рабочих Успенского рудника в декабре 1905 г. «Ученые записки КазГУ», т. 38, вып. 4, 1959; М. Асылбеков. Революционные прокламации 1905 г. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1960, вып. 3 (на каз. языке); К. П. Коржева. Революционная деятельность В. В. Куйбышева в Петропавловске в 1905—1907 гг. «Ученые записки КазГУ», т. 48, вып. 7, 1961.
- ⁶⁰ «Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане». Сб. документов. М., 1960.
- ⁶¹ Х. Т. Турсунов. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962.
- ⁶² И. Алтынсарин. Избранные сочинения. Алма-Ата, 1957; Ч. Ч. Валиханов. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958.
- ⁶³ Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений, т. 1, Алма-Ата, 1961; т. 2, 1962; т. 3, 1964; т. 4, 1968.
- ⁶⁴ К. Бейсембиев. Мировоззрение Абая Кунабаева. Алма-Ата, 1956; его же. Из истории общественной мысли Казах-

стана второй половины XIX в. (Ч. Валиханов, И. Алтынсарин). Алма-Ата, 1957; А. Х. Маргулан. Новые материалы о Чокане Валиханове. «Вестник АН КазССР», 1957, № 12; его же. Чокан Валиханов по отзывам русских современников. «Вопросы истории», 1967, № 4; Е. Б. Бекмаханов. Новые материалы к творческой биографии Абая Кунанбаева. «Ученые записки КазГУ», т. 38, вып. 4, 1959; Д. И. Дулатова. К истории изучения научного наследия Чокана Валиханова. «Ученые записки КазГУ», т. 48, вып. 7, 1961; С. Я. Булатов. К вопросу о государственных и правовых воззрениях Чокана Валиханова. «Вестник АН КазССР», 1956, № 3; К. Исхаков. Чокан Валиханов о реакционной роли ислама. «Труды сектора философии и права АН КазССР», т. 2, 1957; Д. К. Кабдиев. К изучению социально-экономических воззрений Чокана Валиханова (работа Ч. Валиханова «Дикокаменная орда»). «Ученые записки КазГУ», т. 36, вып. 3, 1958; Л. В. Дюков. Чокан Валиханов — последователь Н. Г. Чернышевского. «Ученые записки КазГУ», т. 49, вып. 6, 1960; Г. Исхаков. Ч. Валиханов — исследователь этнографии уйгуров. «Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», 1961, вып. 2; Н. Атишев, С. Зиманов. Политические взгляды Ч. Валиханова. Алма-Ата, 1965; А. Х. Маргулан. Вновь открытый друг Ч. Валиханова. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1965, вып. 3; Э. Масанов. Новые материалы о Ч. Валиханове, там же, 1964, № 1; его же. М. Ибрагимов — друг Ч. Валиханова. «Вестник АН КазССР», 1964, № 9; К. Бержанов. Русско-казахское содружество в развитии просвещения. Алма-Ата, 1965; Т. Тажибаев. Развитие просвещения и педагогической мысли в Казахстане во второй половине XIX в. Алма-Ата, 1958; его же. Просвещение и школа в Казахстане во второй половине XIX в. Алма-Ата, 1962.

⁶⁵ К. Бейсембиев. Идеино-политические течения в Казахстане в конце XIX — начале XX века. Алма-Ата, 1961; его же. Прогрессивно-демократическая и марксистская мысль в Казахстане в начале XX в. Алма-Ата, 1965; С. Имашев. Распространение марксистской и демократической печати в Казахстане в период первой русской революции 1905—1907 гг. «Труды Казфилиала ИМЛ», т. V, 1956; его же. Зарождение коммунистической печати в Казахстане. Алма-Ата, 1961; К. Киреева-Канафиева. Дореволюционная русская печать о Казахстане. Алма-Ата, 1963; Х. Бекхожин. Пути развития казахской печати. Алма-Ата, 1964 (на каз. яз.); А. Янушкевич. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Пер. и ред. Ф. Стекловой. Алма-Ата, 1967.

⁶⁶ См.: «Образование Казахской АССР». Алма-Ата, 1957, стр. 271.

⁶⁷ С. А. Федюкин. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965; Ким Сын-Хва. Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата, 1965; Т. Найзагарин. Английская военная интервенция в Закаспии. «Ученые записки КазГУ», т. 47, вып. 6, 1960; К. П. Коржева. Роль самарского пролетариата в разгроме дутовщины. «Вестник АН КазССР», 1954, № 7; Н. П. Калистратов. М. И. Калинин на Восточном фронте. «Ученые записки КазГУ», т. 38, вып. 4, 1959.

- ⁶⁸ А. Н. Зайкин. Борьба Компартии Великобритании за укрепление англо-советского единства в начале Отечественной войны. «Ученые записки КазГУ», т. 39, вып. 5, 1959; его же. Выдающаяся победа Советской Армии под Москвой в 1941—1942 гг. и политика правящих кругов Великобритании, там же; его же. К вопросу о планах создания «восточно-европейской федерации» в годы второй мировой войны, там же, т. 47, вып. 6, 1960; Р. К. Каиргельдин. Роль США в развертывании агрессии против КНДР. «Ученые записки КазГУ», т. 31, вып. 3, 1957; его же. Экономическое положение Южной Кореи после второй мировой войны, там же, т. 39, вып. 5, 1959; А. А. Алиев. Великая Октябрьская социалистическая революция и подъем национально-освободительного движения народов Востока. «Коммунист Казахстана», 1957, № 3; Б. Д. Даришев. Маркс, как историк Парижской коммуны. «Ученые записки КазПИ», т. 39, вып. 5, 1959; Я. Д. Серовайский. Изменение аграрного строя на территории Бургундии в V в. «Средние века». М., 1958, вып. 14; его же. Черты общинной системы измерения полей во французских документах IX—XII вв. «Ученые записки КазГУ», т. 20, 1956; его же. К вопросу о возрастании ренты при феодализме, там же, т. 31, вып. 3, 1957; его же. Манс и надел зависимого крестьянства во Франции по материалам клюнийских грамот, там же, т. 47, вып. 6, 1960; его же. Об основном экономическом законе феодализма. ВИ, 1955, № 2 и др.
- ⁶⁹ «За коммунистический труд» (материалы научной сессии). «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 19, 1963.

ГЛАВА V

- ¹ А. П. Чулошников. К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII—XVIII вв. «Известия АН СССР, Отделение общественных наук», 1936, № 3; В. Ф. Шахматов. К вопросу о сущности и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1951, № 7; его же. О формах феодальной эксплуатации в Казахстане в XIX в. «Вестник АН КазССР», 1951, № 11; его же. Земельные отношения во Внутренней (Букеевской) орде в начале XIX в. «Известия КазФАН СССР, серия историческая», 1940, вып. 1; его же. Институт тюленгутства в патриархально-феодальном Казахстане. «Известия АН КазССР, серия истории, философии, экономики и права», 1955, вып. 2; С. Е. Толыбеков. О некоторых вопросах экономики дореволюционного кочевого аула казахов. «Вестник АН КазССР», 1951, № 8; С. В. Юшков. К вопросу о феодальной собственности в досоветском Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1951, № 9; «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955; Ф. Жеребятьев. К вопросу об особенностях феодальных отношений в дореволюционном Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1951, № 10; С. З. Зиманов. К вопросу о праве феодальной собственности в Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1952, № 4; его же. О патриархально-феодальных отношениях у кочевников-скотоводов. ВИ, 1955,

- № 12; И. Я. Златкин. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов. ВИ, 1955, № 4; А. Еренгов. К вопросу о праве феодальной собственности в дореволюционном Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1953, № 5; С. З. Зиманов и А. Еренгов. О характере феодальной собственности на землю в Казахстане. «Труды Алма-Атинского юридического института», т. 1, Алма-Ата, 1955; В. С. Батраков. Особенности феодализма у кочевых народов. В кн.: «Научная сессия АН УзССР», Ташкент, 1947; его же. О воспроизводстве родовых отношений у кочевых народов Средней Азии в эпоху феодализма. «Известия АН УзССР», 1949, № 3; Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. ВИ, 1954, № 2.
- ² С. З. Зиманов. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958; С. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках. Алма-Ата, 1959; А. Е. Еренгов. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961; его же. Возникновение и развитие социалистических земельных правоотношений в Казахской ССР. Алма-Ата, 1963; С. И. Ильясов. Земельный вопрос в Киргизии в конце XIX — начале XX в. Фрунзе, 1963 и др.
- ³ См.: А. Б. Турсунбаев. К вопросу о советизации казахского аула. «Известия АН КазССР, серия историческая», 1948, вып. 4; ВИ, 1948, № 6.
- ⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 244.
- ⁵ Г. Т. Тайманов. Развитие советской государственности в Казахстане. М., 1956; Н. Кийкбаев. Торжество ленинской национальной политики в Казахстане. Алма-Ата, 1957; С. А. Нейштадт. Социалистическое преобразование экономики КазССР в 1917—1937 г. Алма-Ата, 1957; «Советское строительство в аулах и селах Семиречья, 1921—1925 гг.» Сб. документов и материалов, ч. 1, Алма-Ата, 1957; «Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана эпохи социализма». Алма-Ата, 1958; «История Казахской ССР. Эпоха социализма», т. 2, Алма-Ата, 1959; А. П. Кучкин. Советизация казахского аула. М., 1962; «История Казахской ССР. Эпоха социализма». Алма-Ата, 1963; Л. О. Утегенов. О классовой борьбе, как закономерности социалистического строительства на примере казахского аула. «Вестник АН КазССР», 1958, № 4; А. П. Кучкин. Рецензия на «Историю Казахской ССР. Эпоха социализма» (Алма-Ата, 1959). «История СССР», 1960, № 4; «Письмо казахских историков». «История СССР», 1962, № 2 и ответ А. П. Кучкина (там же); Г. Ф. Дахшлейгер, Т. Жангельдин. К вопросу о советизации казахского аула. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1964, № 1.
- ⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 128.
- ⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 132.

⁸ См.: «Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана эпохи социализма». Алма-Ата, 1958; В. К. Сидоров. К вопросу о деятельности партийных организаций в проведении земельно-водной реформы в южных областях Казахстана 1921—1922 гг. «Ученые записки КазГУ», т. 35, вып. 1, 1957; Г. Ф. Дахшлейгер. К истории аграрных реформ в Казахстане (1921—1928 гг.). «Вестник АН КазССР», 1958, № 10; А. А. Чупек. Передел сенокосных и пахотных угодий в Казахстане (1926—1928 гг.). «Ученые записки КазГУ», т. 38 (серия истории), вып. 4, 1959; его же. Первые мероприятия Советской власти по решению аграрного вопроса в Казахстане (1920—1925 гг.). «Ученые записки КазГУ», т. 48 (серия истории), вып. 7, 1961; С. Б. Баишев. Победа социализма в Казахстане. Алма-Ата, 1962; Г. Ф. Дахшлейгер. К характеристике социально-экономических отношений в казахском ауле. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 10, 1961; его же. О характере социально-экономических преобразований в казахском ауле в 1921—1928 гг. «История СССР», 1961, № 6; «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР». М., 1963.

⁹ См.: «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 21.

¹¹ «Программа КПСС». М., 1962, стр. 24.

¹² П. П. Никишов. Из истории краха левых эсеров в Туркестане. Фрунзе, 1965.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 3, стр. 16 (Примечание).

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	5
Глава I. В. И. Ленин и некоторые проблемы казах- станской историографии	12
Глава II. Становление науки	30
Глава III. Новый этап в развитии исторических зна- ний	54
Глава IV. Успехи казахстанской историографии на современном этапе	74
Глава V. Дискуссии и малоизученные проблемы	116
Заключение	152

6 2 5 2 2 4

Дахшлейгер Григорий Федорович
ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКОГО
КАЗАХСТАНА

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова
Академии наук Казахской ССР*

Редактор *Н. Н. Королева*
Худож. редактор *И. Д. Суших*
Художник *В. А. Векслер*
Техн. редактор *П. Ф. Алфёрова*
Корректор *Р. Ф. Шилова*

Сдано в набор 14/III 1969 г. Подписано к печати 16/V 1969 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Усл. печ. л. 9,89. Уч.-изд. л. 11. Тираж 1850. УГ02449.
Цена 80 коп.

Типография издательства «Наука»
КазССР, г. Алма-Ата, ул. Шевченко, 28. Зак. 36.

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

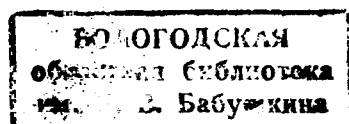
ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

6

Ноябрь — Декабрь

1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва

Г. Ф. Дахшлейгер

К ИСТОРИИ ОБЪЕДИНЕНИЯ КАЗАХСКИХ ЗЕМЕЛЬ В КАЗАХСКОЙ ССР

Национально-государственное размежевание советских республик Средней Азии и образование братских среднеазиатских республик, добровольно вошедших в Союз ССР, явилось воплощением в жизнь ленинских идей о национально-государственном строительстве в социалистическом государстве. Одним из этапов национального размежевания был переход части территории Туркестанской АССР, населенной преимущественно казахами, в Казахскую АССР (образованную еще в 1920 г. в составе РСФСР¹), завершивший объединение земель с преобладающим казахским населением в одной советской социалистической республике. В статье рассмотрены лишь некоторые стороны этого процесса.

Мысль К. Маркса о том, что не может быть свободен народ, угнетающий другой народ, основана на обобщении истории наций и народностей всего земного шара. В. И. Ленин, продолживший и развивший марксизм применительно к новым историческим условиям, создал стройное, глубоко продуманное учение по национальному вопросу. Одним из краеугольных камней этого учения является положение о праве наций на самоопределение. В. И. Ленин и Коммунистическая партия, постоянно учитывая неодолимое стремление народов к уничтожению национального гнета, последовательно проводили в жизнь право наций и народностей на самоопределение независимо от их численности и уровня социально-экономического развития, понимая, что это создаст условия для настоящего взаимного доверия, союза рабочих и трудящихся крестьян разных наций под руководством рабочего класса, породит тягу к добровольному объединению народов. Более чем полувековой опыт Союза ССР целиком подтвердил всемирно-историческую значимость ленинского положения о праве наций на самоопределение, доказал жизненную силу ленинской национальной политики Коммунистической партии Советского Союза.

Задолго до Великого Октября определилось стремление казахского, узбекского и других народов Средней Азии, обладавших богатой, самобытной историей, культурой и традициями, к самоопределению. Царизм создал в казахско-среднеазиатском регионе казенно-бюрократическое, лоскутное административно-территориальное деление, искусственно разорвавшее этнические территории, что отвечало неписаному закону всех эксплуататорских классов — «разделяй и властвуй». Такая политика сдерживала социально-экономическое и культурное развитие народов Средней Азии и Казахстана. Однако и тогда объективные закономерности исторического прогресса проявлялись в процессах национальной консолидации и росте национально-освободительного движения народов колониальных восточных окраин Российской империи. Принятая ленинской

¹ См. А. Нусупбеков, Объединение казахских земель в Казахской АССР, Алмата, 1953. До 1925 г. Казахская АССР именовалась Киргизской АССР, так как было еще распространено установившееся в дореволюционной России неправильное название народа этого региона киргизами и киргиз-казаками. В тексте мы приводим исторически правильные этнонимы. Цитируя документы того периода, после слов «киргиз», «киргизский» мы указываем в круглых скобках названия «казах», «казахский».

партий программа, поставившая задачу социального и национального освобождения народов многонациональной России, провозгласившая право наций на самоопределение, и борьба с ревизионистами, пытавшимися подменить этот лозунг лозунгом так называемой культурно-национальной автономии, способствовали тому, что «в тогдашней России национальное освободительное движение поднималось в связи с рабочим движением»². В конечном счете, преодолев все иллюзии, внушавшиеся национальной патриархально-феодалной и буржуазной эксплуататорской верхушкой, национально-освободительное движение народов России, в том числе и народов Средней Азии и Казахстана, в период Великой Октябрьской социалистической революции слилось с социалистическим движением российского пролетариата, с крестьянским движением за землю, с общедемократическим движением за мир.

Уже II Всероссийский съезд Советов в обращении «К рабочим, солдатам, крестьянам» заверил трудящихся, что Советская власть обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение³. «Декларация прав народов России» с новой силой подчеркнула принцип свободного самоопределения наций и народностей вплоть до отделения и образования самостоятельных государств и провозгласила равенство и суверенитет, а также объявила об отмене всех национальных и национально-религиозных привилегий.

Особое значение для народов Средней Азии и Казахстана имело обращение Советского правительства в 1918 г. «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», где говорилось: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются мощью революции и ее органов — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»⁴.

После победы социалистической революции в Казахстане и большинстве районов Средней Азии началась подготовка к реализации ленинского лозунга о праве наций и народностей на самоопределение. Националистические партии и организации, такие, как «Улема», «Шуро-и-Исламия», «Алаш», «Кокандская автономия», контрреволюционное правительство «Алаш-Орды» и др., чинили препятствия осуществлению национальной политики Советского государства и пытались добиться создания буржуазной автономии, рассчитанной прежде всего на отделение народов Средней Азии и Казахстана от революционной России. Но им это не удалось.

30 апреля 1918 г. при прямой поддержке В. И. Ленина была образована Туркестанская Советская Республика, как часть Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Образование ТуркАССР в составе РСФСР (в нее входили территория современных Ферганы, Самаркандской и Ташкентской областей, Киргизии, значительная часть Туркмении, Каракалпакии, южная и юго-восточная части Казахстана) явилось важным этапом в истории советского национально-государственного строительства в Средней Азии и Казахстане. Создались предпосылки для образования здесь впоследствии советских социалистических национальных республик. ТуркАССР была многонациональной республикой. Незадолго до национального размежевания, по статистическим сведениям, узбеки составляли в ней примерно 41,4%, казахи — 19,3%, киргизы — 10,8%, таджики — 7,7%, туркмены — 4,7%, каракалпаки — 1,4% населения⁵.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 323.

³ Там же, т. 35, стр. 11.

⁴ «Декреты Советской власти», М., 1957, ч. I, стр. 114.

⁵ См. «Статистический ежегодник», 1917—1923 гг., Ташкент, 1924, стр. 111.

26-августа 1920 г. декретом СНК и ВЦИК РСФСР за подписями В. И. Ленина и М. И. Калинина была образована Казахская АССР в составе РСФСР. Она охватывала всю территорию современного Казахстана без южных и юго-восточных его районов, еще оставшихся в ТуркАССР. Казахи составляли 46% всего населения КазАССР.

Иногда возникает вопрос: почему сразу же после победы социалистической революции не были образованы Узбекская, Туркменская, Таджикская, Каракалпакская республики? Практика советского национально-государственного строительства доказала правильность продуманного, осторожного подхода к проблеме национального размежевания народов Средней Азии. Необходимо было известное время, чтобы разгромить объединенные силы внутренней контрреволюции, сломить басмачей, которых поддерживали иностранные интервенты, чтобы созрели условия для свержения средневековых деспотических режимов в Бухаре и Хорезме, а в дальнейшем и для преобразования Бухарской и Хорезмской народных советских республик в социалистические. Требовалось время, чтобы закрепить в Средней Азии завоевания Октября, укрепить советский строй, крестьянские Советы, приспособленные к докапиталистической структуре, установить на деле новую систему равноправных национальных отношений, как можно шире и глубже вовлечь коренное население Средней Азии в советское государственное строительство, поднять классовое самосознание трудящихся, решить самые неотложные задачи восстановления народного хозяйства. Наконец, необходимо было точно установить характер этнического расселения народов и подготовить размежевание с учетом, как учил Ленин, не только национального, но и экономического факторов, типа хозяйства, роли крупных по тому времени городов как политических и экономических центров больших районов. В определении расселения народов немалую роль сыграли этнографы, среди них А. А. Диваев (1856—1932), руководивший этнографическими экспедициями в казахских районах ТуркАССР. Большая работа предшествовала образованию Казахской АССР. Отвергнув буржуазно-националистическую автономию «Алаш-Орды», казахские трудящиеся начали решительную борьбу за советскую автономию в составе Российской Федерации. Особенно отчетливо стремление к казахской советской автономии в составе РСФСР проявилось весной 1918 г. на Тургайском областном съезде Советов (в его работе участвовали один из первых казахов-большевиков, встречавшийся с Лениным, Алиби Джангильдин, и народный герой Амангельды Иманов). Подготовка к образованию казахской советской государственности не прерывалась и в труднейшие годы иностранной интервенции и гражданской войны, когда большая часть территории Казахстана была оккупирована белогвардейцами.

Работой по подготовке к созданию казахской советской автономии непосредственно руководили ЦК РКП(б) во главе с В. И. Лениным, Народный комиссариат национальностей и его Казахский отдел, многие представители казахских трудящихся. 10 июля 1919 г. по декрету СНК РСФСР, подписанному В. И. Лениным, был образован «Революционный комитет по управлению Киргизским (Казахским) краем»⁶, которому особо вменялось в обязанность составление положения о казахской советской автономии, урегулирование отношений с ТуркАССР с целью созыва съезда Советов всех казахских областей. Предполагалось прежде всего решить вопрос о переходе районов с преобладающим казахским населением в Казахскую АССР.

⁶ «Образование Казахской АССР. Сборник документов и материалов», Алма-Ата, 1957, стр. 122—131.

Подготовка Учредительного съезда Советов Казахской АССР широко развернулась с весны 1920 г., после окончания военных действий на территории Казахстана. На проходивших в это время местных съездах Советов казахские трудящиеся приветствовали национальную политику Коммунистической партии, удовлетворяющую их стремление к самоопределению и образованию советской национальной республики. Характерна в этом отношении следующая выдержка из телеграммы Актюбинского уездного съезда Советов В. И. Ленину и М. И. Калинину от 13 мая 1920 г.: «Шлем Вам привет от благодарного Вам киргизского (казахского) трудового населения, получившего свободу и право на самостоятельное национальное существование от Советской власти»⁷.

Важную роль в подготовке размежевания и объединения казахских земель сыграла созданная в октябре 1919 г. по инициативе В. И. Ленина Турккомиссия ВЦИК и СНК РСФСР (обладавшая полномочиями и партийного органа). В постановлении об образовании Турккомиссии говорилось, что «самоопределение народов Туркестана и уничтожение всяческого национального неравенства и привилегии одной национальной группы за счет другой составляют основу всей политики правительства России»⁸. Важную роль в решении этих проблем сыграло также Туркбюро РКП(б).

В «Положении об автономии Туркестана», принятом весной 1920 г., в тезисах крайкома КП Туркестана отмечалась необходимость национального самоопределения народов, населяющих республику, в том числе воссоединения казахского народа в Казахской АССР⁹.

При разработке постановления ЦК РКП(б) «Об очередных задачах РКП(б) в Туркестане» Ленин дал следующие указания: «1) Поручить составить карту (этнографическую и проч.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению.

2) Детальнее выделить условия слияния и разделения этих 3 частей» (13 июня 1920 г.).

Несколько позднее, 22 июня 1920 г., В. И. Ленин в «Проекте постановления Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о задачах РКП(б) в Туркестане» подчеркнул: «...деления республики на 3 части не предпринимать»¹⁰. Как видим, В. И. Ленин считал необходимым всесторонне учитывать всю совокупность экономических и социальных факторов, особенностей расселения, чтобы получить точное представление о воле трудящихся разных национальностей¹¹.

Летом 1920 г. интенсивно шла подготовка к созыву Учредительного съезда Советов Казахской АССР и провозглашению казахской советской автономии. Причем уже тогда намечалось создание условий для объединения всех казахских областей в КазАССР. На заседаниях коллегии Народного Комиссариата национальностей, где обсуждался с представителями партийных и советских организаций Казахстана и Средней Азии вопрос об образовании Казахской республики (последнее заседание проходило под председательством В. И. Ленина), было записано: «Мнения всех сходились на необходимости создания Киргизской (Казахской) Республики, охватывающей все киргизские (казахские) области»¹².

⁷ Центральный государственный архив (далее ЦГА) КазССР, ф. 1193, оп. 1, д. 16, л. 205 об.

⁸ «В. И. Ленин, О средней Азии и Казахстане», Ташкент, 1960, стр. 455.

⁹ Х. Т. Турсунов, Национальная политика Коммунистической партии в Туркестане, Ташкент, 1971, стр. 194.

¹⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 153, 436.

¹¹ С. И. Якубовская, Развитие СССР как союзного государства, М., 1972, стр. 78, 79.

¹² См. сборник документов «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и образование Казахской АССР», Алма-Ата, 1947, стр. 247, 248.

В декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 26 августа 1920 г. об образовании Казахской АССР ясно говорилось, что казахские области остаются в составе ТуркАССР временно и вводится институт уполномоченного КазЦИК в ТуркЦИКе¹³.

Материалы Учредительного съезда Советов КазССР (4—12 октября 1920 г.) убедительно раскрывают жизненную силу ленинской идеи самоопределения, тягу казахского народа к воссоединению.

Сошлемся на выдержки из постановлений съезда¹⁴. Так, в воззвании к угнетенным народам Востока съезд записал, что «Советская Россия показала перед всем миром, что она не на словах, как Вильсон, а на деле дает возможность народам, бывшим угнетенными царской Россией, самим определить свою судьбу. Она осуществляет право наций на самоопределение. Без всякой борьбы с нашей стороны, только *на основании выраженного желания киргизского (казахского) народа* (курсив наш.— Г. Д.) организуем мы сейчас нашу Советскую республику». Рассматривая перспективы административно-территориального устройства республики, съезд отметил: «Вопрос о присоединении к К[А]ССР киргизского (казахского) населения, входящего в настоящее время в состав Туркестанской республики, должен быть разрешен согласно волеизъявлению населения, выраженному по Семиреченской области на областном съезде Советов, в остальных местностях на уездных съездах Советов. Порядок опроса населения в уездах со смешанным племенным составом населения устанавливается по соглашению представительства К[А]ССР в ТуркАССР и ТуркЦИКе.

Чересполосные присоединения признать нежелательными».

Обращение съезда «Ко всем автономным республикам и областям Российской Федерации» гласило: «Мы, трудящиеся Киргизии (Казахстана), отдаем себе ясный отчет во всех происходящих событиях и заявляем: ради своего светлого будущего, ради освобождения всех угнетенных и обездоленных, киргизский (казахский) народ должен вступить в почетные ряды Российской Советской Федерации... встать в великой борьбе плечом к плечу с российским пролетариатом и общими силами добиться освобождения всех трудящихся, всех угнетенных и эксплуатируемых».

Ясно отразил стремление казахских трудящихся Джетысу (Семиречья) и Сыр-Дарьинской области ТуркАССР к воссоединению с Казахской АССР также краевой съезд казахской и киргизской бедноты ТуркАССР в Аулие-Ата (ныне г. Джамбул), состоявшийся в январе 1921 г. Около 700 делегатов, представляющих казахское трудящееся население этих областей, единодушно постановили: «Присоединить туркестанских киргиз (казахов) к Кирреспублике (КазАССР)»¹⁵. Реализовать это постановление было поручено Центральным исполнительным комитетам обеих республик. Вместе с тем этот вопрос на съезде не был решен окончательно, поскольку тогда в Туркестане проводилась земельная реформа. Представители народа проявили действительно государственное отношение к вопросу о воссоединении казахов в одной республике: они подчеркнули необходимость воссоединения и вместе с тем

¹³ Впоследствии вместо поста уполномоченного было введено представительство КазАССР при ТуркЦИКе и принят наказ, в котором одной из главных задач представительства считалось согласование всех вопросов, касающихся жизни и быта казахского населения Туркеспублики, учитывая наличие в составе Туркеспублики областей с преобладающим киргизским (казахским) населением, тесно связанным с таким же населением Кирреспублики (КАССР). См. ЦГА КазССР, ф. 5, оп. 3, д. 2, л. 33.

¹⁴ См. «Образование Казахской АССР. Сборник документов и материалов», стр. 262, 264, 265, 294.

¹⁵ См. сборник документов и материалов «Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период», Алма-Ата, 1962, стр. 53.

понимали, что нельзя форсировать его искусственно, и действовали в интересах аульных тружеников, глубоко заинтересованных в уже начавшейся земельно-водной реформе, призванной ликвидировать колониальное наследие в земельных отношениях. Реформа была осуществлена в 1921—1922 гг.; она установила полное национальное равенство в землепользовании, сыграла важную роль в развитии классового самосознания казахских трудящихся и в подготовке воссоединения казахов.

ТуркАССР и КазАССР согласовывали все крупные социальные преобразования, затрагивающие коренные интересы казахского народа. Например, при участии правительства РСФСР были подготовлены и получили силу государственных законов положения о мерах по ускорению оседания кочевого и полукочевого населения как в КазАССР, так и в ТуркАССР¹⁶. В ТуркАССР массовым тиражом выходили газеты, журналы и книги на казахском языке, создавались школы, обучавшие казахских детей на родном для них языке, велась подготовка учителей из казахов, национальных кадров партийных и советских работников. Центральный Исполнительный комитет ТуркАССР «в целях восстановления наименования, под которым он известен среди коренного (т. е. казахского.— Г. Д.) населения», переименовал г. Верный в г. Алма-Ата¹⁷.

Вопросами подготовки национального размежевания с момента своего образования в мае 1922 г. постоянно занимался такой чрезвычайный орган ЦК РКП(б), как Среднеазиатское бюро (Средазбюро) ЦК. Вся работа по подготовке размежевания, включавшего в себя и объединение казахских районов ТуркАССР с КАССР, проходила под непосредственным руководством Политбюро ЦК РКП(б) во главе с В. И. Лениным, при участии таких видных деятелей партии и государства, как М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев, Я. Э. Рудзутак, Г. К. Орджоникидзе и др.

Важной задачей было преодоление глубоко ошибочных и вредных предложений пантюркистского толка о создании так называемой Тюркской республики, исходивших из ложной идеи о существовании некой «тюркской нации», якобы объединяющей все народы многонациональной Советской страны, говорящие на тюркских языках. Образование «тюркского государства» фактически означало бы передачу власти в руки буржуазии под эгидой иностранных империалистических государств. Идеология пантюркизма, как и панисламизма, использовалась контрреволюционными силами в Средней Азии, в том числе басмачами, Энвер-пашой. Пантюркистские идеи получили довольно широкое распространение в буржуазной историко-этнографической литературе. Буржуазные историки игнорировали реальные факты существования казахского, узбекского и других тюркоязычных народов. В 1960—1970 гг. в буржуазной историографии выдвигались положения о том, что вплоть до размежевания «фактически не было истории или сведений о народах Средней Азии», что размежевание было лишь средством борьбы с буржуазно-националистической идеологией, не отвечавшей чаяниям народов¹⁸.

Пантюркистские идеи не получили поддержки в массах и были отброшены самим ходом исторического развития. С начала 1924 г. подготовка национального размежевания вступила в завершающую фазу.

¹⁶ Сб. «Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период», стр. 310—312.

¹⁷ «Сборник важнейших декретов, постановлений и распоряжений правительства ТуркАССР за 1917—1922», Ташкент, 1923, стр. 29.

¹⁸ См.: G. Wheeler, *Racial problems in Soviet Muslim Asia*, London, 1960; его же, *Factors in the process of modernization in Asian Countries*, «Asian Affairs», vol. 59, 1972, pt. I; S. Becker, *Russia's protectorates in Central Asia, Bukhara and Khiva, 1865—1924*, Cambridge, Mass., 1968.

Вопрос о размежевании неоднократно рассматривался в Политбюро ЦК РКП(б), одоббившем его основные принципы и определившем конкретные меры по его осуществлению, в том числе составление подробных географической и этнографической карт всего среднеазиатского региона. Эти принципы получили всеобщую поддержку во время обсуждения на пленумах партийных комитетов и советов Казахстана и Средней Азии. В 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) утвердило предложение Средазбюро ЦК РКП(б) о размежевании, в котором, в частности, признало необходимым воссоединить казахские районы ТуркАССР и КазАССР¹⁹. Для воссоединения казахских районов была создана Центральная территориальная комиссия, в которую входили представители коренного населения всех народов Средней Азии и Казахстана; при ней было организовано Казахское временное бюро для уточнения границ территорий, переходящих в КазАССР.

Обсуждение вопроса о размежевании приобрело поистине всенародный характер, оно проходило в обстановке высокой политической активности трудящихся. Чрезвычайная сессия ТуркЦИКа 16 сентября 1924 г. приняла постановление о размежевании, в одном из разделов которого записано: «Во исполнение выраженной всеобщей воли рабочих и дехканских масс киргизского (казахского) народа предоставлять право киргизскому (казахскому) народу выйти из состава ТАССР в целях объединения киргизских (казахских) областей ТАССР в Киргизской (Казахской) Социалистической Республике»²⁰.

В сентябре 1924 г. вопрос о присоединении казахских районов ТуркАССР рассмотрели пленум Казахского обкома РКП(б) и III сессия КазЦИКа. Сессия отметила, что размежевание и объединение казахских земель является воплощением в жизнь самоопределения народов. Было образовано Временное партийное бюро и Революционный комитет по управлению районами, входящими в КазАССР, который должен был разработать все вопросы территориального, экономического и иного характера и согласовать их с вновь образуемыми братскими среднеазиатскими республиками²¹. В Средазбюро ЦК РКП(б) при Казахском бюро были созданы две подкомиссии — территориальная (председатель С. Асфендиаров) и экономическая (председатель М. Сергазиев)²². Партийные и советские организации Казахстана и Средней Азии раскрыли классовую, националистическую суть разного рода предложений национал-уклонистов, пытавшихся искусственно разжечь споры по территориальным вопросам²³.

Казахские трудящиеся горячо приветствовали национальное размежевание и объединение казахских земель. Труженики аула № 1 Сарыкульской волости Алма-Атинского уезда постановили: «Приветствовать национальное размежевание республик Средней Азии как одно из крупнейших мероприятий Советской власти, направленное к полному национальному прогрессу». Талгарский волостной съезд Советов оценил размежевание «как решительный революционный шаг Коммунистической партии и Советской власти», признал его «правильным и своевременным, выполняющим желание и интересы трудящихся масс народов

¹⁹ А. Нусупбеков, Указ. раб., стр. 64, 65; Х. Турсунов, Указ. раб., стр. 333.

²⁰ «Стенографический отчет III Чрезвычайной сессии ТуркЦИКа, 15—16 сентября 1924 г.», Ташкент, стр. 32, 33; см. также Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР, ф. 1235, оп. 26, д. 28, лл. 11—14.

²¹ Партийный архив Каз. филиала Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 139, оп. 1, ед. хр. 1162, л. 268; «Вестник Рабоче-Крестьянского правительства КАСР», 1924, № 23; газ. «Советская степь», 1 октября 1924.

²² Партийный Архив Узб. филиала Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 69, оп. 1, ед. хр. 4279, л. 30.

²³ А. Нусупбеков, Указ. раб., стр. 54—79; «Образование и деятельность Коммунистической партии Туркестана. Летопись событий», ч. 2, Ташкент, 1966, стр. 361—410; «Очерки истории Коммунистической партии Казахстана», Алма-Ата, 1963, стр. 228—231; «Под знаменем ленинских идей», Алма-Ата, 1973, стр. 318, 319.

Востока», проведенным «под знаменем межнационального мира». Ак-Мечетский уездный съезд Советов назвал национальное размежевание мерой, дающей «полное самоопределение и равноправие народностям, населяющим Туркестанский край, ранее угнетенным самодержавием». Этот факт лишний раз доказывает пролетариату Запада, с одной стороны, и угнетенным народам всех рас и национальностей — с другой, что только через Октябрь и Советы, подлинную пролетарскую власть мыслимо освобождение всех угнетенных народов из-под ига «культурного» варвара — капитала.

Для среднеазиатских же народов, долгое время находившихся под пятой русского царизма, национальное самоопределение есть единственный путь разрешения национальных противоречий и выявления классовых стремлений беднейшего дехканства и батрачества.

Съезд призывает всех трудящихся Ак-Мечетского уезда и города всеми мерами способствовать как экономической, так и политической мощи вновь образуемой Киргизской (Казахской) республики, уделяя максимум внимания классовому расслоению». Съезд подчеркнул, что «необходимо вхождение социалистической Киргизии (Казахстана) в общий Советский Союз»²⁴.

В соответствии с решениями территориальных комиссий осенью 1924 г. в состав Казахской АССР перешли Казалинский, Ак-Мечетский (Кзыл-Ординский), Туркестанский, Чимкентский уезды, часть Аулие-Атинского, Ташкентского, Мирзачульского уездов Сырдарьинской области, несколько волостей Джизакского уезда Самаркандской области, Алма-Атинский, Жаркентский, Лепсинский, Капальский уезды, часть Ташкентского уезда Джетысуйской области, всего территория площадью 685,9 тыс. км² с населением 1 468 724 чел.²⁵ В составе населения вошедших в КазАССР районов преобладали казахи: в Сырдарьинской области 90,6%, в Джетысуйской — 74,2%. Удельный вес казахского населения в общей численности населения поднялся с 46 до 61,3%²⁶. На территории, присоединенной к Казахской республике, находились крупные месторождения полезных ископаемых, большие посевные площади, в том числе поливные, и свыше 5845 тыс. голов скота.

В письме ЦК РКП(б) к парторганизациям Казахстана говорилось, что таким образом были созданы условия для «развертывания работы по поднятию экономического и культурного уровня Кирреспублики»²⁷.

Вместе с тем из Казахской АССР выделялась Оренбургская губерния, в которой преобладало русское население. Следует отметить, что Оренбург, который был первой столицей КазАССР, сыграл исключительно важную роль в установлении и упрочении Советской власти в Казахстане, в укреплении большевистской партийной организации республики, в подготовке национальных кадров партийных, советских, хозяйственных работников, деятелей науки и культуры. Роль Оренбурга в истории советского национально-государственного строительства Казахской ССР показывает, какую громадную помощь оказывал русский рабочий класс казахскому народу в переходе к социализму, минуя капитализм. Впоследствии столица Казахской АССР была перенесена в Ак-Мечеть, вскоре переименованную в Кзыл-Орду.

V съезд Советов Казахской АССР (15—19 апреля 1925 г.), собравшийся в Кзыл-Орде, поздравил всех трудящихся республики с объединением земель. В своем обращении «К рабочим, скотоводам, земле-

²⁴ Гос. архив Алма-Атинской обл., ф. 361, оп. 1, д. 335, лл. 14, 200; Гос. архив Кзыл-Ординской обл., ф. 1, д. 194, л. 7.

²⁵ ЦГА КазССР, ф. 755, оп. 1, д. 30, л. 1; «Новый Восток», 1925, № 8, 9; в состав КазАССР вошла тогда и Каракалпакская автономная область (до 1929 г.).

²⁶ «Социалистическое строительство Казахской ССР за 20 лет», Алма-Ата, 1940, стр. 1.

²⁷ «Казахстанская организация ВКП(б) в решениях ее конференций и пленумов», вып. 1, Алма-Ата — Москва, 1931, стр. 7, 8.

дельцам, ко всем трудящимся республики» съезд записал: «Труден был путь к осуществлению этой задачи (объединения.— Г. Д.). Трудно было это претворить в жизнь в первые годы после Октября. Контрреволюционные выступления, зажегшие пожар гражданской войны в степных просторах Казахстана, имели целью поврать союз между рабочим классом и трудящимися всех национальностей СССР. Но выступления эти и все надежды контрреволюции были разбиты.

V Всеказахский съезд Советов входит в историю трудящихся КАССР как первый съезд, которым заканчивается полоса собирания всех областей, населенных трудящимися-казахами, и завершается национально-государственное оформление КАССР.

Перенесение столицы республики в гор. Ак-Мечеть, в глубь страны, ближе к основной массе трудящихся казахов, ближе к аулу, кишлаку, придает этому историческому акту исключительное значение.

Позади остались великие трудности. Позади осталась тяжелая борьба с угнетателями. Позади остались тяжелые годы гражданской войны. Позади остались голодные дни 1920—1921 гг. Позади осталась историческая полоса организационной работы по созданию и укреплению КАССР.

А впереди еще много дела, много творческой работы и немало трудностей. Впереди полоса экономического возрождения Казахской республики, полоса борьбы за поднятие производительных сил страны, за поднятие материального благосостояния и культурного уровня всех трудящихся, населяющих КАССР.

Полностью осознавая все трудности, лежащие на пути к быстрому расцвету хозяйства Казахстана, V Всеказахский съезд Советов заявляет о нерушимости социалистических принципов, положенных в основу нашего строительства, и призывает всех трудящихся к борьбе с разрухой и нищетой.

Съезд напоминает всем трудящимся массам КАССР, что своим освобождением от угнетения они обязаны пролетариату, который, сбросив власть буржуазии, сбросил цепи гнета с отсталых поработенных национальностей.

Поэтому съезд заявляет, что важнейший завет Ленина — освобождение угнетенных национальностей в союзе рабочего класса с крестьянством — будет неизменно руководить политической и хозяйственной деятельностью Казахской республики.

Съезд призывает всех трудящихся различных национальностей, населяющих КАССР, к дружной совместной работе, тесному сотрудничеству и взаимному доверию и к борьбе с остатками национальной розни»²⁸. В соответствии с волей трудящихся, выраженной на съезде, ВЦИК 15 июня 1925 г. переименовал Киргизскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в Казахскую Автономную Советскую Социалистическую Республику²⁹. Съезд постановил: «Для восстановления исторически верного имени киргизского народа впредь именовать киргиз казахами»³⁰.

Съезд подтвердил свою нерушимую верность союзу с братскими равноправными народами и республиками в составе Союза ССР. В своем выступлении в печати в связи с итогами размежевания известный партийный и государственный работник республики У. Джандосов отметил, что казахский народ обязан всеми своими социально-культурными достижениями «победе Октябрьской революции и добровольному союзу его с российским рабочим классом, руководителем которого является

²⁸ ЦГА КазССР, ф. 5, д. 59, л. 187а.

²⁹ См.: Сборник документов и материалов «Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период», стр. 161.

³⁰ «Вестник Рабоче-Крестьянского правительства КАССР», 1925, № 12, стр. 14.

РКП(б)³¹. V Казахская краевая партконференция (1—7 декабря 1925 г.) еще раз подчеркнула, что национальное размежевание завершило «работу по объединению всего казахского населения и оформлению КАССР как национальной республики» и является «одним из важнейших этапов практического осуществления национальной политики нашей партии»³². 5 декабря 1936 г. Казахская АССР была преобразована в Казахскую ССР.

Национальное размежевание, объединение земель, населенных казахами, в Казахской ССР явилось практическим претворением в жизнь главных принципов ленинской национальной политики и отвечало чаяниям народов Средней Азии и Казахстана, перспективам их развития в условиях советского общественного и государственного строя.

* * *

Со времени национального размежевания Средней Азии и объединения земель, населенных казахами, в Казахской АССР прошло 50 лет.

50 лет — исторически сравнительно короткий период, но вполне достаточный, чтобы определить значимость исторических событий, оценить их. Истекшие полвека ясно показали глубокую правильность ленинского подхода к проблеме национального размежевания и объединения казахских земель в Казахской АССР. В кратчайшие исторические сроки при братской помощи русского и других народов СССР под руководством Коммунистической партии казахский народ перешел к социализму, минуя капиталистическую формацию. Объединение земель и укрепление советской национальной государственности в составе Союза ССР помогло быстро преодолеть пережитки родо-племенных и патриархально-феодальных институтов, способствовало формированию казахской социалистической нации. В результате быстрого индустриального развития и победы социалистического строя в Казахстане утвердились новые общественные отношения, сложились многочисленные национальные кадры советского рабочего класса; в ауле было навсегда покончено с засильем баев, эксплуатацией человека человеком, казахское колхозное крестьянство стало прочной опорой Советской власти. Расцвела национальная по форме, социалистическая по содержанию культура казахской нации, была создана советская национальная интеллигенция. Неизмеримо расширил свои социальные и общественные функции казахский язык, развились национальные литература и искусство. Казахские кюи, опера зазвучали на сценических площадках многих городов страны, вышли за рубеж нашей Родины; образцы народного творчества и профессионального художественного мастерства демонстрируются на всесоюзных и международных выставках. Творения казахских писателей нашли путь к сердцу и уму русского и грузина, украинца и латыша и других народов СССР, переведены на многие иностранные языки. Имена Абая и Чокана Валиханова вошли в сокровищницу отечественной и мировой науки и культуры. Казахский народ осознает свое социально-политическое, экономическое и культурное единство со всеми народами СССР.

Стремительный взлет — пожалуй, иначе не определишь прогресс экономики и культуры Казахской ССР в последние годы. Только в восьмой пятилетке объем промышленного производства возрос более чем на 55% и составил столько же, сколько за предшествующее десятилетие. Было введено в строй 445 крупных предприятий и цехов. Заработали турбины Капчагая, Ермаковской и Джамбулской ГРЭС. Увеличилась мощность Соколовско-Сарбайского горнообогатительного комбината, и на Урал пошла руда Лисаковского. Возросли мощности Джезказгана и Балхаша,

³¹ Газ. «Советская степь», 30 сентября 1925 г.

³² См. «Резолюции 5-й Всеказахской конференции РКП(б)», Кзыл-Орда, 1925.

Казахской Магнитки. На поля вышли тракторы Павлодара. Уголь, добытый в грандиозных Экибастузских карьерах, используется во всех уголках советской земли; нефть Мангышлака по трубопроводам поступает в Среднее Поволжье. Минеральные удобрения юга Казахстана поднимают урожай на среднеазиатских полях, а 500-километровый уникальный канал Иртыш — Караганда несет живительную влагу в степи и города Центрального Казахстана. Новые заводы и рудники востока республики дали стране необходимые полиметаллы и сплавы, идущие буквально во все отрасли народного хозяйства, а тургайские бокситы стали важной сырьевой базой производства алюминия. 300 новых видов сложных современных машин и оборудования создала промышленность Казахской ССР. Во много раз возросло производство товаров народного потребления.

За три года девятой пятилетки объем промышленного производства Казахской ССР увеличился почти на 24%. За 1 час в республике вырабатывается 5 млн. *квт·час* электроэнергии, добывается более 2 тыс. *т* нефти, 9 тыс. *т* угля. Вошло в строй 220 новых крупных, оснащенных современной техникой промышленных объектов³³.

Прочно закрепилось за Казахской республикой место одной из ведущих житниц Союза ССР. В результате освоения целины посевные площади республики превысили 30 млн. *га*. Валовой сбор зерновых и зернобобовых составил за пятилетку 6 млрд. 303 млн. *т*, а в 1972 и 1973 гг. КазССР дала государству по миллиарду пудов зерна в год. Неуклонно растет производство технических культур и продуктов животноводства. Большие успехи достигнуты в рисоводстве. Резко расширились площади орошаемых и поливных земель.

В городе и на селе происходят крупные социально-экономические сдвиги. Численность населения за период между 1959—1970 гг. увеличилась на 3 млн. 700 тыс. человек. На карте республики появилось 36 новых городов, среди них такие, как Шевченко и Новый Узень, Джанатас и Каратал.

Вместе с увеличением заработной платы рабочих и служащих, доходов колхозников растут общественные фонды потребления: в 1970 г. они в пересчете на душу населения составили почти 250 руб. в год. Свыше 3 млн. человек, или почти четвертая часть населения Казахской ССР, справили новоселье.

В 1970 г. в народном хозяйстве республики было занято 4,7 млн. человек. В 45 вузах, 10 тыс. школ, в сотнях техникумов и профтехучилищ обучалось около 4 млн. человек; таким образом, почти каждый третий житель республики учился.

Характерно также, что свыше трех четвертей населения, занятого в народном хозяйстве, трудится непосредственно в сфере материального производства. Причем существенно, что за 1966—1970 гг. удельный вес населения, занятого в промышленности, поднялся с 17 до 20,5%, в торговле увеличился с 6,5 до 7,4%, в просвещении и науке — с 8,1 до 11,6%, в здравоохранении — с 3,7 до 5,7%, а в сельском хозяйстве снизился с 38,6 до 29,5%.

16 тыс. библиотек, 7 тыс. клубов, 358 газет, 20 журналов, разветвленная сеть радио- и телецентров, сотни кинотеатров и тысячи кинопередвижек, театры удовлетворяют возросшие духовные запросы тружеников города и села.

Рост благосостояния и культуры всех народов СССР в условиях развитого социалистического общества способствует сближению наций и народностей нашей страны. Особенно ясно об этом свидетельствуют лингвистические процессы. По данным переписи 1970 г., 98,8% казахов, живущих на территории Казахской ССР, называли своим родным языком

³³ Д. А. Кунаев, Всегда с партией, всегда с народом, Речь на XIII съезде ЛКСМК, «Казахстанская правда», 1974, 19 февраля.

казахский; при этом 41,8% из них отметили, что свободно владеют русским языком. Казахи читают поэзию и прозу Лермонтова и Шевченко, Райниса и Джами; в национальном театре слушают оперы Чайковского и Палиашвили. Казахские танцы исполняются молдавским ансамблем «Жок», а симфонии Шостаковича и Хачатуряна — Государственным оркестром Казахской ССР им. Курмангазы.

Сближение наций и народностей в области социалистической культуры — это не механическое растворение социалистических национальных культур, а их взаимообогащение, диалектический синтез. Социалистическая культура многонационального советского народа естественно и органически впитывает достижения каждой национальной культуры, делает их общим достоянием всех советских людей, всех наций и народностей Советской страны. Прогрессивные традиции казахской нации, соединившись с традициями других народов, наполняются новым, социалистическим содержанием и приобретают интернациональную значимость.

Безвозвратно ушли в прошлое те традиции и социально-бытовые институты казахского народа, которые прямо или опосредованно несли в себе элементы эксплуатации, косности, застоя, социального неравенства, национальной ограниченности, неравноправия женщины. Сохранились, окрепли, развились традиции и социально-бытовые институты, которые несли в себе подлинно ценное, гуманное, многовековой опыт народа и его мудрость. Они естественно и органически входят в современную материальную и духовную жизнь народа.

Трижды орденоносная Казахская ССР в равноправном и братском созвездии республик нерушимого Союза Советских Социалистических Республик являет всему миру образец справедливого общества, не знающего эксплуатации, нищеты, голода, национального и расового гнета.

Свыше 50 лет тому назад, в ноябре 1922 г., в канун образования СССР, В. И. Ленин писал: «Наш опыт решения в течение пяти лет национального вопроса в государстве, содержащем в себе такое обилие национальностей, которое едва ли можно найти в других странах, всецело убеждает нас в том, что единственным правильным отношением к интересам наций в подобных случаях будет максимальное их удовлетворение и создание условий, которые исключают всякую возможность конфликтов на этой почве»³⁴. Опыт национально-государственного размежевания советских республик Средней Азии и объединения казахских земель в Казахскую ССР — неопровержимо свидетельствует о торжестве ленинской национальной политики.

ON THE HISTORY OF THE INTEGRATION OF KAZAKH TERRITORIES INTO THE KAZAKH SOVIET SOCIALIST REPUBLIC

The problem of the national state delimitation of the Middle Asian Soviet Republics is examined on concrete historical data, mainly as it concerns one of its component parts, namely the integration of Kazakh lands in the Kazakh Republic. The historic importance of the Leninist teaching on the right of nations to self-determination is demonstrated, as well as its role in the birth and development of Kazakh statehood within the Union of Soviet Socialist Republics, on the basis of internationalistic principles of equality and voluntary association. The aspirations of the Kazakh people towards self-determination and towards integration based upon the Soviet social and state structure in alliance with the fraternal Republics are also set forth. The activities of the Party and the Soviet State in paving the way for the national and state delimitation of Soviet Republics in Middle Asia are described and the importance of this measure for the economic and cultural advancement of the Kazakh SSR is elucidated.

³⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 240.